

ЦАРЬ ИОАННЪ ГРОЗНЫЙ

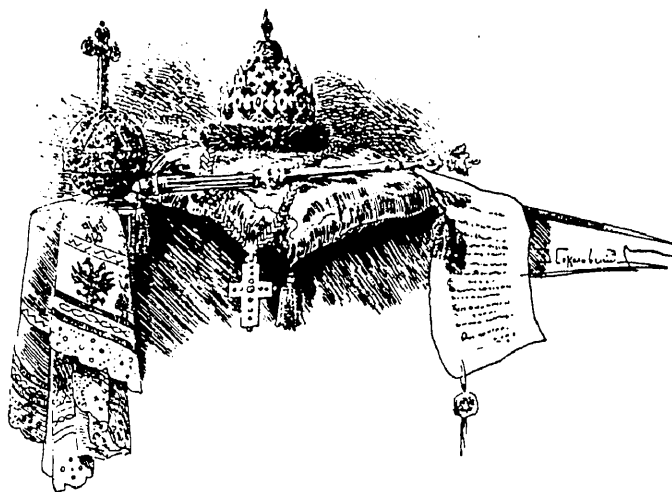
ЮАННЪ ГРОЗНЫЙ.
Этюдъ В. М. Васнецова. Третьяковская галерея.

57
1914
с

1914

ЦАРЬ ИОАННЪ ГРОЗНЫЙ

ЕГО ЦАРСТВОВАНИЕ, ЕГО ДѢЛАНІА, ЕГО
ЖИЗНЬ, СОВРЕМЕННИКИ И ДѢТЕЛИ ВЪ
ПОРТРЕТАХЪ, ГРАВЮРАХЪ, ЖИВОПИСИ,
СКУЛЬПТУРѢ, ПАМЯТНИКАХЪ ЗОДУЕСТВА
И ПР. И ПР. ПОДЪ РЕД. Н. ГОЛОВИНА И
Л. М. ВОЛЬФА.

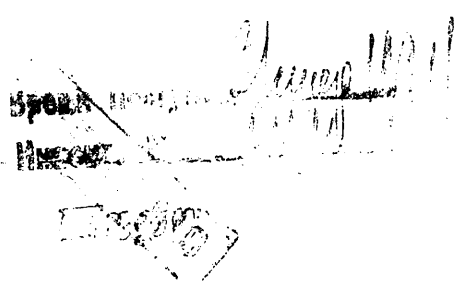
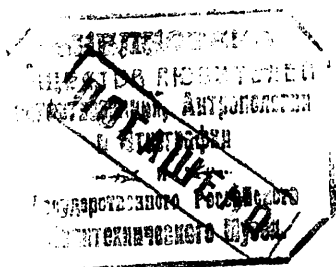

ИЗДАНИЕ
Поставщиковъ Его Императорскаго Величества
ТОВАРИШЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
• ВПБУРЪ • МОСКВА •

Въ богатой литературѣ о Іоаннѣ Грозномъ до сихъ поръ былъ чувствительный пробѣлъ: не существовало сочиненія, въ которомъ были бы сгруппированы, собраны вмѣстѣ и размѣщены въ известной системѣ копии со всѣхъ выдающихся произведеній искусства, относящихся къ Грозному, снимки характерныхъ грамотъ его времени, виды Москвы, московскихъ храмовъ и дворцовъ его эпохи и пр. и пр.—вообще сочиненія, въ которомъ былъ бы собранъ такъ-называемый иконографическій матеріалъ, имѣющій громадное значеніе, какъ наглядная иллюстрація эпохи и царствования этого загадочнаго царя.

Пополнить этотъ пробѣлъ—составляетъ цѣль настоящаго изданія. Въ определенной, строго выработанной системѣ, здѣсь воспроизведено все то, что такъ или иначе можетъ дать понятіе о Грозномъ, можетъ служить къ уясненію его дѣяній или мѣропріятій, его исторической роли и пр. Главнымъ образомъ въ настоящемъ изданіи обращено вниманіе на возможно полное собраніе всѣхъ *современныхъ*, частью чрезвычайно рѣдкихъ гравюръ, какъ на наиболѣе достовѣрный, такъ-сказать документальный иконографическій матеріалъ. Изъ произведеній же новѣйшаго искусства взято все крупное, существенное, важное. Такимъ образомъ получилась полная картина царствования Іоанна въ гравюрахъ, портретахъ произведеніяхъ живописи, памятникахъ зодчества и т. д. и т. д.

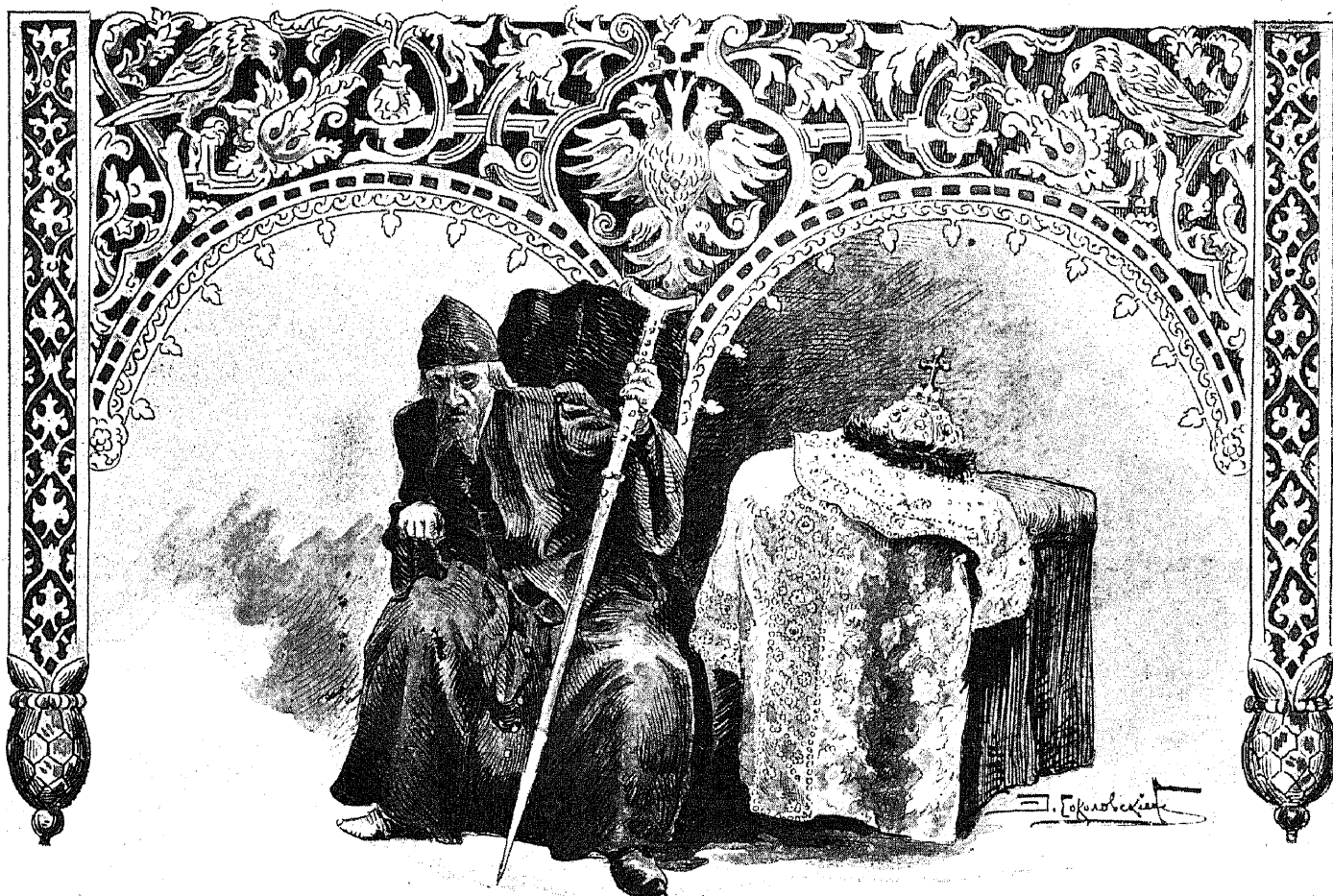
Текстъ, сопровождающій помѣщенныя въ изданіи иллюстраціи, имѣетъ цѣлью очертить какъ исторію жизни и царствования Грознаго на основаніи новѣйшей о немъ литературы, такъ и пояснить самыя иллюстраціи.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 ноября 1904 года.

Типографія Товарищества М. О. Вольфа. С.-Петербургъ, В. О., 16 л., д. 5—7.

ВСТУПАЮЩЕ

Въ ряду загадочныхъ образовъ видныхъ государственныхъ дѣятелей русскаго прошлаго, кровавая, эффектная личность Грознаго выдѣляется особенно ярко, приковываетъ къ себѣ исключительное вниманіе своей двойственностью, своей, если можно такъ выразиться, величавой преступностью, мучительной сложностью своихъ чувствъ, мыслей и побужденій. Недаромъ страшная загадка этой несомнѣнно недюжинной, но также несомнѣнно помраченной души тревожила столько великихъ умовъ, столько талантливыхъ писателей, поэтовъ, художниковъ, ученыхъ, такъ горячо стремившихся болѣе или менѣе удачно проникнуть въ нее, недаромъ изображенію эпохи Грознаго и его личности посвящено столько художественныхъ произведеній. Многіе считали его великимъ и старались оправдать его кровавыя злодѣйства, еще больше было такихъ, которые, вмѣстѣ съ его первымъ талантливымъ, но слишкомъ пристрастнымъ историкомъ, извѣстнымъ княземъ Андреемъ Курбскимъ, считали его ничтожнымъ и мелкимъ, приписывая всѣ великія событія его блестящаго царствованія постороннему вліянію и только... Тѣ и другіе были неправы. За послѣднее время слышались голоса, которые объявили его больнымъ и ненормальнымъ, и едва-ли это не самое здравое сужденіе о немъ.

По событіямъ внѣшнимъ царствованіе Грознаго является необыкновенно значительнымъ и славнымъ. Одной побѣды надъ татарами, исконнымъ врагомъ русской земли, завоеванія всего Поволжья и покоренія Сибири достаточно, чтобы высоко поставить престижъ любого царствованія. Не надо забывать при этомъ и упорныхъ, хотя неудачныхъ попытокъ Іоанна пробить черезъ Ливонію болѣе удобный путь для сношенія съ западомъ: это стремленіе, для осуществленія котораго не пожалѣлъ впоследствии ни силъ, ни жертвъ Великій Петръ, достаточно свидѣтельствуетъ о большомъ, проницательномъ и дальновидномъ умѣ царя Ивана. Онъ ясно представлялъ себѣ несомнѣнную пользу сближенія Руси съ болѣе просвѣщенными странами, заводилъ дѣятельныя сношенія и торговлю съ Англіей, велъ дипломатическія сношенія съ папой и императоромъ, которые уже начинали смотрѣть на московскаго царя, какъ на могущественнаго союзника въ борьбѣ съ турками, серьезно угрожавшими тогда Европѣ.

Не менѣе значительны и внутреннія событія Іоаннова царствованія. До него русскіе великіе князья, озабоченные приращеніемъ своихъ владѣній и соединеніемъ въ одно крѣпкое цѣлое разрозненныхъ частей удѣльной Руси, весьма мало вниманія удѣляли ея внутреннему неустройству, недостатку системы въ управленіи, злоупотребленіямъ и безтолковости въ судопроизводствѣ, дѣлахъ церковныхъ, грубости и невѣжественности народа, странности его нравовъ и обычаевъ. Грозный первый не только обратилъ на это вниманіе, но и прилагалъ по мѣрѣ возможности всѣ усилія, чтобы исправить дѣло. Имъ было положено начало созыву земскихъ выборныхъ на совѣтъ о государственныхъ дѣлахъ, попытка ввести въ Россіи земское самоуправленіе, имъ, или вѣрнѣе по его повелѣнію, былъ пересмотрѣнъ и переизданъ сводъ русскихъ законовъ, записанный въ его знаменитомъ „Судебникѣ“, имъ былъ созванъ „Столовый соборъ“ для пересмотра церковныхъ дѣлъ. Не его вина, если всѣ эти благія начинанія не увѣнчались большею частью никакимъ успѣхомъ: вмѣстѣ съ Петромъ I онъ имѣлъ бы полное право сказать, что онъ тогда въ Россіи самъ-десять только (и даже того меньше) тянулъ въ гору, тогда какъ самъ-сотъ тянули подъ гору! И правъ тотъ изъ историковъ Іоанна, который сказалъ, что застарѣлое невѣжество и нравственная загрубѣлость русскихъ въ корни разстроили всѣ его проникательно задуманные планы, что не было тогда рѣшительно въ народѣ ни умственной, ни нравственной силы для обновленія: онъ зналъ только свои привычные порядки и могъ только крѣпко держаться за свою святую старину, дурно понятую и мало примѣнимую къ новымъ условіямъ жизни... Вотъ почему заботы объ улучшеніи государственнаго строя и общественной жизни не принесли большой пользы.

Единственное внутреннее начинаніе Іоанна увѣнчалось успѣхомъ—побѣда самодержавія надъ боярствомъ... но нельзя не замѣтить, что она могла быть куплена далеко не такой кровавой и звѣрской цѣной, которая наложила на личность и память Іоанна несмываемое пятно.

Спора нѣтъ, что боярство стояло между царемъ и народомъ слишкомъ крѣпкой преградой. И никогда еще знатные бояре, потомки удѣльныхъ князей и всѣхъ ихъ присныхъ не достигали въ Москвѣ такой силы, какъ въ малолѣтство царя Івана. Событія давно доказали, что ничто не могло быть для государства губительнѣе и для народа ужаснѣе этого боярскаго самовластія. Чего стоилъ одинъ обычай воеводскаго кормленія, разорявшій цѣлыя области, ввѣренные воеводѣ, который буквально грабилъ всѣхъ и вся, оставляя мѣста своего пребыванія послѣ кормленія совершенно опустошенными, словно только что перенесшими вторичное татарское нашествіе! Не менѣе губителенъ былъ и обычай мѣстничества, распредѣленія важнѣйшихъ государственныхъ должностей, военныхъ и гражданскихъ, по знатности рода, выдвигавшій на самыя видныя мѣста нерѣдко самыхъ тупыхъ, бездарныхъ, жалкихъ посредственностей, личностей самаго низкаго разбора и закрывавшій наглухо дорогу къ общественной дѣятельности всякому неродовитому уму и таланту.

Іоаннъ достаточно насмотрѣлся съ дѣтства на возмутительное и грубое самовластіе боярства, окончательно сорвавшася съ узды, когда оно перестало чувствовать надъ собою крѣпкую руку господина. Достаточно унижали и травили его всѣ эти Шуйскіе, Глинскіе и имъ подобные: забывъ всякую осмотрительность, они ворвались въ самое святое святыхъ его души, отравили его мать, лишили его любимыхъ друзей, кормилицы—самаго близкаго для него человѣка, загрязнили сценами кроваваго буйства и насилія его дѣтскую, болѣзненно впечатлительную душу, съ которой надо было обращаться такъ осторожно и нѣжно, чтобы потушить въ ней огонь нездоровыхъ страстей, которыя они сами раздули въ грандіозный, всеразрушающій пожаръ. Можно смѣло сказать, что Шуйскіе съ товарищами сами постарались доставить Іоанну неисчислимыя поводы думать, что дѣлу его предковъ, великихъ собирателей русской земли, грозитъ неизбежная бѣда, что самодержавіе и единство Руси, которое они такъ старательно растили, будетъ навѣкъ заглушено потомками князей, удѣлы которыхъ поглощены были Москвою.

Борьба самодержавія съ боярствомъ становилась неизбежной,—говоритъ извѣстный русскій историкъ Соловьевъ.—Боярство совершенно не понимало своихъ выгодъ, не было объединено опредѣленной общей цѣлью, непрерывно враждовало между собою, готово было губить другъ друга ради самыхъ мелкихъ личныхъ цѣлей, озлобляло противъ себя народъ всевозможными злоупотребленіями и насиліями, не стѣсняясь иной разъ въ минуту необходимости измѣнить и присягѣ. Это все какъ бы оправдывало и узаконяло борьбу съ ними Іоанна. Грубый-же ихъ произволь и личные обиды царю во время его малолѣтства породили глубокую ненависть и чувство мести въ его душѣ и придали этой борьбѣ беспощадный, если не сказать безчеловѣчный, характеръ.

Боярство должно было быть раздавлено въ силу различныхъ чисто историческихъ причинъ,

но трудно, конечно, оправдать ужасный способъ, который примѣнялъ Іоаннъ для достиженія своей цѣли—его кровавыя потѣхи и издѣвательства, его болѣзненную мнительность, его массовыя пытки, казни, избиенія, которымъ подвергались и не одни бояре, произволь его опричины, безудержный разгулъ его страстей; оправданія, или, по крайней мѣрѣ, объясненія этому слѣдуетъ искать въ одномъ—болѣзненности Іоанна.

Въ одномъ изъ своихъ интересныхъ психіатрическихъ эскизовъ по исторіи, проф. Ковалевскій доказываетъ, что Іоаннъ страдалъ такъ-называемой параноей, или первичнымъ помѣшательствомъ, болѣзнию, представляющей чрезвычайно странное и причудливое раздвоеніе сознанія человѣка. Параноикъ живетъ обыкновенно двойственной жизнью, въ отношеніи свѣдѣній объ обыденной жизни параноикъ ничѣмъ не отличается отъ обычнаго человѣка: онъ имѣетъ тѣ-же знанія, въ точности выполняетъ ихъ, какъ всѣ люди, вполне правильно и сознательно воспринимаетъ и переживаетъ текущую жизнь и въ то-же время въ область этой здоровой обычной жизни врывается его бредъ преслѣдованія. Долгое время эти два душевныхъ міра совмѣщаются въ человѣкѣ незамѣтно для окружающихъ, долгіе годы параноикъ можетъ занимать общественныя должности, быть гражданиномъ не хуже другихъ и удовлетворительнымъ семьяниномъ. Бредъ преслѣдованія параноика существуетъ въ больномъ непрерывно, но его теченіе или прохожденіе совершается волнообразно: то усиливаясь, то ослабѣвая. Въ періоды ослабленія бредовыхъ идей параноикъ покоенъ, тихъ, исполнительенъ, болѣе или менѣе общителенъ и легко подчиняется требованіямъ общественной жизни; въ періодъ ожесточенія бредовыхъ идей параноикъ выходитъ изъ своей тихой жизни и пытается проявить тяготящее надъ нимъ вліяніе своихъ бредовыхъ идей. Если-бы мы представили себѣ человѣка съ общественнымъ положеніемъ неограниченнымъ, неограниченнымъ правомъ и свободой дѣйствія, то подъ вліяніемъ бредовыхъ идей преслѣдованія такой человѣкъ быстро одержитъ верхъ надъ сознаніемъ обычной здоровой жизни и въ моментъ ожесточенія бредовыхъ идей явится разрушителемъ міра. (Проф. Ковалевскій: „Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе“).

И дѣйствительно, если смотрѣть на Іоанна съ этой точки зрѣнія,—не трудно объяснить себѣ его на первый взглядъ загадочное поведеніе, тѣмъ болѣе, что извѣстное предрасположеніе къ душевной болѣзни несомнѣнно было врождено ему, а воспитаніе и обстановка первыхъ шаговъ его жизни сдѣлали повидимому все, чтобы это предрасположеніе усилилось.

Іоаннъ былъ сыномъ престарѣлаго отца и слишкомъ молодой матери, при чемъ Василій III отличался болѣзненностью, а Елена Глинская вспыльчивостью, излишней страстностью и несдержанностью нрава. Короче говоря, Іоаннъ, по мнѣнію профессора Ковалевскаго, въ качествѣ сына родителей съ значительно сомнительной нервной системой и не особенно безпорочной физической организаціей, обладалъ уже отъ рожденія недостаточно здоровой, крѣпкой и устойчивой нервной системой; напротивъ, она уже съ появленіемъ на свѣтъ предназначена была стать хилой, отступающей отъ обычнаго бытія и склонной къ заболѣваемости. „Это предположеніе доказывается состояніемъ здоровья членовъ семейства Іоанна Грознаго: его братъ былъ скудоуменъ, его дѣти вымираютъ, проявляютъ необыкновенную жестокость и эпилепсію. Такія семейныя проявленія даютъ основаніе къ допущенію предположенія о вырожденіи рода. Члены такихъ семействъ находятся подъ опасностью стать вырождающимися или, какъ ихъ называютъ, дегенератами“ („Психіатрическіе эскизы по исторіи“).

Здоровое и заботливое воспитаніе, можетъ-быть, могло-бы еще спасти Іоанна и подавить въ немъ зародыши его страшной болѣзни, но жизнь Іоанна сложилась такъ несчастливо, что все, казалось, было противъ него. Онъ росъ заброшеннымъ, лишеннымъ любви и ласки, несчастнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова ребенкомъ. „Его мать жила для себя,—говоритъ пр. Ковалевскій—(Елена была, какъ извѣстно, безумно влюблена въ молодого красавца Телепнева-Оболенскаго, смертью заплатившаго за свой романъ съ царственной вдовой), и ребенокъ царя Василя для нея не существовалъ. Такія условія жизни въ первые годы дѣтства должны были уже породить въ Іоаннѣ замкнутость, скрытность, сосредоточенность, подозрительность, сухость къ окружающимъ и даже нѣкоторую степень недовольства и озлобленія“. Еще хуже стало, когда Елена умерла и несчастный ребенокъ сдѣлался игрушкой чужого произвола. „Окруженный людьми, которые въ своихъ стремленіяхъ не обращали на него никакого вниманія,—говоритъ знаменитый нашъ историкъ Соловьевъ,—людьми, которые оскорбляли его, въ своей борьбѣ не щадили другъ друга, позволяли себѣ въ его глазахъ насильственные поступки, Іоаннъ привыкъ не обращать вниманія на интересы другихъ, привыкъ не уважать человѣческаго достоинства, не уважать жизни человѣка. Пренебрегая развитіемъ хорошихъ склонностей ребенка, подавленіемъ дурныхъ, воспитатели позволяли

ему предаваться чувственнымъ и животнымъ стремленіямъ, потворствовали ему и хвалили за то, за что надо было порицать (известно, что Іоаннъ любилъ въ дѣтствѣ мучить животныхъ, давить народъ, носясь съ товарищами на коняхъ по люднымъ улицамъ Москвы), и въ то же время, когда дѣло доходило до личныхъ интересовъ боярскихъ, молодого князя оскорбляли, оскорбляли память его родителей, умерщвляли людей, къ которымъ онъ былъ привязанъ⁴. Никто не постарался смягчить его нравъ, воспитать въ немъ чувство долга. Одни побуждали только къ охотѣ, кровопролитности, кровожадности и лютости къ людямъ, другіе развивали въ немъ для своихъ личныхъ цѣлей подозрительность, науськивали его на своихъ враговъ. Словомъ, всѣ условія его жизни и воспитанія только усилили болѣзненную неустойчивость его нервной системы.

Подпавъ на нѣкоторое время подъ благотворное вліяніе Сильвестра, своего придворнаго духовника и его друзей, Іоаннъ, по неустойчивости своей болѣзненной воли, не могъ долго оставаться вѣрнымъ одному направленію. Его болѣзнь и отказъ многихъ изъ ближайшихъ его совѣтниковъ присягнуть его малолѣтнему сыну Дмитрію изъ боязни повторенія боярскаго самовластия эпохи дѣтства Іоанна, смерть его любимой жены Анастасіи, отравленной, какъ онъ подозрѣвалъ, боярами, дали послѣдній толчокъ къ совершившемуся въ немъ окончательному нравственному перелому.

Іоаннъ окончательно падаетъ, окружаетъ себя опричниками, предается оргіямъ, пыткамъ, казнямъ—бредъ преслѣдованія сказывается въ немъ во всей своей страшной силѣ. „Поддерживающими болѣзнь обстоятельствами,—замѣчаетъ проф. Ковалевскій,—послужили для Іоанна воспоминанія прошлаго и напечтыванія такихъ приближенныхъ, какъ Малюта Скуратовъ, Вяземскій и другіе. Характеръ паранойки необыкновенно ярко выражается въ созданіи опричнины. Подозрительный, бредящій врагами, трусливый и малодушный, Іоаннъ создаетъ опричницу, коей назначеніе охранять его и изводить враговъ Іоанновыхъ“.

Непормальность Іоанна сказывается и въ его болѣзненной выдумкѣ превращать время отъ времени Александровскую слободу, гдѣ онъ жилъ со своей опричиной, въ монастырь, котораго онъ считалъ себя настоятелемъ, котораго келаремъ онъ назначилъ палача Малюту, а братіей остальныхъ кровожадныхъ опричниковъ.

И по мѣрѣ того какъ усиливалась болѣзнь Іоанна—все сильнѣй и сильнѣй разгоралась въ немъ жажда крови: его казни возрастали съ десятковъ на сотни, а затѣмъ на тысячи и десятки тысячъ. Нельзя безъ ужаса вспомнить его кровавый походъ на Новгородъ, гдѣ онъ буквально купался въ крови... „Такое злодѣйство можетъ совершить только параноикъ,—говоритъ профессоръ Ковалевскій:—это не преступленіе, а дѣяніе душевно-больного, невмѣняемаго, но и не правоспособнаго“.

Жестокія терзанія совѣсти, жестокія мученія, физическія и нравственныя, не покидали Іоанна всю вторую половину его жизни. И умиралъ онъ медленной, тяжелой, мучительной смертью: онъ разлагался заживо, внутренности его медленно гнили, въ бреду онъ видѣлъ убитаго имъ старшаго сына Іоанна и безчисленную вереницу казненныхъ имъ жертвъ, требовавшихъ отъ него возмездія. „На грудахъ тѣлъ казненныхъ бояръ, на потокахъ крови, часто безвинно имъ пролитой,—говоритъ одинъ изъ историковъ Іоанна,—грозный царь, окруженный опричниками, сталъ сграшенъ не только боярамъ, но и самому себѣ“.

Характерно, что народъ, не разъ возвращавшійся въ своихъ пѣсняхъ къ эпохѣ и личности Іоанна, рѣдко вспоминаетъ его „лютыхъ казни“, а вспоминая, чуть-ли не постоянно оправдываетъ ихъ. Народъ представлялъ себѣ своего жестокаго повелителя почти преимущественно въ положеніи только грознаго судьи, карающаго по справедливости за измѣну. Народъ, очевидно, давно почувствовалъ въ немъ своего неконнаго защитника отъ боярскаго произвола, насилія и неправды—можетъ быть потому, что кровавые ужасы Александровской слободы глухо доносились до такъ-называемой „земской Руси“, совершались преимущественно не на ея глазахъ. Народъ охотнѣе вспоминаетъ Грознаго во всемъ его царственномъ величій, отважнаго завоевателя татарскихъ ханствъ, отмѣтившаго могуществомъ и блескомъ свое славное правленіе: „Какъ зачиналася камешна Москва,—говоритъ пѣсня,—тогда зачинался и Грозный царь Иванъ, сударь Васильевичъ. Онъ Казань городъ мимоходомъ взялъ, полонилъ царя и съ царицею, выводилъ измѣну изъ Пскова, изъ Пскова и изъ Новгорода“.

КАМЕННЫЙ ВЫЖЖЕННЫЙ ОРНАМЕНТЪ ВЪ ЦАРСКОЙ ГРОВНИЦѢ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ СОВОРѢ ВЪ МОСКВѢ.

СОДЕРЖАНІЕ

Вступленіе	1—4
Содержаніе	5—8
Отець Іоанна Грознаго	9—10
Лицевыя изображенія царя Іоанна	11—15
Вѣнчаніе на царство	16
Печати царя Іоанна	17
О женахъ царя Іоанна	18—19
Планы Москвы	21
Походы противъ Казани	22—31
Походъ противъ Астрахани	33
Ливонская война	34—47
Сношенія царя Іоанна съ Западомъ	48—49
Покореніе Сибири	50—53
Опричина	54—58
Александровская слобода	59
Сынъ Іоанна Грознаго	62—63
Начало книгопечатанія	65
Смерть Іоанна Грознаго	66—67

ЮАННЪ ГРОЗНЫЙ.
СТАТУЯ М. М. АНГОКОЛЬСКАГО.

*Rufforum Rex & Dominus sum, iure paterni
Sanguinis: imperij titulos à nemine, quavis
Mercatus prece, uel precio: nec legibus ullis
Subditus alterius, sed Christo credulus uni,
Emendicatos alijs aspernor honores.*

ЦАРЬ ВАСИЛІЙ ІІІ ІОАННОВИЧЪ.

Гравюра на деревѣ, приложенная при базельскихъ изданіяхъ путешествія Герберштейна 1551 г.

LIBER VI
Basilus Moscouiæ
Princeps.

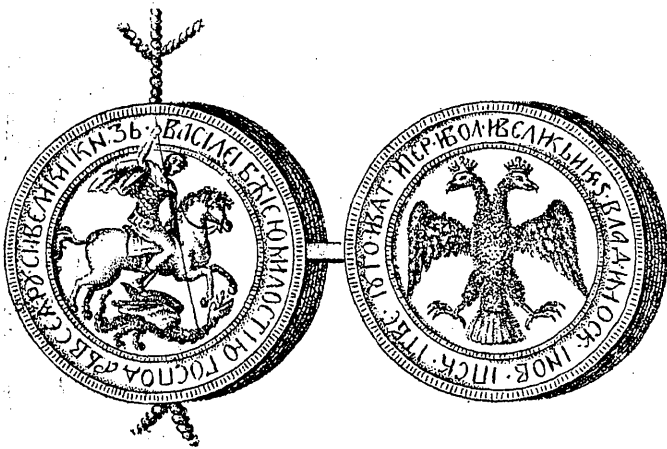

ABSTRVSA penitus ad Boream præter Hercynios saltus, Arctooque vertici subiecta Moscorum Regna, intacta olim Romanis Legionibus, nec planè Græcis scriptoribus nota, Sigismundus Sarmatarum Rex latissimè nobis aperuit, quum armis cum Basilio eius gentis Principe ad Orsam iusta acie cõtentidisset; qua innumerabilis eius gentis equitatus sæde profligatus est. Tũ enim primò Romæ de victoria parta supplicationes decretæ sunt, quòd Moschi à Polonis & Lithuanis, modo Rutheni, modo Moscovitæ vocati, tanquã secuti Græcorum opiniones, à Romano Pontifice dissentirent. Sed Basilius qui adoptari in Regem sicuti ex Demetrio Legato accepimus, ex Principe honestiore scilicet speciosioreque titulo cupiebat, pace facta cum Sarmatis, non semel cum Maximiliano Cæsare Clementeque Pontifice per lega-

Dd

ВЕЛ. КН. ВАСИЛІЙ ІВАНОВИЧЪ.

Гравюра на деревѣ, работа Тобіаса Штимиера, помещенная въ книгѣ Ювія: Pauli Iovii «Elogia virorum bellica virtute illustrium», Basel. 1575.

ПЕЧАТЬ ГОСУДАРСТВЕННАЯ МАЛАЯ (ДВОЙНАЯ КОРМЧАЯ) ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА 1514 ГОДА.

Печать привѣщена на пожалованной грамотѣ государя великаго князя Василія Іоанновича 1514 года іюля 10-го, данной жителямъ смоленскимъ о владѣніи духовнымъ, боярамъ и всякаго званія людямъ своими землями по прежнимъ грамотамъ литовскаго великаго князя Витовта и королей Аллксандра и Сигизмунда.

ПЕЧАТЬ МИТРОПОЛИТА ДАНИЛА ПРИ ВАСИЛИИ ІІІ.

Великій князь Василій, носящій въ исторіи характерное названіе «послѣдняго собирателя русской земли», человекъ въ высшей степени самовластный, энергичный и гордый, имѣлъ, по свидѣтельству одного изъ его историковъ, Павла Ювія, наружность благородную, станъ величественный, лицо симпатичное, взоръ пронизательный, но не суровый и по тогдашнему тяжелому времени былъ болѣе добръ, нежели суровъ.

ЦАРЬ ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ.

Два дошедшихъ до насъ портрета Василія Іоанновича, одинъ—помѣщенный при первомъ изданіи «Записокъ» извѣстнаго барона Герберштейна, другой—при сочиненіи Павла Ювія, можно считать вполне достовѣрными и очень хорошо передающими выразительныя черты великаго князя московскаго.

ѡпоѣздѣ еликаго князя и прѣдсѣрїею
 монастыря . Лѣта . 710 . сѣнтлрѣвѣ .
 кш . днь . пилу . кншь ерїи и паенлен ѡано
 пчъ асѣтароуен . пыѣуа . москвы и ерїи
 коуки гинетъ селеноу изъ дѣтнне поимн
 кш по началнн прѣ . нк прѣ по мѣтѣдо
 тшорцѣ сѣрїи по мѣтнел .

И прѣдѣи монастыря кш по началнн
 прѣ нк прѣ по мѣтѣдо тшорцѣ сѣрїи .
 нѣрѣтшаш еликаго князя игоумень зѣра

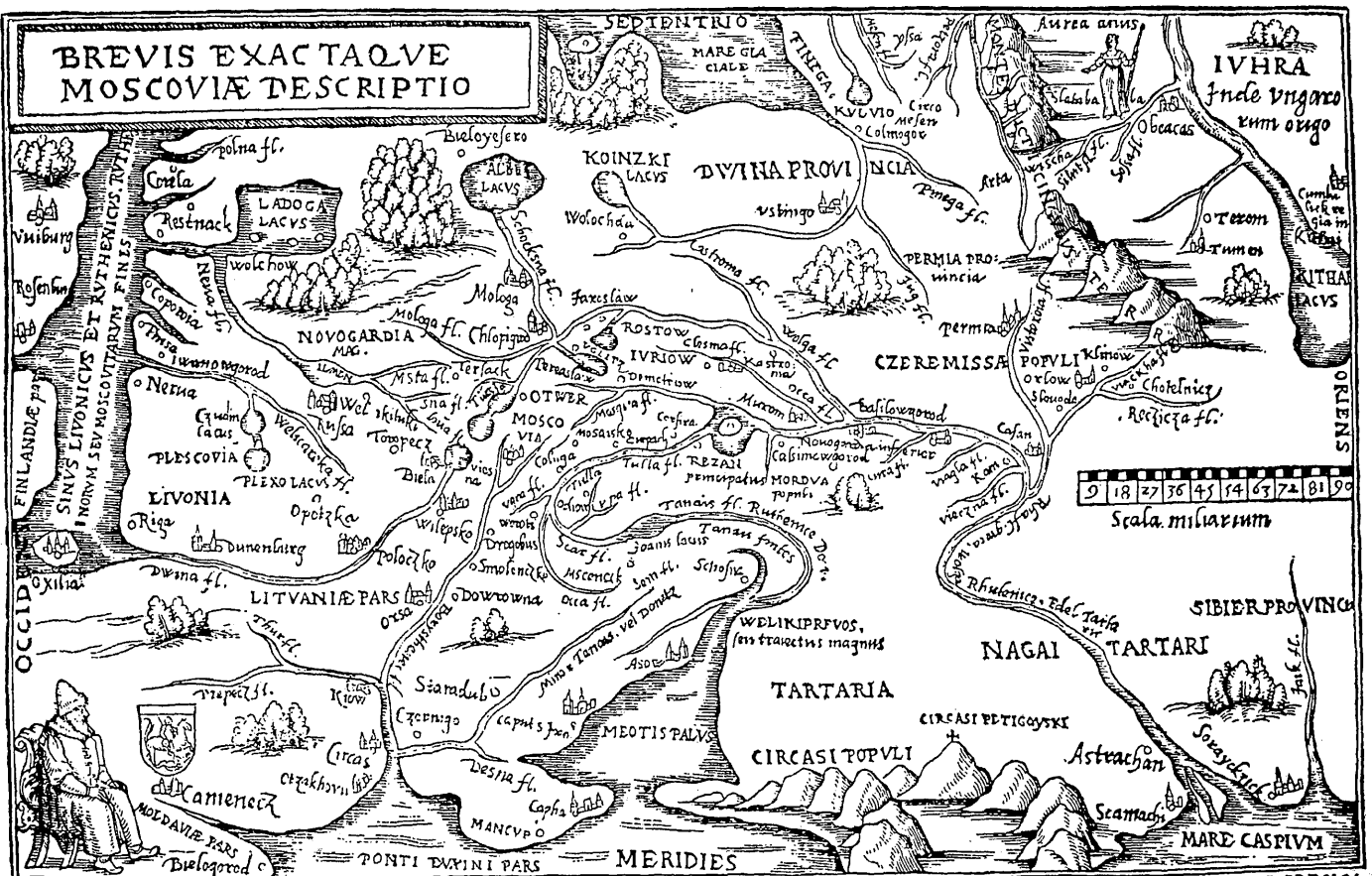
ВСТРѢЧА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ ИОАННОВИЧА III
 И ЕГО СЕМЕЙСТВА ИГУМЕНОМЪ, БРАТІЕЙ И КЛИРОМЪ У МОНАСТЫР-
 СКИХЪ БРАТЬ Св. ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРЪ ВЪ СЕНТЯБРѢ 1534
 (7042) Г. ИЗЪ МОСКВЫ ВЕЛ. КНЯЗЬ СЪ СЕМЕЙСТВОМЪ, КАКЪ УПО-
 МИНАЕТЪ ЛѢТОПИСЬ, ВЫѢХАЛЪ 22 СЕНТЯБРЯ (ЗА 10 НЕДЕЛЬ ДО
 СВОЕЙ СМЕРТИ). НА РИСУНКѢ СПРАВА ОТЪ ВЕЛ. КНЯЗЯ ИЗОБРА-
 ЖЕНЪ ЕГО СЫНЪ-НАСЛѢДНИКЪ, БУДУЩІЙ ЦАРЬ ИОАННЪ IV ГРОЗНЫИ.

тїею . неосщеникии жѣвьскїи рѣсьцїи
 пныи по рѣтїе монастырїей . собразы
 жєкадїалы

Пыстѣ за . і . сѣмнцѣ дѣ до шестїаїа
 Пѣтїокавѣгоу . быішоу емѣ сѣдѣнїе ерїи коу
 кш гинетъ селеноу . некагорѣмн чїа дѣ .
 ерїи меннїи по мѣтнелн жш по началнн
 прѣ . на памѣ еликаго ерїи пныи тѣдо
 тшорцѣ сѣрїи . и прѣ по мѣтѣдо тшорцѣ
 памѣ тѣпчїннѣ , жмолебнл жє орѣшнїѣ .

МОЛЕВСТІЕ СВ. ПРЕПОД. СЕРГІЮ РАДОНЕЖСКОМУ ВО
 СВ. ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРѢ ВЪ ПРИСУТСТВИИ ВЕЛ. КН.
 ВАСИЛІЯ ИОАННОВИЧА III И ЕГО СЕМЕЙСТВА, ВЪ 1534
 ГОДУ, ВЪ ДЕНЬ ПАМЯТИ ЧУДОТВОРЦА (25 СЕНТЯБРЯ).
 Впереди великаго князя—его сынъ Іоаннъ.

RVSSORVM REX ET DOMINVS SYM. IVRE PATERNI SANGVINIS IMPERII TITVLOS ANEMINE, QVAVIS MERCATVS PRECE, VEL PRECIO:
 NEC LEGIBVS VLLIS SVBDITVS ALTERIVS, SED CHRISTO CREDVVS VNI, EMENDICATOS ALIIS ASPERNOR. HONORES :

КАРТА МОСКОВІИ—СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ВЕЛ. КН. ВАСИЛІЯ III ИВАНОВИЧА—ПРИЛОЖЕННАЯ КЪ АМСТЕРДАМСКОМУ ИЗДАНІЮ
 ПУТЕШЕСТВІЯ ГЕРБЕРШТЕЙНА 1557 ГОДА. Изъ собранія П. Я. Дашкова.

Портреты самого Іоанна Грознаго не отличаются, къ сожалѣнію, той педантической достовѣрностью, съ какой рисуютъ намъ наружность его отца портреты при сочиненіяхъ Герберштейна и Іовія. Всѣ портреты Грознаго гравированы были за границей и западные художники нерѣдко смѣшивали изображенія Іоанна IV съ портретами отца его, Василия. Такъ во многихъ книгахъ объ Іоаннѣ Грозномъ помѣщены по ошибкѣ портреты «послѣдняго собирателя русской земли», уже извѣстные намъ: профильные и прямолицные съ образцовъ Гиршфогеля (при сочиненіи Герберштейна) и Іовія. Большинство портретовъ Грознаго весьма мало сходятся съ описаніемъ Грознаго и въ молодости и въ старости.

Смолоду Іоаннъ IV былъ «высокъ ростомъ, строенъ, имѣлъ высокія плечи, крѣпкія мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный усъ, носъ римскій, глаза небольшіе сѣрые, но пронзительные, исполненные огня, и лицо пріятное». Но къ тридцати четыремъ годамъ онъ такъ измѣнился, что нельзя было узнать его: «на лицѣ его изображалась мрачная свирѣпость, всѣ черты исказились, взоръ угасъ, на головѣ и въ бородѣ не осталось ни одного волоса отъ неизъяснимаго дѣйствія ярости, которая кипѣла въ душѣ его». (Карамзинъ).

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ ПОДЛИННЫЙ ПОРТРЕТЪ ЦАРЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНАГО.

Портретъ этотъ находится на поляхъ иконы Владимирской Божіей Матери, здѣсь изображенной и подаренной Данилову монастырю въ Москвѣ самимъ царемъ Іоанномъ IV; первая (направо отъ зрителя) фигура представляетъ царя, слѣдующая — царевича Іоанна. Грозный представленъ худымъ, съ рыжими волосами, съ искошеннымъ ртомъ, нижняя губа оттянута внизъ, глаза съ поразительно-расширенными зрачками и зрачки расширены неравномерно. Носъ тонкій, прямой. Ноздри приподняты. (Съ фотографии М. Грибова).

«Властолюбивый отъ природы,—говоритъ графъ Ал. К. Толстой въ своей брошюрѣ о постановкѣ трагедіи «Іоаннъ Грозный» на сценѣ,—испорченный лестью окружающихъ его царедворцевъ и привычный къ неограниченной власти, раздраженный случившимися въ его дѣтствѣ попытками нѣкоторыхъ бояръ завладѣть имъ, какъ орудіемъ для своего честолюбія, Грозный видитъ враговъ во всѣхъ, кто стоитъ выше обыкновеннаго уровня. Онъ чрезвычайно уменъ и пронзателенъ, но затемненъ постоянной мыслию объ измѣнѣ, объ охраненіи своей власти, которую у него никто не оспариваетъ, и истребляетъ все, что можетъ, по его мнѣнію, нанести ущербъ его самодержавію, сохрание и усиленіе котораго— есть дѣль его жизни. Онъ жестокъ по природѣ и по системѣ... онъ губитъ съ политической цѣлью, но пользуется случаемъ, чтобы потѣшить свою жестокость. Онъ палачъ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ свой собственный палачъ». Ужасны его злодѣйскія выдумки и утонченныя изобрѣтенія по части пытокъ, которыми онъ упивался, и не менѣе ужасно и мучительно находившее на него раскаяніе. Неуравновѣшенный, по свидѣтельству многихъ историковъ ненормальный психически, онъ не зналъ удержа своимъ порывамъ и чувствамъ.

ЛИЦЕВОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ ЦАРЯ ІОАННА НА ОДНОЙ ГРАМОТѢ, ПИСАННОЙ ВЪ 1571 Г. ВЪ БИБЛИОТЕКѢ А. Д. ЧЕРТКОВА.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОРТРЕТЪ ІОАННА ГРОЗНАГО. ГРАВЮРА НА ДЕРЕВѢ. Единственный извѣстный экземпляръ, находящійся въ вѣнской Императорской Библиотекѣ.

Iwan Książ Moskiewski.

ФАЛЬШИВЫЙ ПОРТРЕТЪ ИОАННА ГРОЗНАГО, СКОПИРОВАННЫЙ СЪ ПОРТРЕТА ВЕЛ. КН. ВАСИЛІА ИВАНОВИЧА, ТИПА ГЕРБЕРШТЕЙНА.
Находится въ хроникѣ Вельскаго: «Kronika to esth Historia swiata... w Krakowie». 1564 г. Pol.

IOANNES BASILIDES
Grooten hertogh van Moscovien

fol 273

ФАЛЬШИВЫЙ ПОРТРЕТЪ ИОАННА ГРОЗНАГО, СКОПИРОВАННЫЙ СЪ ПОРТРЕТА ВЕЛ. КН. ВАСИЛІА ИВАНОВИЧА.

Гравюра рѣзцомъ въ книгѣ Hazart: «Kerkerlycke Historie». Antwerpen. 1671.

IOHANNES BASILIDES
MAGNUS MOSCOVITA
RUM DUX.

ИОАННЪ ГРОЗНЫЙ.

Гравюра на мѣди изъ книги Oederborn: Iohannis Basilidis Leben u. Thaten.... Erfurt. 1698.

Деспотическій, мелочно-злойный, мстительный и невыдержанный характеръ Иоанна давалъ себя знать и въ домашнемъ быту. Онъ совершенно не выносилъ противорѣчій даже со стороны самыхъ своихъ близкихъ и наиболѣ любимыхъ имъ и преданныхъ ему лицъ, въ особенности въ зрѣлые годы своей жизни, когда окончательно сложились и выяснились всѣ основныя черты его душевнаго склада. Онъ любилъ, напримѣръ, спорить о религіи и чуть было не посадилъ на колъ лютеранскаго пастора въ Кокенгаузенѣ за то, что послѣдній въ разговорѣ съ нимъ позволилъ себѣ сравнить Лютера съ апостоломъ Павломъ; любилъ играть въ шашки и въ карты и вмѣстѣ съ тѣмъ жестоко наказывалъ бояръ, которые осмѣливались выигрывать у него; очень любилъ, повидимому, своего шута—и ни съ того ни съ сего приказалъ однажды вылить ему за пазуху лохань кипятку. Безъ памяти любилъ своего старшаго сына Иоанна—и не задумался въ припадкѣ запальчивости убить его на мѣстѣ своимъ знаменитымъ жезломъ съ острымъ наконечникомъ. Терзалъ, жегъ, мучилъ, упивался слезами, стономъ и кровью и тутъ же надѣвалъ монашескую рясу и чуть-ли не власяницу, постился мѣсяцами, простаивалъ ночи на колѣняхъ, замаливая въ ужасѣ свои несчетные грѣхи, и такъ усердно отбивалъ земные поклоны, что кровавые знаки отъ нихъ никогда не сходили съ его изборозденнаго морщинами лба.

БОЛЬШОЙ СОВРЕМЕННЫЙ ПОРТРЕТЪ ИОАННА ГРОЗНАГО, ГАВРИРОВАННЫЙ НА ДЕРЕВѢ ГАНСОВОМЪ ВЕЙГЕЛЕМЪ. Единственно известный экземпляръ этого портрета, раскрашенный на маперѣ старинныхъ вѣмекскихъ народныхъ картинныхъ, находится въ собраніи Ровинскаго.

Всѣ эти подробности могли бы послужить богатымъ матеріаломъ для художника, задавшагося цѣлью возможно точно и ярко воспроизвести эту сложную, полную самыхъ противорѣчивыхъ чувствъ и мыслей физиономію. Древніе портретисты не сумѣли или не нашли возможнымъ и нужнымъ считаться съ этимъ. Оригинальныхъ портретовъ Іоанна Грознаго сохранилось собственно только два: одинъ изображаетъ царя въ профиль; онъ гравированъ на деревѣ современнымъ Іоанну граверомъ Вейгелемъ и напоминаетъ нѣсколько профильные портреты великаго князя Василя Іоанновича; другой портретъ—прямоличный, отысканный Д. Ровинскимъ въ вѣнской Императорской Библиотекѣ. Существуетъ и повтореніе этого послѣдняго портрета въ уменьшенномъ видѣ; это повтореніе приложено къ описанію посольства князя Сугорскаго (1576 г.), единственный экземпляръ котораго находится у М. Н. Похвистнева.

Совершенно особый типъ портрета царя Іоанна Васильевича представляетъ исполненное иконописью изображение, на которомъ онъ написанъ въ древне-царскомъ парадномъ облаченіи. «Подобный портретъ, миниатюрной работы, написанный соковыми красками,—говоритъ извѣстный знатокъ русскихъ древностей, Д. А. Ровинскій,—написанъ на одной грамотѣ 1571 года, находящейся въ Чертковской библиотекѣ. Этотъ типъ повторяется и въ другихъ официальныхъ бумагахъ и въ гравюрѣ Штенглина, изданной въ половинѣ прошедшаго вѣка въ числѣ двѣнадцати портретовъ русскихъ государей. Я не включаю этого типа въ число достовѣрныхъ портретовъ, такъ какъ миниатюрный портретъ на грамотѣ 1571 года написанъ въ чисто иконномъ стилѣ, безъ претензій на сходство, а гравюра Штенглина сдѣлана съ плохо написаннаго оригинала позднѣйшаго производства. Тѣмъ не менѣе съ этого портрета, по указанію А. И. Оленина, гравированъ портретъ Іоанна IV Утинымъ». (Д. Ровинскій: «Достовѣрные портреты московскихъ государей»).

Наибольшей достовѣрностью долженъ-бы по всемъ даннымъ отличаться типичный портретъ Грознаго, помѣщенный въ «Корнѣ» 1672 г. (стр. 202), т.-е. старинномъ титулярникѣ XVII-го вѣка, такъ какъ «Корнѣ» составленъ по царскому повелѣнію спустя 88 лѣтъ послѣ смерти Грознаго, представшагося въ 1584 году. Въ это время могъ еще сохраниться одинъ изъ портретовъ Грознаго, которые онъ

ЦАРЬ ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ (изъ титулярника XVII вѣка).

Фантастическое изображеніе Іоанна Грознаго на престолѣ. съ правой стороны стоятъ три боярина, а слѣва служатъ священникъ съ дѣлчкомъ. Гравюра на деревѣ изъ книги одерборна: «Wunderbare Geschichte u. warhafte Historien». 1588 г.

заказывалъ вѣроятно по поводу своего сватовства къ иностранному принцессамъ Маріи Гастингсъ, родственницѣ Елизаветы Англійской. Однако и этотъ портретъ, изображающій царя плечистаго, полнаго, съ большой окладистой бородой, не сходится съ описаніями Грознаго, оставленными его современниками въ различные періоды его жизни.

Остальные портреты еще болѣе фантастичны, но имѣютъ большое значеніе, благодаря своей древности и рѣдкости, особенно исполненные въ иконописномъ стилѣ. Такихъ изображеній сохранилось нѣсколько: необходимо замѣтить, что Грозный пользовался необыкновенной, какъ сказали-бы теперь, популярностью. Народъ даже какъ будто любилъ своего жестокаго властелина, недаромъ же онъ называлъ его всего лишь Грознымъ, но не кровавымъ и злымъ, какъ это можно было бы ожидать. Вотъ почему, можетъ, быть, и древніе портреты Іоанна не имѣютъ въ себѣ ничего отталкивающаго. «Изъ московскаго періода русской истории,—говоритъ Порфирьевъ,—ни одно лицо не обратило на себя такого вниманія народныхъ пѣвцовъ, какъ Іоаннъ Грозный. Причина этого вниманія заключается въ томъ, что Грозный возвысилъ санъ царя московскаго (до него московскіе власти носили лишь названіе великихъ князей), распространилъ и успѣ-

лило русское царство огромными завоеваніями, а жестокостью его народъ объясняетъ необходимо стью вывести изъ царства, другими словами—укротить боярское самовластіе. Пѣсни, восхваляя Іоанна и какъ бы любясь имъ, нисколько не стараются тѣмъ не менѣе смягчить или скрыть гнѣвнаго и жестокаго характера Іоанна, но словно желаютъ выставить его съ особенной силой. Замѣчательно,—между прочимъ добавляетъ Порфирьевъ,—что и народная пѣсня, согласно съ исторіей взятія Казани, приписываетъ великое значеніе, какъ для самого Грознаго, который съ того времени сдѣлалъ будто бы царемъ, такъ и для Москвы, которая будто бы съ того времени основалась: «и въ то время князь воцарился и насѣлъ въ московское царство, что тогда де Москва основалась и съ тѣхъ поръ великая слава».

Пѣсни окружили таинственными и разнообразными предзнаменованіями самое рожденіе Грознаго царя, сумѣли истолковать по-своему и его жестокой поступокъ со старшимъ сыномъ, приписать запальчивость царя злымъ навѣтамъ страшнаго всѣмъ и отвратительнаго злодѣя, Мало-

Iwan Basilowitsch Ulaar

ЮАННЪ ГРОЗНЫЙ.

Фальшивый портретъ типа Ювiя, скопированный съ портретовъ вел. кн. Василiя Ивановича. Изъ книги Кевенхиллера: «Contrefet Kupertich»... Leipzig. 1721

Gravé par Chevalier *Dirigé par Rob* *Gravé par Niquet*

ПОРТРЕТЪ ЮАННА ГРОЗНАГО, РИСОВАН. ШЕВАЛЬЕ, ГРАВИРОВ. НИКЕЛЕМЪ.

**Desz Durchleuchtigsten
Großmechtigsten Fürsten vnnnd Herren/
Herren Iwan Bassilowitsch Herrschern der Reussen/и.
Vnd Großfürsten zu Wladimir/ Moskau vnnnd Nawgarten/и.
Eredens vnnnd ander schreiben/ so seine Durchleuchtigsteit/ bey Her-
ren Kuzen Sachary Iwanowitsch Pulersky/ Statthaltern auff
Weoffense/ vnnnd Herren Andreem Archibarschoff/ Fürstlichen
Moscouischen Riaden vnnnd Secretario/ sampt anderen
Abgesanten/ Röm: Kay: May: zu Regenspurg
vberreichen lassen.**

**Daneben auch höchstgedachter Röm: Kay: May:
gegenscheiden vnnnd beantwortung: So jr May: и. bey wolerwelter
Wolttschafft/ Fürstlicher Moscouischer Durchleuch-
tigsteit widerumb vberschickt.**

ПОРТРЕТЪ ЮАННА ГРОЗНАГО.

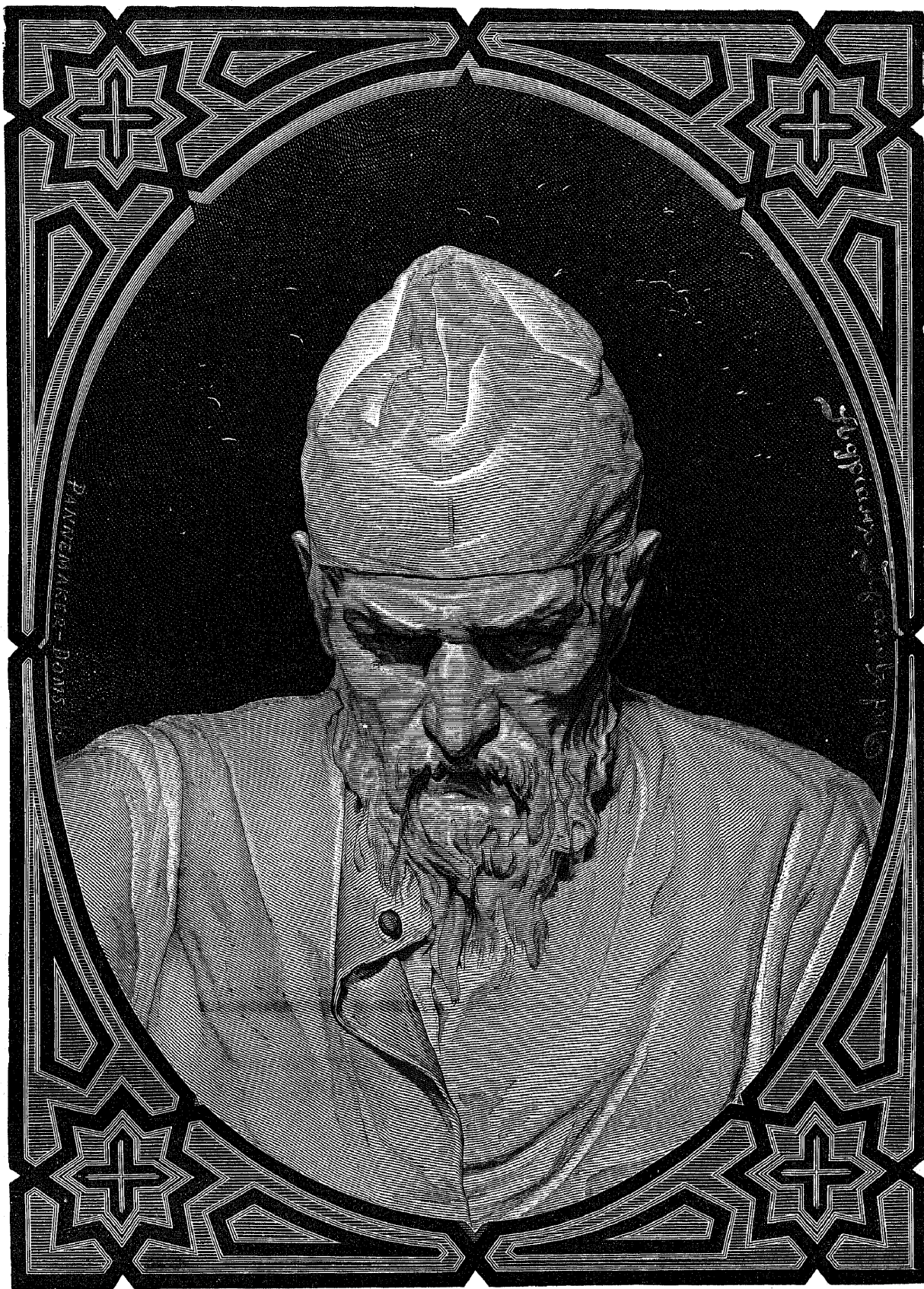
Гравюра на деревѣ, отпечатанная на заглавномъ листѣ брошюры, изданной въ Нюрнбергѣ 1576 г. Единственный экземпляръ въ собраніи М. Н. Похвистнева.

ты Скуратова: по пѣснѣ Юаннъ младшій умираетъ, не собственноручно убитый отцомъ, но порученіе убить его возлагается на Малюту, злобные замыслы котораго открываетъ во- время любимый народомъ родичъ первой жены Грознаго, благочестивой Анастасiи, Теодоръ Никитичъ Романовъ, который и спасаетъ царевича въ опасную минуту къ великой радости Грознаго.

Но то, что не хотѣлъ видѣть въ Юаннѣ народъ, то, что не сумѣли и не хотѣли, а можетъ быть не осмѣливались подмѣтить близко стоявшіе къ нему современные ему русскіе и западные художники, то глубоко и проникновенно уловилъ гениальный творческій взглядъ покойнаго М. М. Антокольскаго. И его «Юаннъ Грозный» является по справедливости лучшимъ, безпристрастнѣйшимъ и достовѣрнѣйшимъ изображеніемъ загадочной личности мрачнаго властелина, хотя цѣлый рядъ вѣковъ отдѣляетъ художника отъ его модели. Мрачныя, изможденныя черты этого страшнаго мучителя-страдальца словно оживаютъ подъ рѣзцомъ талантливаго скульптора, ничто не можетъ быть характернѣе этихъ угрюмо нависшихъ надъ глубоко запавшими, потухшими глазами безволосыхъ бровей, этого изрѣзаннаго глубокими морщинами высокаго, умнаго, мрачнаго лба, страдальчески жестокаго выраженія рѣзкихъ, угловатыхъ чертъ, опущенныхъ нервно-брежливо угловъ энергично очерченнаго рта. Ничто не можетъ быть характернѣе истолкованнаго такимъ образомъ облика страшнаго вѣщносца, дитяти суроваго, беспощаднаго времени, дитяти преклоннаго лѣтами, немилостиваго, жестокосерднаго и заносчиваго отца и слишкомъ молодой, пылкой, нервной, невыдержанной по характеру матери, дитяти, вскормленнаго боярскими раздорами, высокоомѣрымъ и самовластіемъ.

ЦАРЬ ЮАННЪ IV.

ГОЛОВА ІОАННА ГРОЗНАГО.—М. М. АНТОКОЛЬСКАГО.

«Своекорыстіемъ, презрѣніемъ общаго блага, презрѣніемъ жизни и чести ближняго сѣяли Шуйскіе съ товарищами, выросъ Грозный»,—говоритъ историкъ Соловьевъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ прошломъ Іоанна, въ обстановкѣ его юности легко отыскать начало ужасныхъ, медленно развѣдавшихъ въ послѣдствіи его организмъ, чувство и волю, стремленій и наклонностей, отраженіи которыхъ читаемъ въ его истерзанномъ, словно изглоданномъ муками и страстями обликѣ, оживленномъ великимъ рвѣномъ Антокольскаго. Насильственная смерть матери и ея любимца, Телепнева-Оболенскаго, гибель всѣхъ тѣхъ, кто былъ болѣе или менѣе близокъ къ ребенку и баловалъ его изрѣдка мимолетной лаской, внѣшнее показное раболовное поклоненіе на народѣ, дерзкое обхожденіе съ безсильнымъ мстителемъ крошкой дома, все это не даромъ прошло передъ пронизательными съ дѣтства умственныхъ очами Іоанна. Ничего не можетъ быть хуже спрятаннаго подъ лицемѣрнымъ смиреніемъ подавленнаго гнѣва безсильнаго и униженнаго. Бѣда, если онъ вырвется наконецъ наружу, послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ молчаливаго ожиданія мести, какъ это

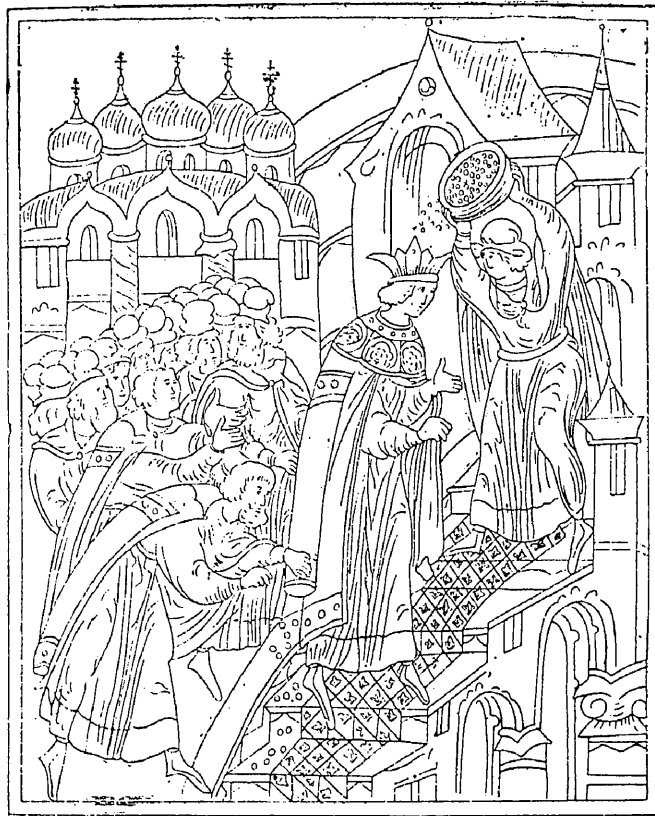
случилось съ Іоанномъ! Тѣмъ болѣе, что Грозный при всемъ томъ не получилъ еще никакого правильнаго образованія и воспитанія; при постоянной борьбѣ боярскихъ партій за владычество, при частой смѣнѣ одной партіи другой, некогда и некому было думать объ этомъ.

«Съ дѣтства видѣлъ царь и хищеніе царской казны,—говоритъ талантливый авторъ «Психіатрическихъ эскизовъ изъ истории» гр. П. И. Ковалевскій,—постоянно смѣняющимися временщиками, видѣлъ онъ и ограбленіе боярами народа, видѣлъ онъ и избіеніе восходящими временщиками преданныхъ престолу бояръ и людей служилыхъ, видѣлъ онъ избіеніе тѣми-же временщиками даже самихъ служителей Божіихъ».

Все это не могло не запастъ въ чувствительную, воспримчивую душу юнаго царя и не вызвать въ немъ отвращенія, ожесточенія, озлобленія, ненависти и жажды мести къ своевольнымъ боярамъ. Грубое и пренебрежительное отношеніе бояръ къ самому самодержавному царю не могло въ немъ не вызвать ожесточенія и жестокосердія. Жестокосердіе это бояре старались развить въ

ВЪИЧАНИЕ НА ЦАРСТВО ЮАННА IV.
Изъ царственной книги.

ОБРЯДЪ ОСЫПАНИЯ ЗОЛОТЫМИ МОНЕТАМИ ЦАРЯ, ПОСЛѢ
ВЪИЧАНИЯ НА ЦАРСТВО.
Изъ царственной книги.

Юаннъ и активно: жестокое обращеніе съ животными, псовья, соколиныя, медвѣжьи охоты и даже... охоты на людей, все это усердно поощрялось послѣ жестокой расправы съ Андреемъ Шуйскимъ, заправленнымъ собаками, отъ ига Шуйскихъ, впрочемъ, только для того, чтобы перейти подъ иго Глинскихъ. На восемнадцатомъ году Юаннъ рѣшилъ окончательно принять въ свои руки бразды правленія, вѣнчаться по обычаю своихъ предковъ на царство, а также жениться.

Юаннъ показалъ себя впервые самодержцемъ, когда ему исполнилось тринадцать лѣтъ, освободясь послѣ жестокой расправы съ Андреемъ Шуйскимъ, впрочемъ, только для того, чтобы перейти подъ иго Глинскихъ. На восемнадцатомъ году Юаннъ рѣшилъ окончательно принять въ свои руки бразды правленія, вѣнчаться по обычаю своихъ предковъ на царство, а также жениться.

Обрядъ вѣнчанія на царство съ большой пышностью и торжественностью отправленъ былъ митрополитомъ Макаріемъ въ Успенскомъ храмѣ въ присутствіи многочисленнаго духовенства и знатнѣйшихъ бояръ. По окончаніи обряда муропомазанія Юаннъ тутъ-же въ храмѣ принялъ поздравленія отъ духовенства, вельможъ и народа и, прослушавъ литургію, вернулся назадъ во дворецъ. Князь Юрій Васильевичъ осыпалъ его въ церковныхъ дверяхъ и на лѣстницѣ золотыми деньгами изъ мисы, которую несъ за нимъ Михаилъ Глинскій. Со времени своего вѣнчанія на царство Юаннъ принялъ впервые и титулъ царя.

Задумавъ жениться, Юаннъ возобновилъ древній обычай великихъ князей мо-

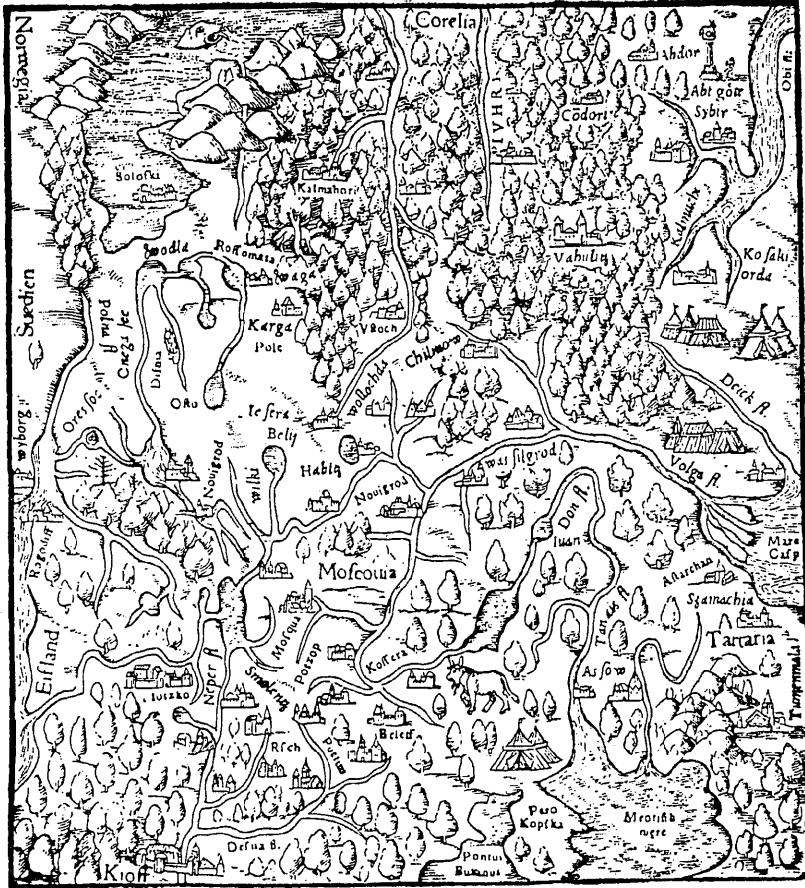
сковскихъ — смотрины невѣсты, и изъ большого числа собран-

ныхъ въ царскій дворецъ знатнѣйшихъ и красивѣйшихъ юныхъ дочерей боярскихъ избрали Анастасію Захарыну, покойный отецъ которой былъ окольничимъ, а дядя бояриномъ Юанна III. Захарыныхъ знали и любили въ народѣ: это были богобоязненные и благородные люди и сама Анастасія отличалась большимъ умомъ, добротою, прекраснымъ ровнымъ характеромъ и оказала, насколько это было возможно съ Юанномъ, весьма благотворное влияние на своего грознаго мужа. Время послѣ женитьбы было едва-ли не самымъ тяжелымъ въ жизни Грознаго. Однажды ночью выгорѣла неожиданно большая часть Москвы и народъ поднялъ мятежъ, обвиняя въ поджогѣ и чародѣйствахъ родственниковъ Юанна по матери, Глинскихъ, которыхъ и схватили. Всѣ эти событія произвели такое впечатлѣніе на царя, что онъ на нѣкоторое время забылъ свою безопасность, оставилъ разгульную жизнь, пиры и забавы, приблизилъ къ себѣ серьезныхъ совѣтниковъ. Сильвестра и Адашева, и предпринялъ много полезныхъ преобразованій (Судебникъ, земскій и стоглавый соборы). Первый земскій соборъ созванъ былъ въ 1550 году. Обратясь къ выборнымъ «всякаго чина людямъ», Юаннъ объявилъ имъ, что будетъ отнынѣ самъ править государствомъ и прекратитъ всякія неправды боярскаго правленія. Рѣчь свою Юаннъ держалъ въ Кремлѣ на Лобномъ мѣстѣ.

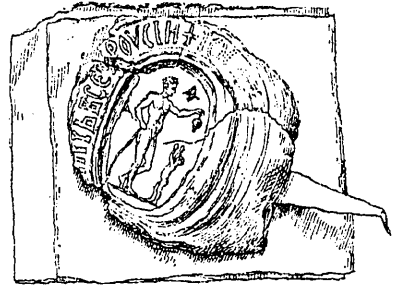

По благословенію Отца своего Великаго Князя Василія Ивановича, возшегшаго на престолѣ Царя ЮАННА ВАСИЛЬЕВИЧА. См. стр. 33 строкъ 7

Юаннъ Грозный, сидящій на престолѣ и окруженный своимъ дворомъ.
Изъ царственной книги. Слб. 1769 г.

МОСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ЮАННА ГРОЗНАГО.
Гравюра на деревѣ изъ «Космографіи» Себастьяна Мюнстера 1550 г.

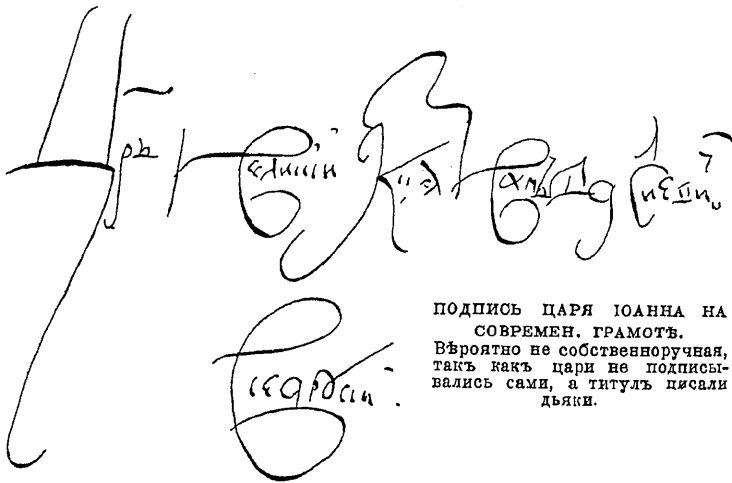
ПЕЧАТЬ ЦАРЯ ЮАННА ВАСИЛЬЕВИЧА
(ПЕРСТЕННАЯ).

Печать односторонняя, оттиснутая на черномъ воскѣ, была приложена къ грамотѣ 1545 года; нынѣ хранится между оттисками древнихъ русскихъ печатей въ государственномъ древлехранилищѣ хартий, рукописей и печатей.

ПЕЧАТЬ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
ЮАННА IV ВАСИЛЬЕВИЧА (ПЕРСТЕННАЯ)
1557-го года.

Печать приложена къ правой грамотѣ 1557 года на принадлежность Троице-Сергиева монастыря къ селу Привѣкамъ земли съ лугами и язами, которую присвоили во владѣніе себѣ братья Чулкины къ помѣстному селу ахъ Скорынову съ деревнями.

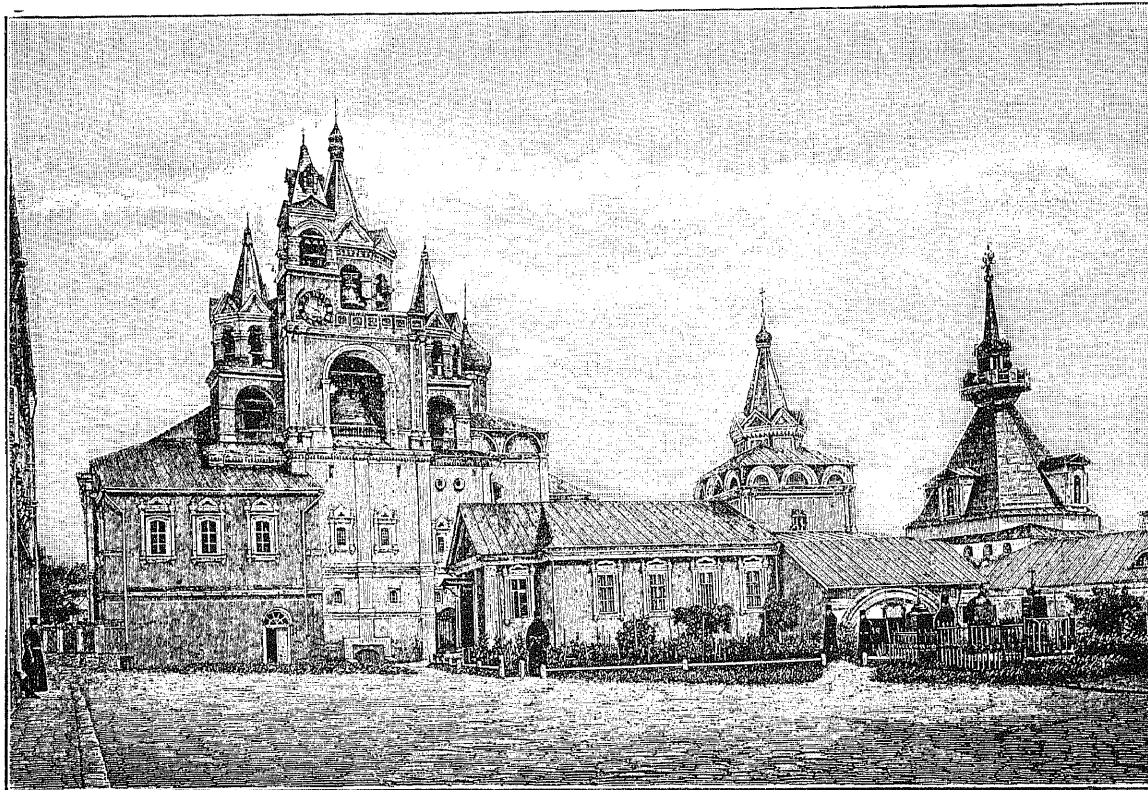
ПОДПИСЬ ЦАРЯ ЮАННА НА
СОВРЕМЕН. ГРАМОТѢ.
Вѣроятно не собственноручная,
такъ какъ цари не подписывались
сами, а титулъ писали
дьяки.

МАЛАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕЧАТЬ ЮАННА
ГРОЗНАГО.

Сицею Царю Ивану Васильевичу. Пожалоуа Еми
Спасского Соловецкого монастыря Ивана Меньшого
Или топомень Истом видна стирь Иный Идемъ будѣ.
Жопониндифвонитомолецншбсрхи Ели вврдископово
Игорода Ишорветна ицнарен. топодни погрехомвцнасто
Стортвхсвдой (снова) Иимвечи рцна стирьцривен,
Иислци стронтибчемв. Исвдечи днинайш стровемаш.

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА ВЕЛ. КН. ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА СПАССКОМУ СОЛОВЕЦКОМУ МОНАСТЫРЮ 1539 г.
Архавъ Мин. Юст.

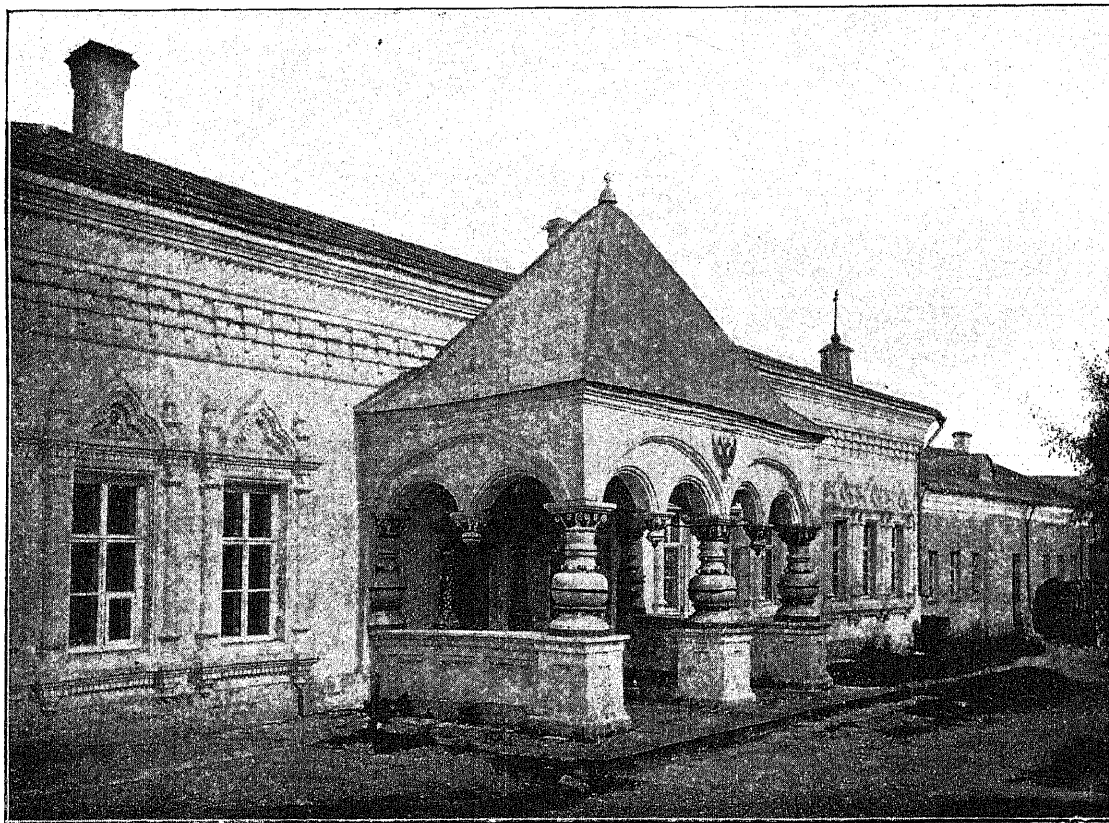

САВВИНЪ СТОРОЖЕВСКІЙ МОНАСТЫРЬ ВЛИЗЪ ЗВЕНИГОРОДА (МОСК. ГУБ.), КОТОРЫЙ ПОСВТИЛЪ ЮАННЪ ГРОЗНЫЙ СЪ АНАСТАСІЕЮ ВЪ 1549 Г.

Наконецъ Анастасія порадовала Юанна рожденіемъ сына-первенца, Дмитрія. Младенца съ большою пышностью окрестили, а царь и царица отправились вмѣстѣ на богомолье благодарить Бога за ниспосланіе имъ наслѣдника. Юаннъ и Анастасія вообще охотно ходили на богомолье. Такъ извѣстно, что они посѣтили многіе изъ древнѣйшихъ русскихъ монастырей, были въ Саввиномъ Сторожевскомъ монастырѣ и въ Кирилло-Бѣлозерскомъ, а на малыя богомолья по московскимъ соборамъ и на поклоненіе праху почившихъ родителей ходили чуть не каждую недѣлю.

У Юанна было отъ Анастасіи шестеро дѣтей, изъ нихъ

трое царевичей: Дмитрій, старшій, скончался еще въ дѣтствѣ, второй, Юаннъ, напоминавшій отца жестокимъ и невыдержаннымъ нравомъ, убитъ былъ подъ горячую руку отцомъ, а третій, ограниченный и богомольный Феодоръ, наслѣдовалъ въ послѣдствіи Грозному на русскомъ престолѣ. Къ сожалѣнію, Анастасія послѣ тринадцатилѣтняго супружества съ Грознымъ скончалась еще въ полномъ расцвѣтѣ красоты и молодости. Ходили темныя слухи, что она была отравлена боярами. По крайней мѣрѣ въ послѣдствіи Юаннъ, который былъ къ ней искренно привязанъ, бросаетъ это обвиненіе въ лицо боярству въ письмахъ къ Курбскому.

ПОРТИКЪ ТРАПЕЗНОЙ ВЪ САВВО-ЗВЕНИГОРОДСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

ПЕРСТЕНЬ ЦАРИЦЫ И ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ МАРИИ, ВТОРОЙ СУПРУГИ ЦАРЯ ИОАННА IV-ГО ВАСИЛЬЕВИЧА РОЖДЕННОЙ КНЯЖНЫ ЧЕРКАССКОЙ. Перстень (золотой) находится въ Москвѣ въ государственномъ древлехранилищѣ хартій, рукописей и печатей.

Искренняя скорбь Иоанна по почившей царицѣ не помѣшала ему, однако, черезъ годъ послѣ ея смерти жениться во второй разъ на грузинской царевнѣ, Марьѣ Темрюковнѣ, нравственный обликъ которой является полнѣйшей противоположностью кроткой и скромной Анастасіи. Марья Темрюковна, настоящая восточная красавица, была вспыльчива, порывиста, недальновидна и сердце имѣла недоброе и мстительное. Марью Темрюковну, умершую въ 1569 году, смѣнила на престолѣ и въ сердцѣ Иоанна замѣчательная красавица Марѳа Васильевна Собакина, дочь новгородскаго купца. Иоаннъ былъ такъ влюбленъ въ нее, что женился на ней, несмотря на то, что она была припадочная (Иоаннъ былъ увѣренъ, что ее «испортили» его недруги), и она умерла, по его собственному признанію, въ дѣвствѣ. Подъ этимъ предлогомъ Иоаннъ заставилъ духовенство дать ему разрѣшеніе на

ИОАННЪ ГРОЗНЫЙ У ПОСТЕЛИ СВОЕЙ ЖЕНЫ.
Картина Н. В. Невзева.

ПЕРСТЕНЬ ЦАРИЦЫ И ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ МАРИИ, ВТОРОЙ СУПРУГИ ЦАРЯ ИОАННА IV-ГО ВАСИЛЬЕВИЧА, РОЖДЕННОЙ КНЯЖНЫ ЧЕРКАССКОЙ. Перстень (золотой) находится въ Москвѣ въ государственномъ древлехранилищѣ хартій, рукописей и печатей.

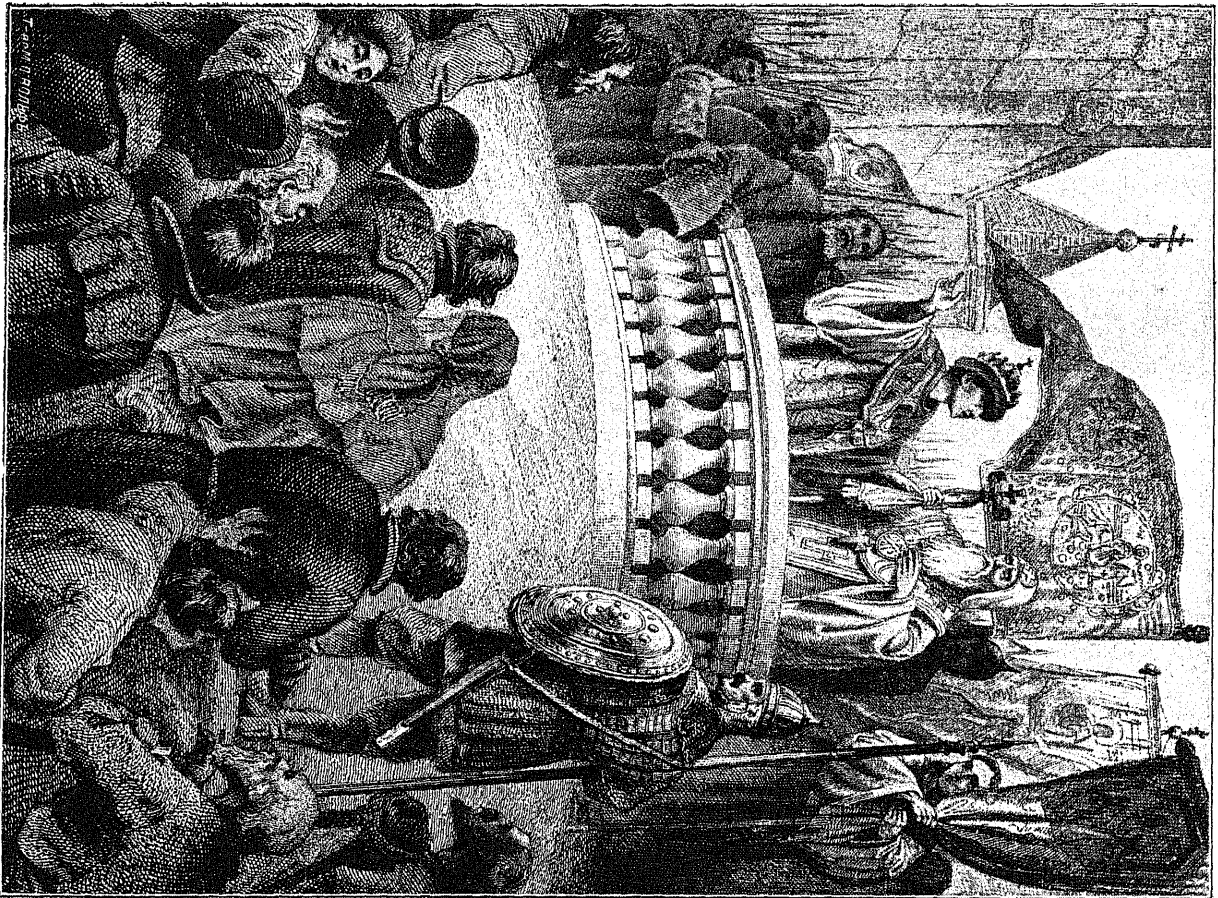
четвертый бракъ съ княжной Долгорукой, вскорѣ скончавшейся въ заточеніи. Впрочемъ, соборъ безъ особыхъ затрудненій освятилъ и пятый бракъ Иоанна на дворянкѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовской, послѣ постриженія которой царь вновь женился на Аннѣ Васильчиковой. Иоаннъ былъ вообще чрезвычайно женолобивъ и кромѣ женъ имѣлъ множество возлюбленныхъ. Больше другихъ любилъ онъ «женищцу» Василису Мелентьеву, судьбѣ которой посвящена извѣстная драма Островскаго, носящая ея имя. Иоаннъ жилъ съ ней безъ брака, но взявъ, однако, въ церкви молитву на сожитіе. Седьмой и послѣдней женою Иоанна была Марья Нагнхъ, родившая ему сына Дмитрія. Онъ намѣревался сослать въ монастырь и ее и сватался уже къ племянницѣ Елизаветы Англійской, когда смерть разрушила его замыслы.

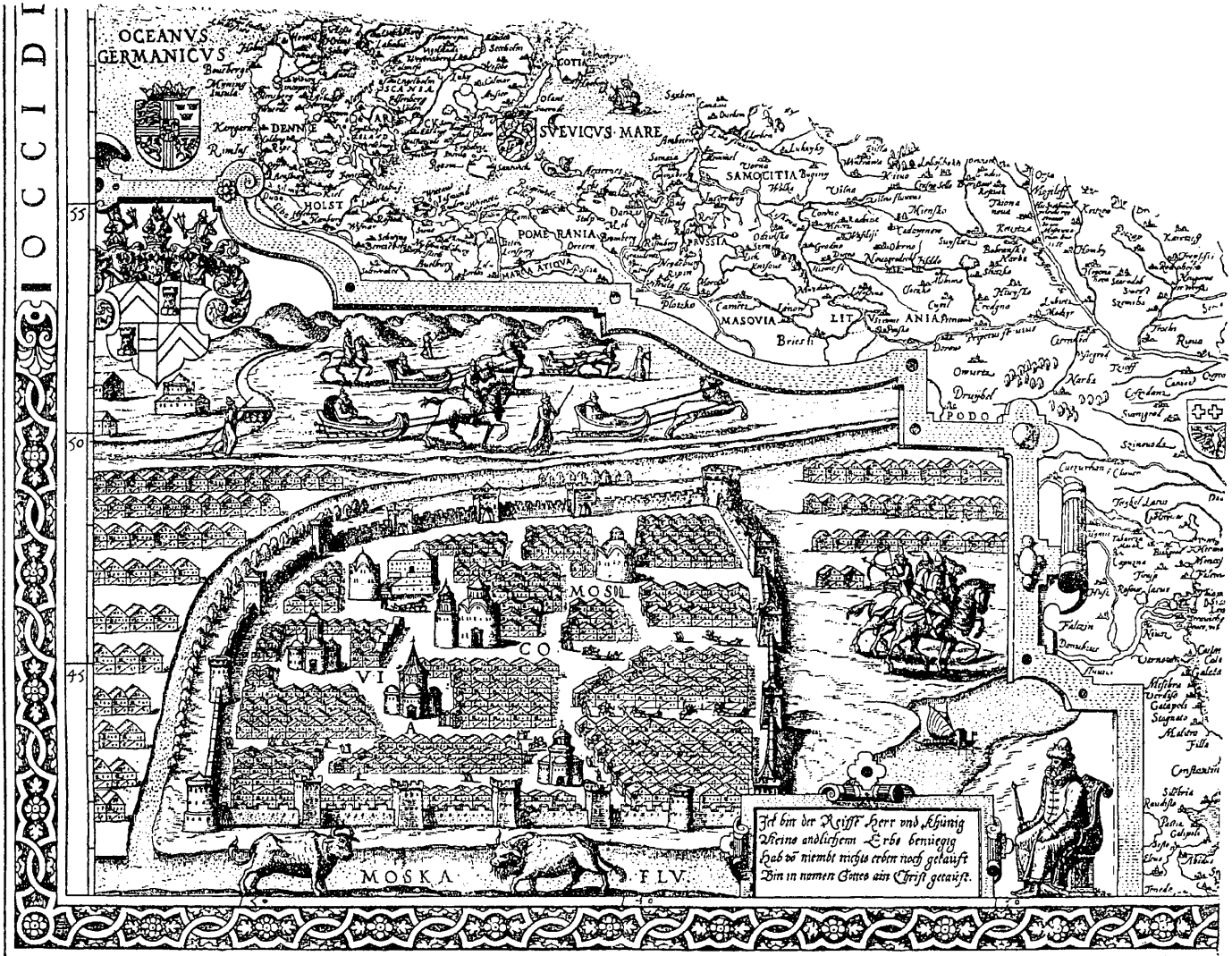
ЦАРЬ ИОАННЪ ГРОЗНЫЙ ЛЮБУЕТСЯ ВАСИЛИСОЮ МЕЛЕНТЬЕВОЮ. КАРТ. Т. С. СЪДОВА ВЪ РУССКОМЪ МУЗЕѢ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

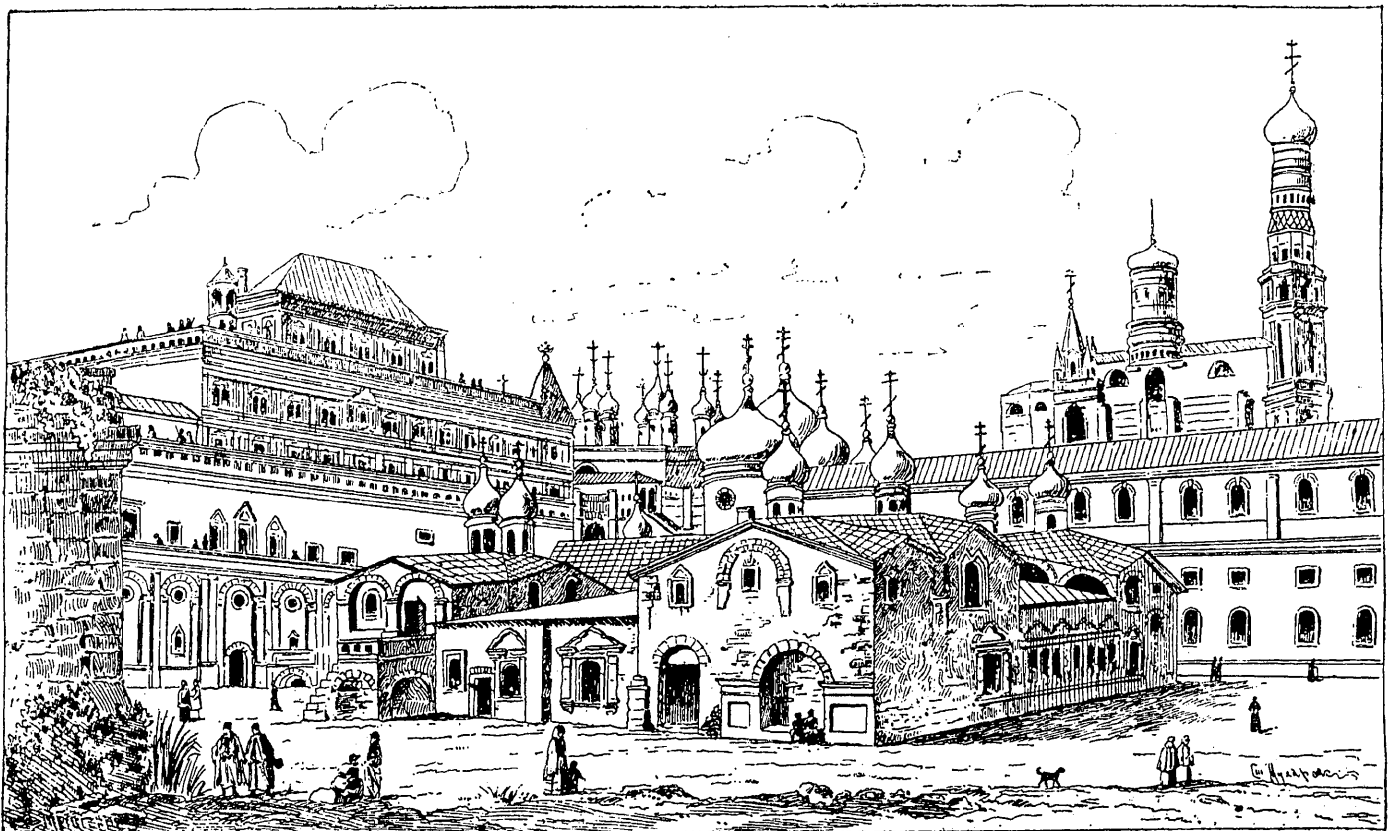
ПОСРДИ, ПО ПРИКАЗАНИЮ ЮАННА, ХВАТАЮТЪ КНЯЗЯ АНДРЕЯ ШУЙСКИАГО.
Рисунокъ И. Дмитриева-Оренбургскаго.

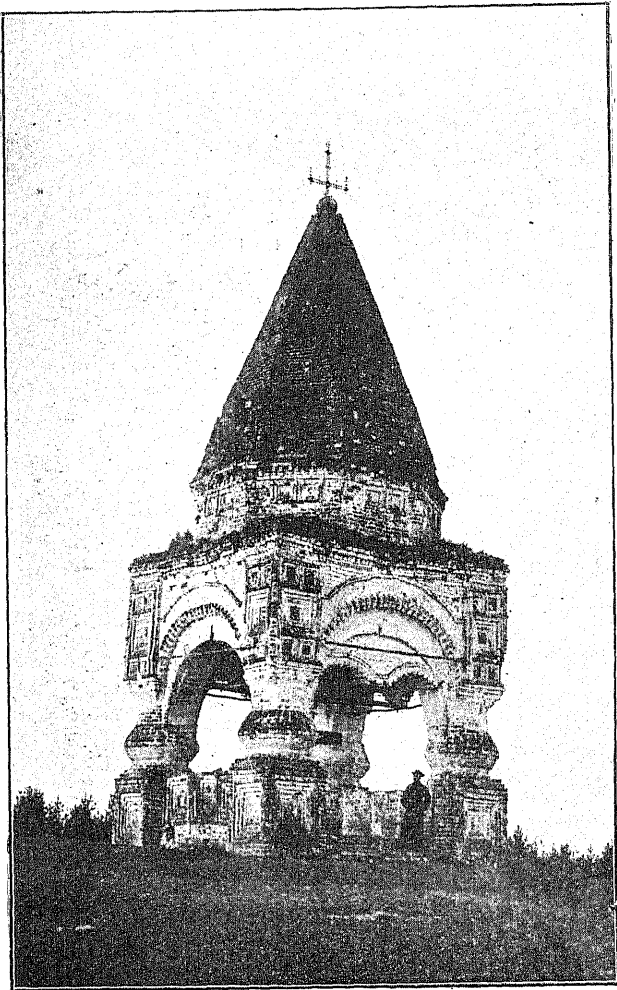
РЪЧЬ ЦАРЯ ЮАННА IV НА ДОВНОМЪ МЯСТѢ 1550 г.
Рисунокъ А. Шарколана, гравюра на стали Ф. Л. Брогачева.

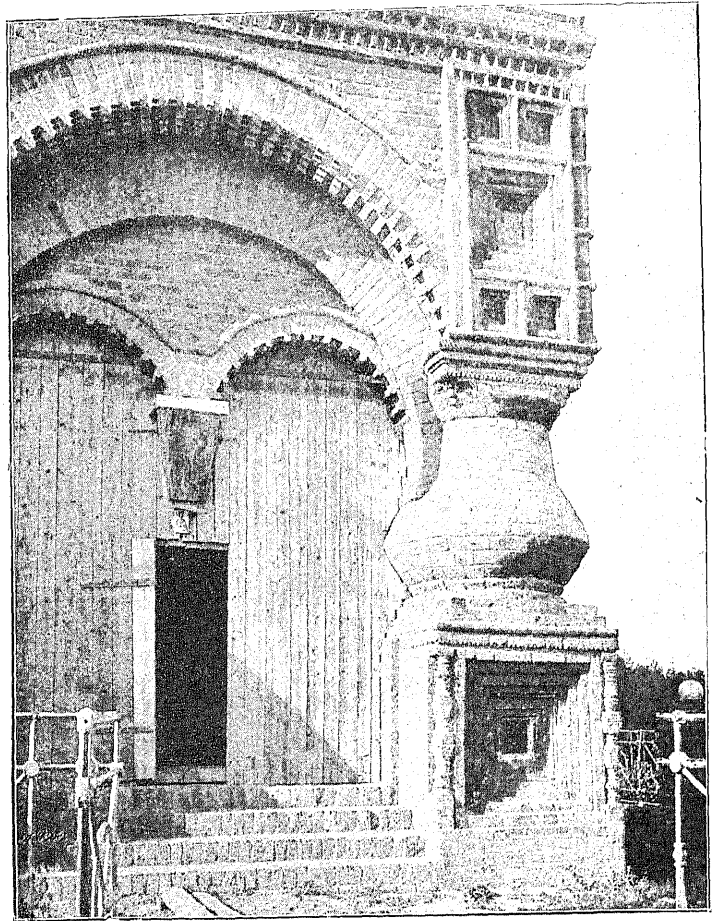
ЧАСТЬ ПЛАНА МОСКВЫ ВРЕМЯ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА СЪ ЕГО ПОРТРЕТОМЪ.
(Съ нѣмецкой гравюры на мѣди XVII вѣка). Изъ собр. Дашкова.

СПАСЬ НА БОРУ (СЪ СОВРЕМЕННОЙ ГРАВЮРЫ), МОСКВА.

ПОРТИКЪ-ЧАСОВНЯ ВЛИЗЪ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ, ПО ПРЕДАНИЮ,
СООРУЖЕННЫЙ ІОАННОМЪ ГРОЗНЫМЪ.

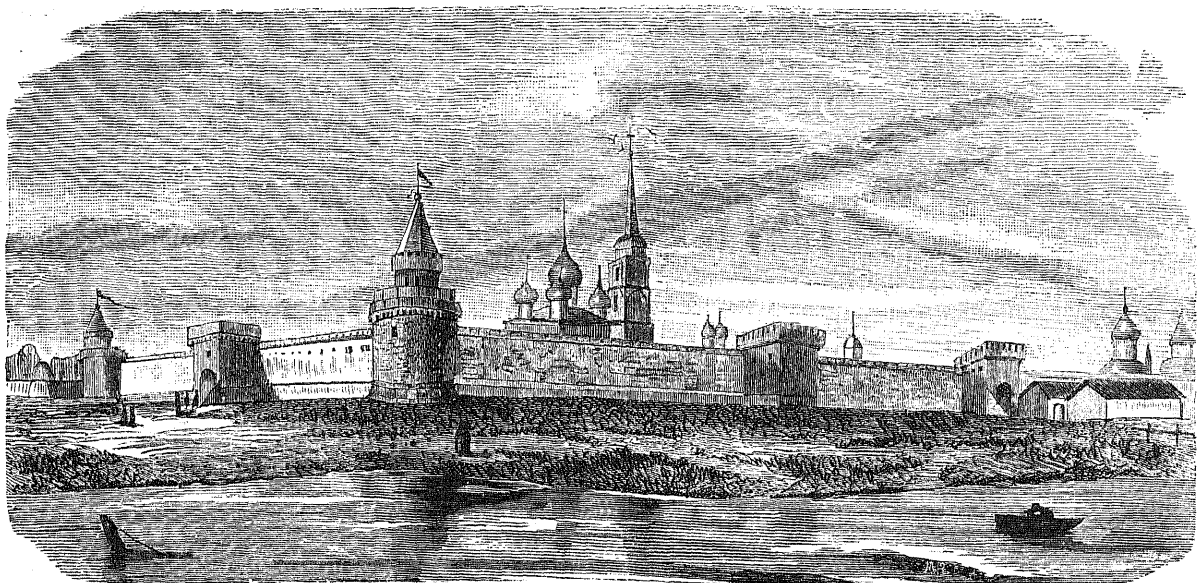

ДЕТАЛЬ ЧАСОВНИ, ПОСТРОЕННОЙ, ПО ПРЕДАНИЮ, ЦАРЕМЪ ІОАННОМЪ
ГРОЗНЫМЪ ВЛИЗЪ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ-ЗАЛЪССКАГО ВЛАДИМ. ГУБ.

Одной изъ самыхъ блестящихъ страницъ исторіи царствованія Іоанна Грознаго слѣдуетъ по справедливости считать завоеваніе Казани. Уже со времени сверженія Русью татарскаго ига, татары и русскіе, очутясь въ близкомъ сосѣдствѣ, не могли разумѣться не враждовать между собою. Но теперь во всѣхъ столкновеніяхъ побѣдительно выходила почти всегда могущественная Россія. Со времени Василя III въ Казани образовались двѣ партіи: московская—стоявшая за союзъ съ Москвою, и крымская—усердно поддерживавшая сношенія съ крымскими ханами. Борьба этихъ партій выразилась въ частой смѣнѣ хановъ. Іоаннъ искусно воспользовался этими междоусобіями.

Москва поддерживала на казанскомъ престолѣ хана Шигъ-

Алея; правленіе его было собственно фиктивнымъ: царь игралъ роль пѣвника, всѣмъ правили вельможи. Между тѣмъ противная партія не дремала и вновь завязала сношенія съ враждебнымъ Москвѣ ханомъ Сафа-Гиреемъ; тогда Шигъ-Алея, положеніе котораго было въ высшей степени затруднительнымъ и даже опаснымъ, бѣжалъ въ Россію, а соперникъ его Сафа-Гирей въ третій разъ сѣлъ на казанскомъ престолѣ. Впрочемъ, онъ скоро умеръ, оставивъ маленькаго сына, который и былъ провозглашенъ царемъ. Желая примириться съ Москвою, казанцы уже шли на уступки и хотѣли выдать вдову Сафа-Гирея Сююмбеку за московскаго ставленника, Шигъ-Алея, надѣясь такимъ образомъ примирить интересы Іоанна и казанцевъ. Іоаннъ во время этихъ пе-

ВИДЪ КРЕМЛЯ ВЪ ТУЛЬѢ.

ЦЕРКОВЬ СВ. КУЗЬМЫ И ДЕМЬЯНА ВЪ МУРОМѢ, ГДѢ ПЕРЕДЪ ОСАДОЮ КАЗАНИ ЮАННОМЪ ГРОЗНЫМЪ БЫЛО СОВЕРШЕНО МОЛЕБСТВІЕ.

УСПЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ, ГДѢ, ПО ПРЕДАНІЮ, ЖИЛЪ ЦАРЬ ЮАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГРОЗНЫЙ, ВЪ УСПЕНСКОМЪ ЖЕНСКОМЪ МОНАСТѢ, ВЪ Г. АЛЕКСАНДРОВѢ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБ.

переговоровъ старался укрѣпиться поближе къ Казани: въ 1551 г. у устья Свяги при участіи Шигъ-Алея основанъ былъ Свѣяжскъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ покорилась и вся горная сторона—чуваши, мордва и черемисы, и русскіе принялись опустошать предѣлы казанскаго царства. Уже послѣ всевозможныхъ переговоровъ, мятежей и

повыхъ уступокъ русскіе готовились принять присягу отъ казанцевъ и прислать имъ своего намѣстника, когда въ Казани вспыхнулъ грандіозный мятежь, при чемъ къ казанцамъ пристали и горные черемисы; на престолъ ханскій призванъ былъ астраханскій царевичъ Едигеръ Магметъ, который далъ своимъ избирателямъ клятву быть непримиримымъ врагомъ Россіи. Все это вызвало послѣдній походъ русскихъ противъ Казани.

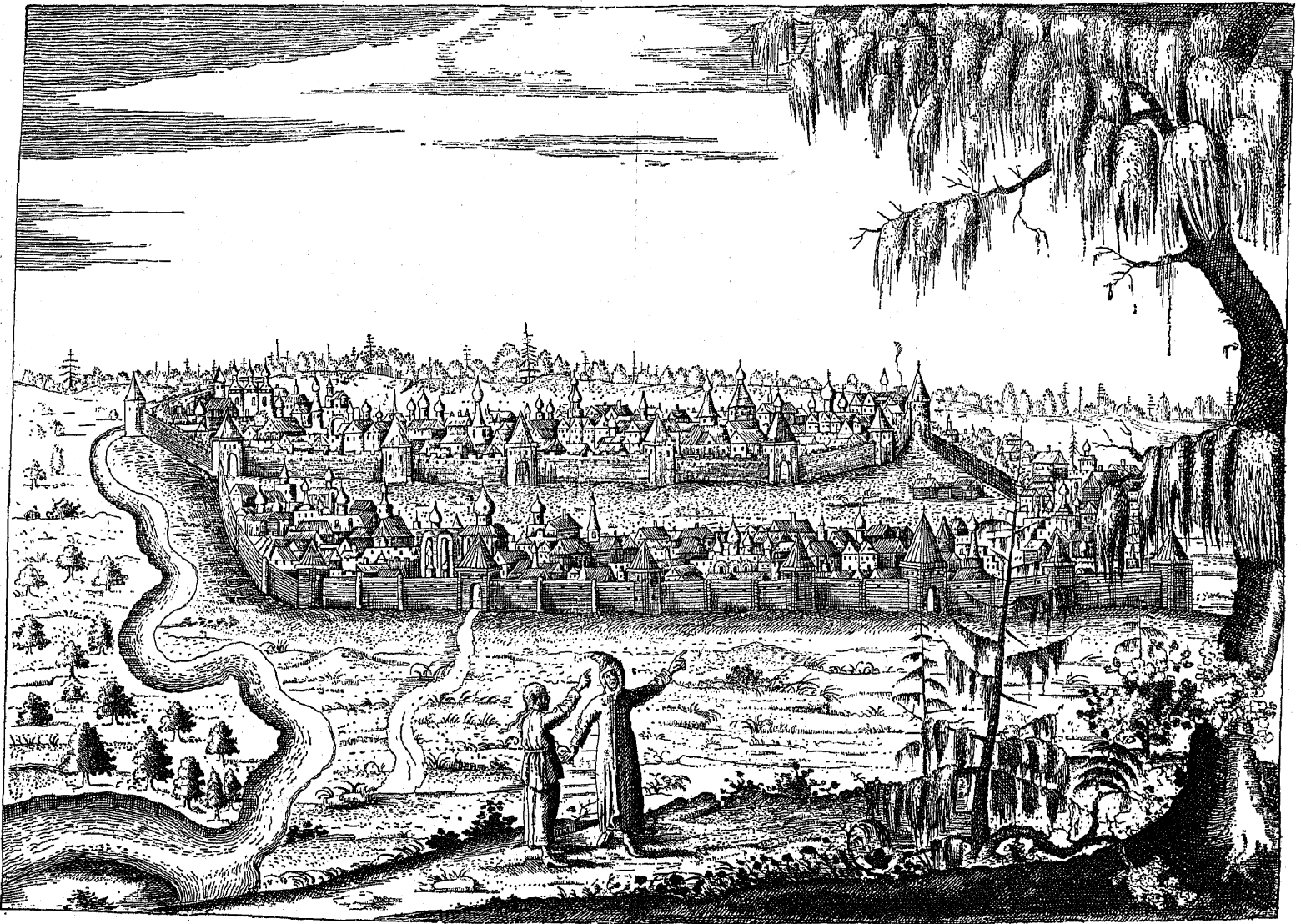
Юаннъ отправился въ походъ и самъ, захвативъ съ собою Шигъ-Алея; по дорогѣ онъ получилъ извѣстіе, что крымцы тоже двинулись въ русскія области и осадили Тулу; жители ея защищались какъ

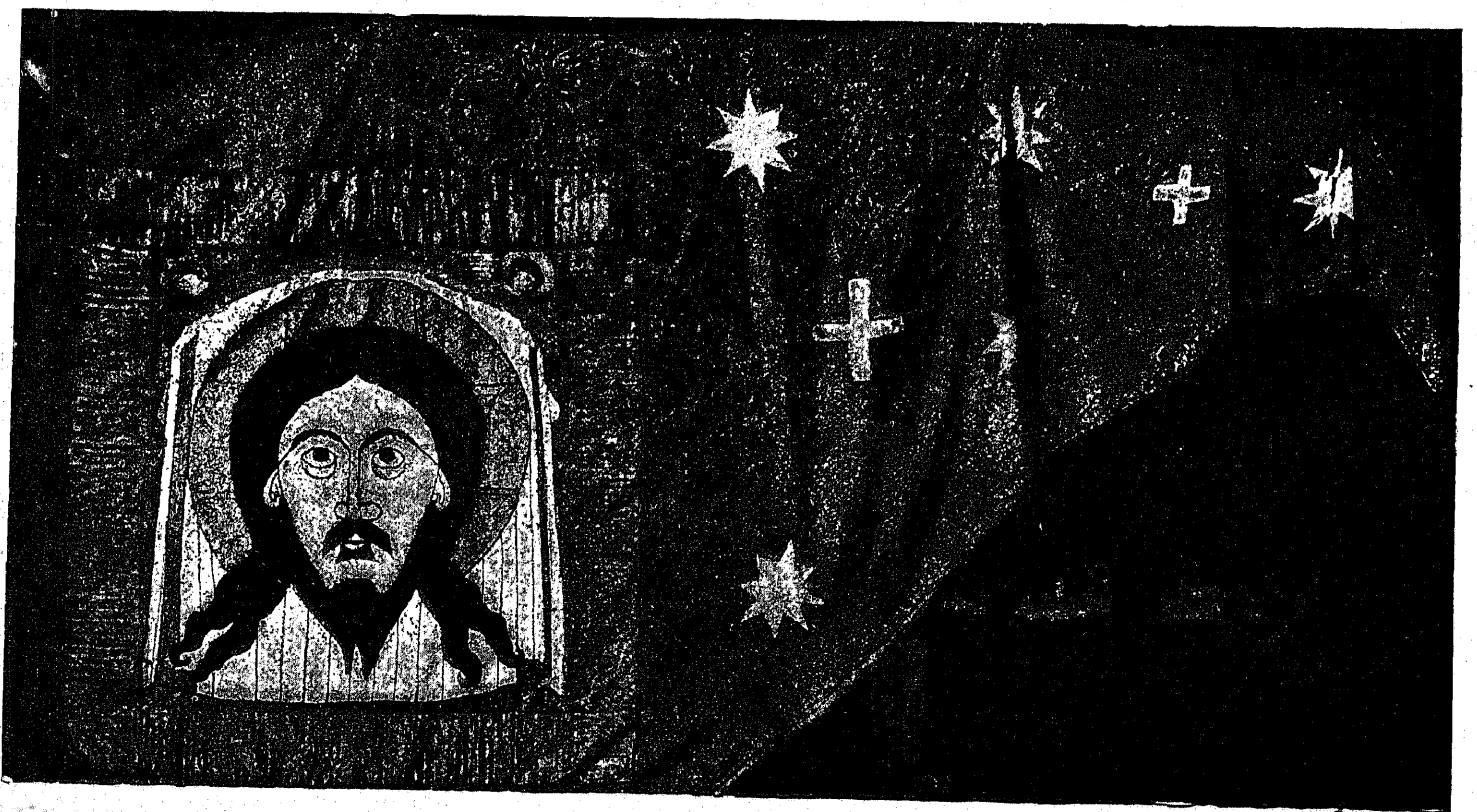
КАРТА ВОСТОЧНОЙ РОССІИ. Изъ «Космографіи» Себастьяна Мюллера 1550 г.

ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ-БОЛЬШОЙ, ПО ПРИКАЗУ ГРОЗНАГО, ВЕДЕТЪ ПЕРЕГОВОРЫ СЪ КАЗАНСКИМИ ПОСЛАМИ ВЪ 1552 ГОДУ. Изъ царственной книги синодальной бібліотеки.

КАЗАНЬ ВЪ XVII ВѢКѢ (СЪ ГРАВЮРЫ ОЛЕАРИЯ).

ЗНАМЯ ГРОВНАГО, ХРАНЯЩЕЕСЯ ВЪ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТѢ.

Подъ этимъ знаменемъ стоялъ Юаннъ во время штурма Казани. На немъ видно Нерукотворенный образъ Спаса, поддерживаемый двумя ангелами. Вокругъ образа вышитъ тропарь: «Пречистому Твоему образу поклоняемся, Благій, просище прощенья прегрѣщеньямъ нашимъ Христе Боже...»

И въ началу мая приидоу татари на
Казань и оуломъ осаждаша. За н е
же и городъ широкъ и высокъ. и по
перти отъ него воевода. и приде
къ нему воевода. и приде къ нему
и воевода. и приде къ нему
и воевода.

И воевода. и приде къ нему
и воевода. и приде къ нему
и воевода. и приде къ нему
и воевода. и приде къ нему
и воевода. и приде къ нему
и воевода.

и воевода. и приде къ нему
и воевода. и приде къ нему
и воевода. и приде къ нему
и воевода. и приде къ нему
и воевода. и приде къ нему
и воевода.

и воевода. и приде къ нему
и воевода. и приде къ нему
и воевода. и приде къ нему
и воевода. и приде къ нему
и воевода. и приде къ нему
и воевода.

и воевода. и приде къ нему
и воевода. и приде къ нему
и воевода. и приде къ нему
и воевода. и приде къ нему
и воевода. и приде къ нему
и воевода.

и воевода. и приде къ нему
и воевода. и приде къ нему
и воевода. и приде къ нему
и воевода. и приде къ нему
и воевода. и приде къ нему
и воевода.

ПОХОДЪ ПРОТИВЪ КАЗАНИ.
Изъ царственной книги синодальной библиотеки.

могли сами, пока не подоспѣли имъ на помощь Иоанновы войска: ханъ при первой вѣсти о ихъ приближеніи поспѣшно удалился, русскіе бросились за нимъ и оттѣснили его въ степи; въ этихъ столкновеніяхъ отличился впервые князь Андрей Курбскій.
Послѣ этого Иоаннь съ войскомъ пошелъ уже прямо на Казань и осадилъ ее; это былъ, между прочимъ, со стороны русскихъ первый опытъ правильнаго веденія осады. Защитники Казани, одушевленные отчаяніемъ и страхомъ потерять послѣднюю царь Иоаннь грозный.

надежду на независимость своего царства, выказали удивительную стойкость и безавѣтное мужество, такъ что Иоаннь купилъ побѣду весьма дорогой цѣной. 23 августа 1552 года утромъ русскіе пошли на приступъ. Съ восходомъ солнца былъ отбитъ молебень и Иоаннь произнесъ рѣчь къ войску, ободряя и воодушевляя его, и самъ повелъ полки на приступъ, который былъ отбитъ. Но начало уже было положено: съ тѣхъ поръ войска чуть не каждый день штурмовали Казань, а татары въ свою очередь трево-

Исидоръ въишлъ на мѣсто противъ
города. Къ сѣбѣ гдѣхероугонхртѣ
сѣе розвертити и рѣзнама. на нѣ
обратнашаго ісху нероукопорѣннѣ
и на ісху нероуженѣ животпорѣ
щѣи крѣтѣ. иже боупраодителѣ
его гдѣнашаго достохпалнаго пелѣ
дагои ѣ адмитрѣ
на доноу.

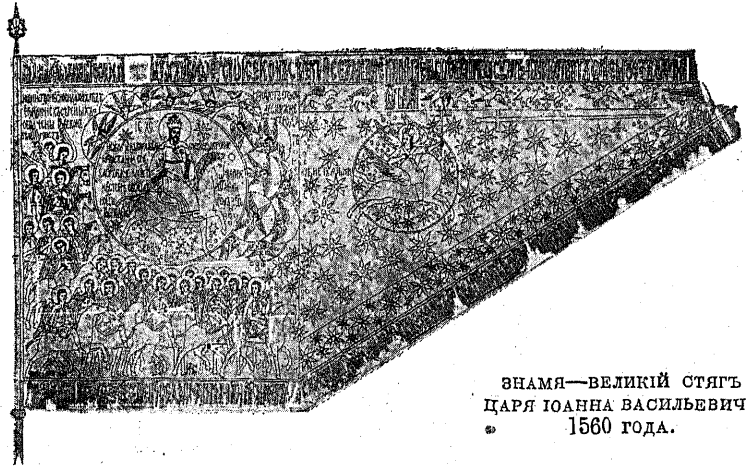
ЦАРЬ ЮАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГРОЗНЫИ У СТѢНЪ
КАЗАНИ.

Приказъ царя развернуть «христіанскія хоругви»
(знамена). На одной хоругви помѣщенъ образъ Спа-
сителя, а вверху ея водруженъ св. крестъ, бывшій
у вел. кн. Димитрія Донского. (Изъ царственной книги
синодальной библиотеки).

жили русскихъ по ночамъ отчаянно-смѣлыми вылаз-
ками. Наконецъ нѣмецъ-инженеръ, бывшій на служ-
бѣ у Юанна, устроилъ подкопъ и у казанцевъ пе-
ренили воду, а затѣмъ возвелъ и еще цѣлую систему
подкоповъ. Послѣ пятинедѣльнаго стоянія русскихъ
подъ городомъ взорвана была, наконецъ, часть го-

СТАРИННЫЯ РУССКІЯ ЗНАМЕНА.

ЗНАМЯ—ВЕЛИКІЙ СТЯГЪ
ЦАРЯ ЮАННА ВАСИЛЬЕВИЧА
1560 ГОДА.

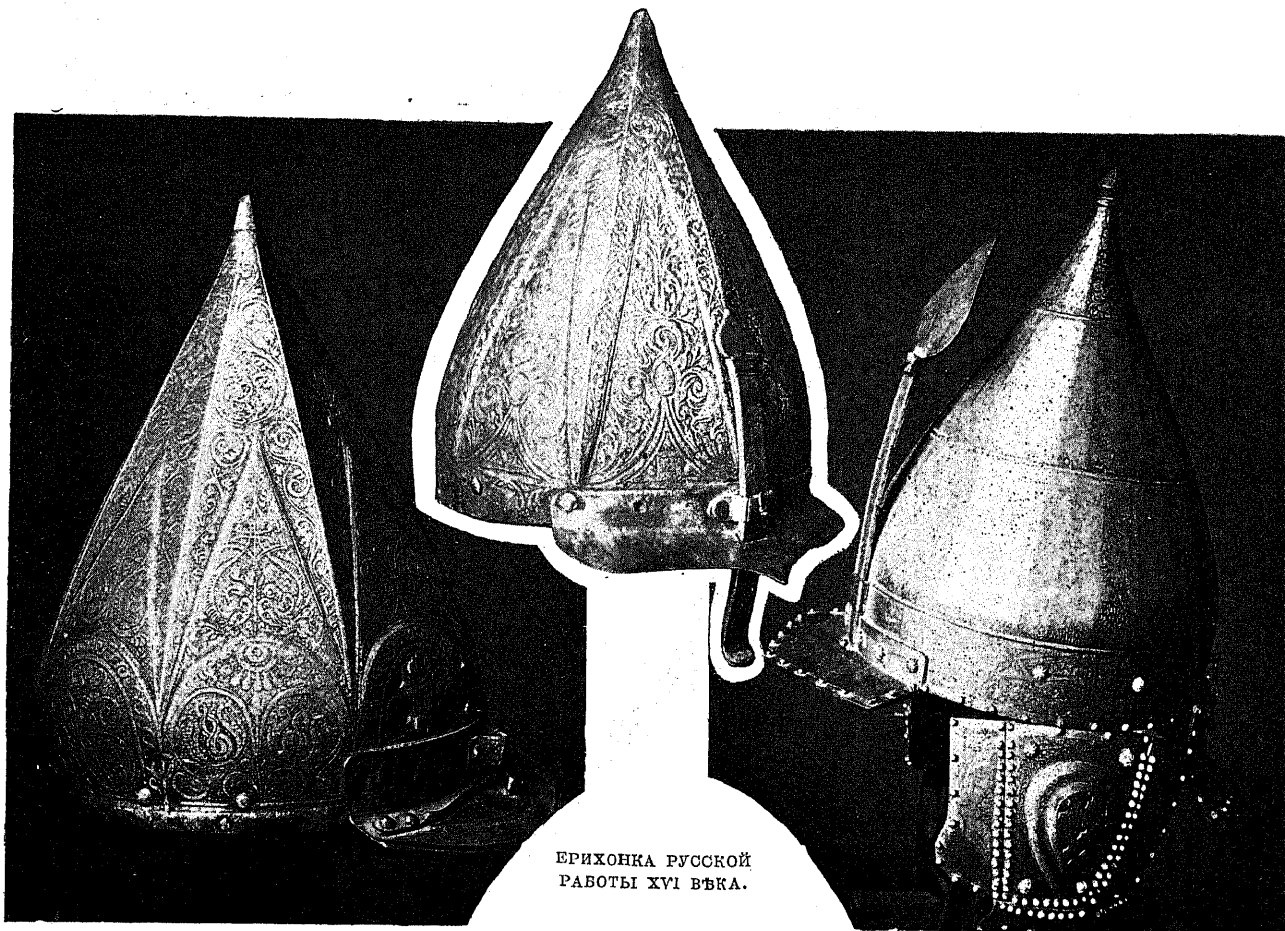
родской стѣны и русскіе ворвались въ городъ. 1-го октября Казань была уже
въ рукахъ русскихъ. Рѣзня произошла ужасная: татары отдавали съ бою каж-
дую улицу; дрались на заборахъ, на крышахъ домовъ. Едигеръ засѣлъ въ своемъ
укрѣпленномъ дворцѣ и сражался болѣе часу. Наконецъ, тѣснимые русскими
казанцы возвели Едигера на одну изъ уцѣлѣвшихъ башенъ и, давъ знакъ, что
желаютъ завести переговоры, объявили русскимъ:

— Доколѣ у насъ было царство, мы умирали за царя и отечество. Теперь
Казань ваша; отдаемъ вамъ своего царя живымъ, ведите его къ Юанну, а мы
идемъ на поле испить съ вами послѣднюю чашу.

И въ виду нашего войска татары перешли рѣку Казанку и кинулись
было къ лѣсу, но тутъ русскіе догнали ихъ; татары завязали съ полками Юанна

КАЗАНЬ. БАШНЯ СЮЮМБЕКИ.

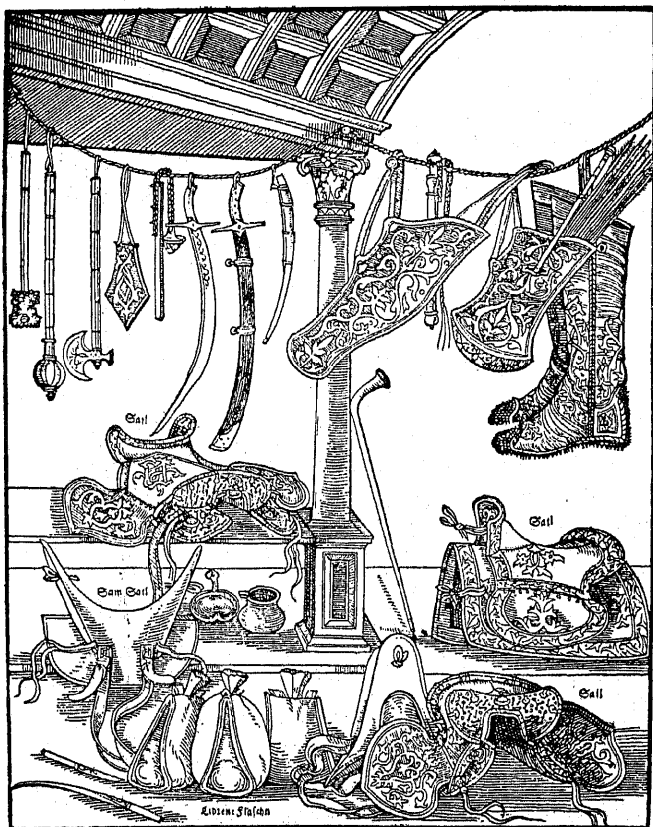

ЕРИХОНКА РУССКОЙ РАБОТЫ XVI ВЪКА.

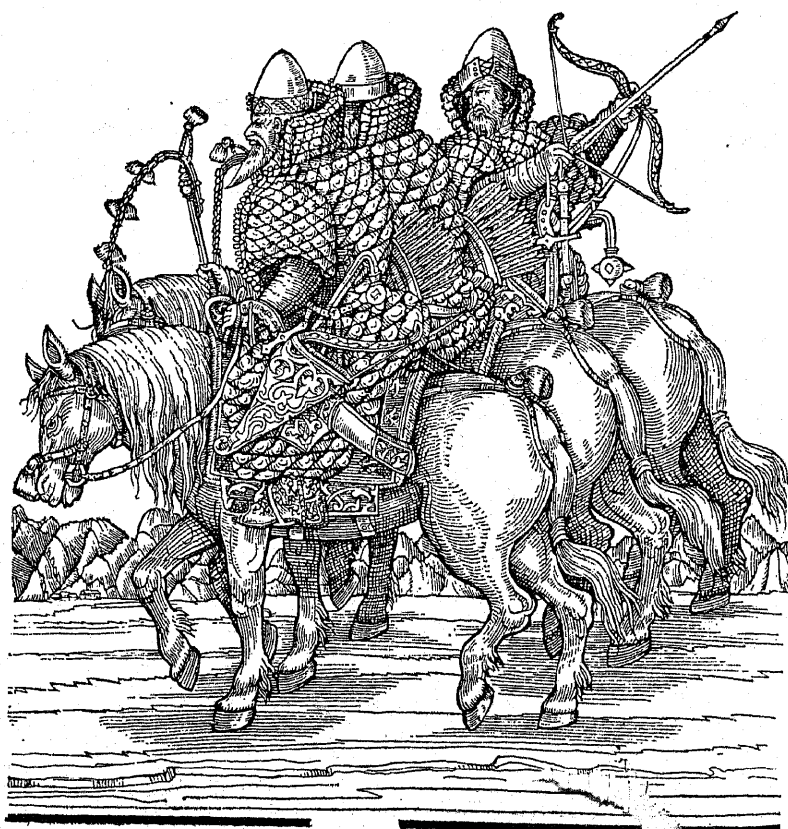
ЕРИХОНКА РУССКОЙ РАБОТЫ XVI ВЪКА.

ШАПКА ЕРИХОНКА КН. В. В. ГОЛИЦЫНА.

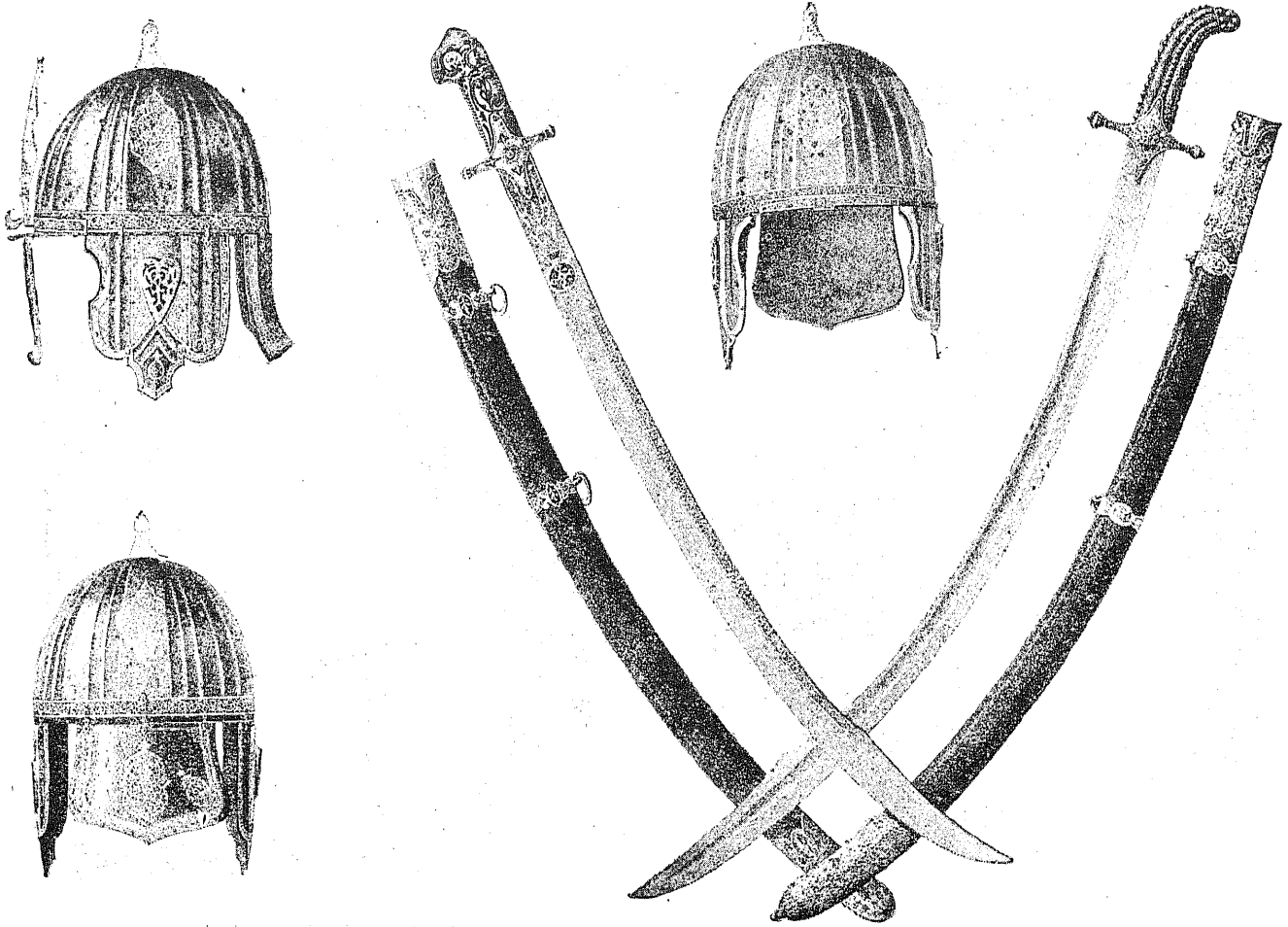
ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ ДРЕВНИХЪ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ.

РУССКОЕ ОРУЖИЕ И СВРУЯ XVI-ГО ВЪКА.
Гравюра изъ книги Герберштейна «Regum Moscoviticarum»

МОСКОВСКІЕ ВОИНЫ.
Уменьш. факсимиле гравюры изъ книги Герберштейна «Regum Moscoviticarum»

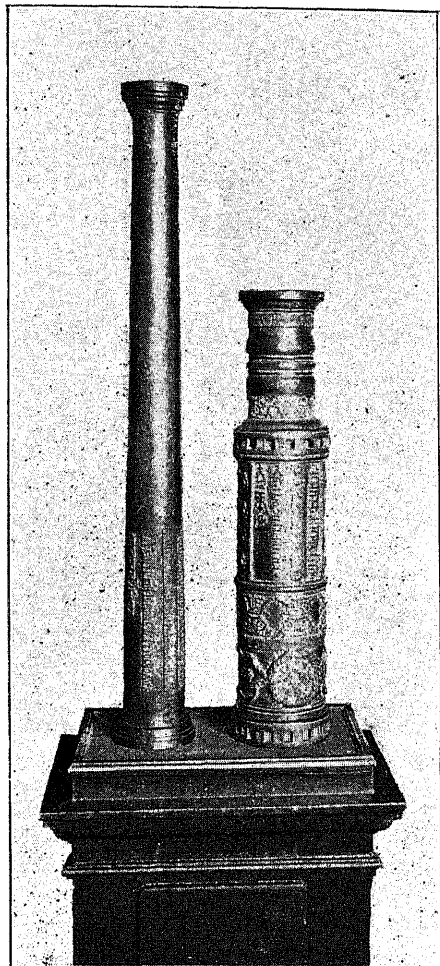
РУССКОЕ ОРУЖИЕ XVI И XVII СТОЛѢТІЯ.
 ШИШАКИ СЪ ЗАТЫЛЬНИКАМИ И УШНЫМИ ПРИКРЫТИЯМИ.—ПАРАДНАЯ САВЛЯ РУССКАГО ВОЕВОДЫ XVI СТОЛѢТІЯ.—ПАРАДНАЯ
 БОЯРСКАЯ САВЛЯ XVII СТОЛѢТІЯ.

РАТНИКЪ ВЪ ЗАВРАЛѢ И ВЪ ШЕЛОМѢ (XIV ПО
 XVII ВѢКЪ).

РАТНИКИ ВЪ ТЕЧИЛЯХЪ И ШАПКАХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ
 (XIV ПО XVII ВѢКЪ).

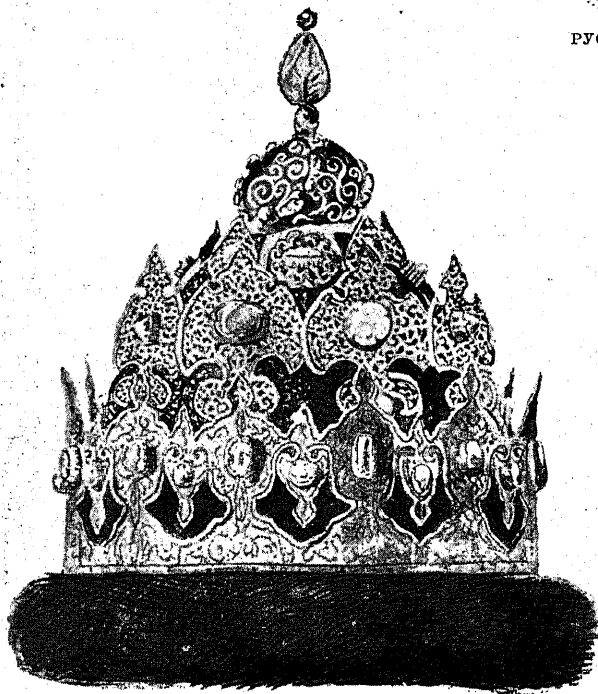

мѣдная пицаль 1485 г.—мѣдная гаубица
1542 г.

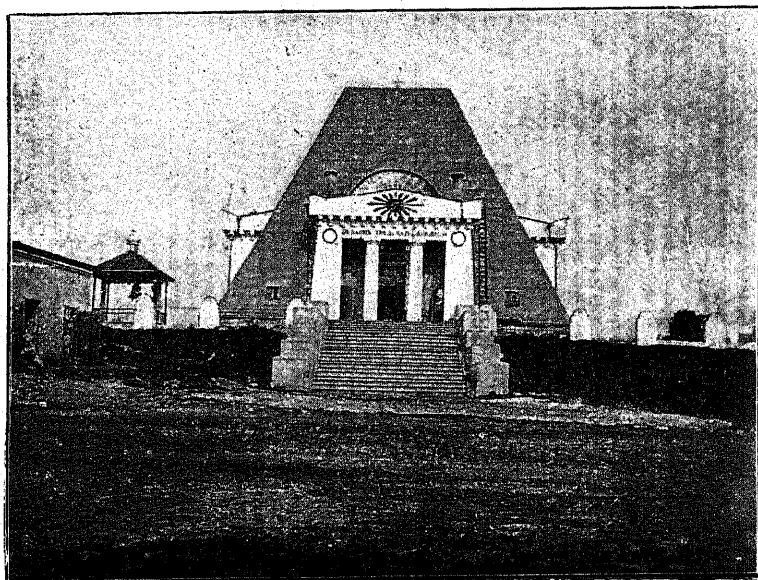
последнюю схватку и никто изъ доблестныхъ защитниковъ Казани не сдался живымъ. . .
Воротынский первый извѣтилъ Юанна о взятіи Казани, и царь приказалъ отпѣть молебень и собственноручно водрузилъ крестъ у такъ-называемыхъ царскихъ воротъ, приказавъ построить на этомъ мѣстѣ первую православную церковь въ Казани. Множество освобожденныхъ въ этотъ день русскихъ

РУССКІЯ ВОЙСКА ВЛАМЫВАЮТСЯ ВЪ КАЗАНЬ. РИС. Н. ДМИТРИЕВА-ОРЕНБУРГСКАГО.

ШАПКА ЦАРСТВА КАЗАНСКАГО.

ПАМЯТНИКЪ ПО УБИТЫМЪ ПРИ ВЗЯТИИ КАЗАНИ.

ВЗЯТИЕ КАЗАНИ ЮАННОМЪ ГРОЗНЫМЪ, 1552. ГО.

ВЗЯТИЕ КАЗАНИ ЮАННОМЪ ГРОЗНЫМЪ (РИС. В. ЧОРИЦОВА, ЛИТОГР. П. ИВАНОВА. ИЗЪ ИЗДАНИЯ «ЖИВОПИСНЫЙ КАРАМЗИНЪ»).

плѣнниковъ съ восторгомъ встрѣчали наши войска и Юанна и привѣтствовали его криками:

— Избавитель! ты вывелъ насъ изъ ада!

Такъ покорена была Казань. Едигера увезли плѣнникомъ въ Россію, гдѣ онъ впослѣдствіи принялъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, христіанство. Казань очистили отъ труповъ и 3-го октября состоялся торжественный въѣздъ въ нее Юанна. Духовенство обошло съ Юанномъ всю Казань, посвящая ее «Богу истинному», и тутъ-же на глав-

ной площади заложена была церковь — соборъ Благовѣщенія; башни и укрѣпленія были возобновлены и снабжены пушками и гарнизонами. Вслѣдъ за взятіемъ Казани покори-

ПОКОРЕНІЕ КАЗАНИ.

Картина Г. И. Угрюмова въ русс. музеѣ Имп. Александра III.

ПОКРОВСКИЙ СОВОРЪ ИЛИ ЦЕРКОВЬ ВАСИЛІА БЛАЖЕННАГО, сооруж. въ XVI вѣкѣ Юанномъ Грознымъ въ память покоренія Казани. (Изъ Олеарія 1656 г.).

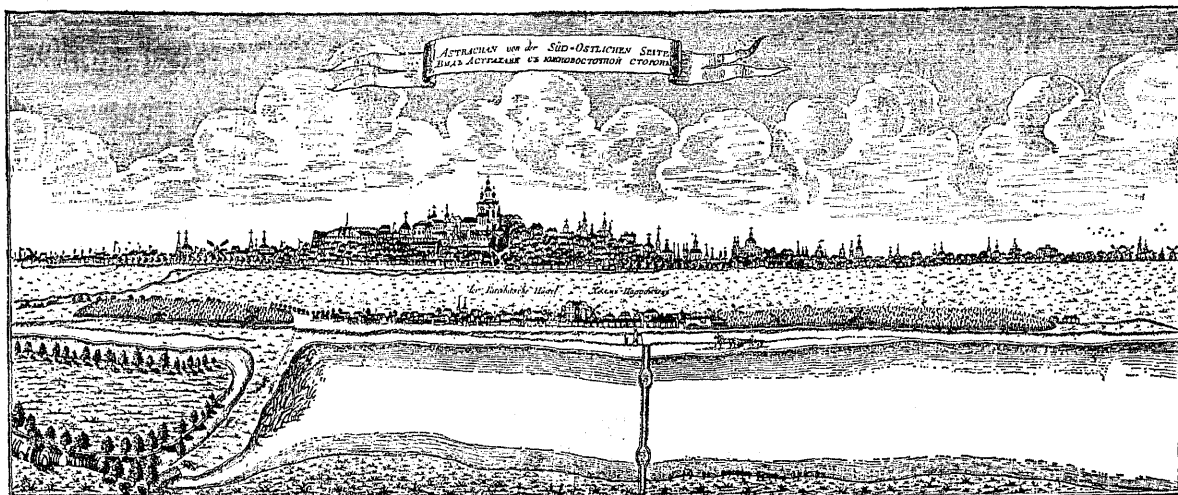
ЦЕРКОВЬ ВАСИЛІЯ БЛАЖЕННАГО ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ. СЪ ФОТОГРАФИИ.

ласть Москвѣ и такъ-называемая «Орская область», а также и область луговой черемисы; казанское царство пало такимъ образомъ окончательно. Долше другихъ упорствовали башкиры, но и они черезъ два года должны были покориться.

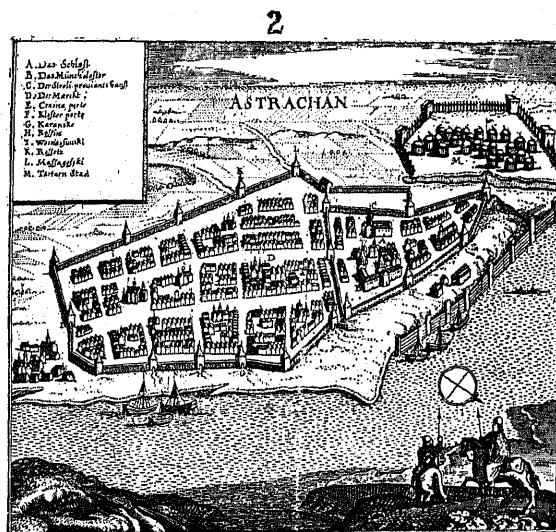
Покореніе Казани и освобожденіе изъ тяжкаго татарскаго плѣна нѣсколькихъ тысячъ томившихся въ немъ долгіе годы русскихъ плѣнниковъ высоко подняли Іоанна въ глазахъ современниковъ и потомства и имѣли громадное значеніе для всей государственной жизни Руси: пало самое могущественное мусульманское татарское царство, которое причиняло столько беспокойства и страданій московскимъ областямъ, куда постоянно

уводились въ плѣнъ масса русскихъ людей. Іоаннъ первый, въ сущности, одержалъ исключительно-блестящую побѣду надъ татарами, предъ которыми столько унижались русскіе великіе князья, иго которыхъ такъ долго тяготѣло надъ русскимъ народомъ. Вотъ почему Русь съ такимъ воодушевленіемъ воспѣла Іоанна въ своихъ пѣсняхъ, какъ славнаго покорителя Казани.

Желая оставить достойный памятникъ завоеванія Казани, Іоаннъ по прибытіи въ Москву заложилъ у Спасскихъ воротъ великолѣпный храмъ Покрова (или Василія Блаженнаго) о девяти куполахъ, лучшій памятникъ готической архитектуры въ нашей первопрестольной столицѣ.

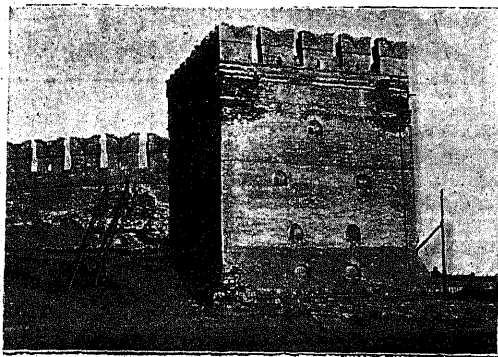
ВИДЪ ГОРОДА АСТРАХАНИ. ПО РИСУНКУ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВИЯ С. ГМЕЛИНА.

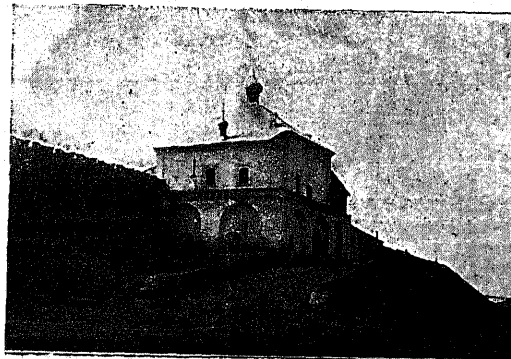
АСТРАХАНЬ ВЪ XVI И XVII ВѢКѢ. СЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ГРАВЮРЪ.

Окончательно утвердиться русскимъ въ Приволжьѣ мѣшали многочисленныя и сильныя орды ногайскихъ татаръ, которыхъ постоянно подбивалъ къ набѣгамъ и мятежамъ турецкій султанъ, который никакъ не могъ примириться съ мыслью, что цѣлый богатый край навѣки ускользаетъ изъ его рукъ и тысячи мусульманъ становятся данниками ненавистнаго ему православнаго московскаго царя. Къ счастью для Москвы ногайскіе ханы дѣйствовали неумѣло и недружно: ихъ раздѣляли вѣчные споры за владѣнія и добычу, и многіе изъ нихъ въ тяжелыя минуты даже сами

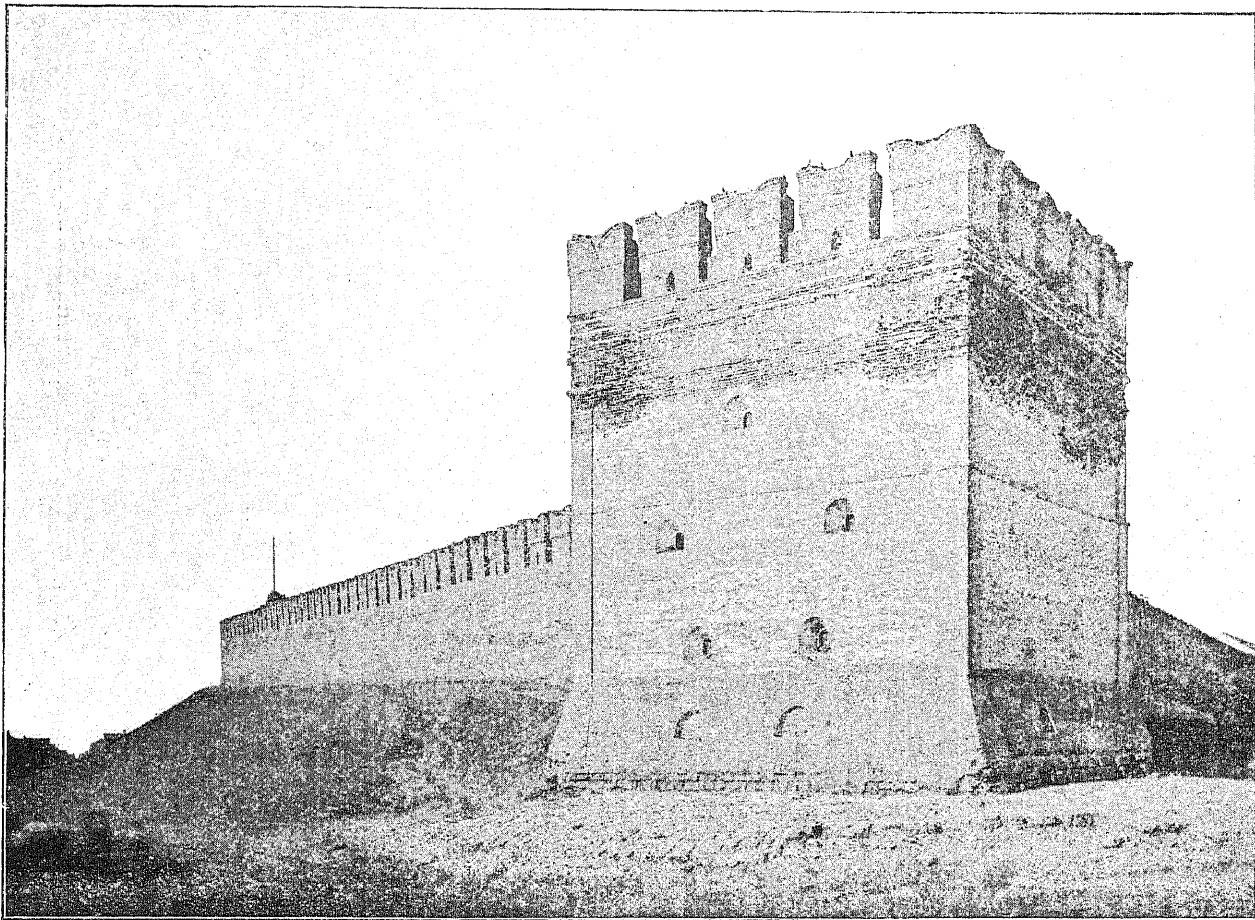
искали у Москвы защиты и помощи противъ своихъ-же едино-вѣрцевъ. Такъ, ближайшимъ поводомъ къ завоеванію Іоанномъ Астраханъ явилась просьба одного изъ ногайскихъ князей помочь ему войсками и деньгами въ борьбѣ съ Астраханскимъ ханомъ Ямгурчеемъ. Іоаннъ немедленно отозвался на это предложеніе; у него были съ Ямгурчеемъ и собственные счеты: во-первыхъ, въ Астраханіи оскорбили и ограбили русскаго посла, а во-вторыхъ, Ямгурчей череачуръ дружилъ съ крымскимъ ханомъ, заклятымъ врагомъ Москвы.

КРЕМЛЬ ВЪ АСТРАХАНИ. ЧАСТЬ КРЕПОСТНОЙ СТѢНЫ.

КРЕМЛЬ ВЪ АСТРАХАНИ. НИКОЛЬСКІЯ ВОРОТА.

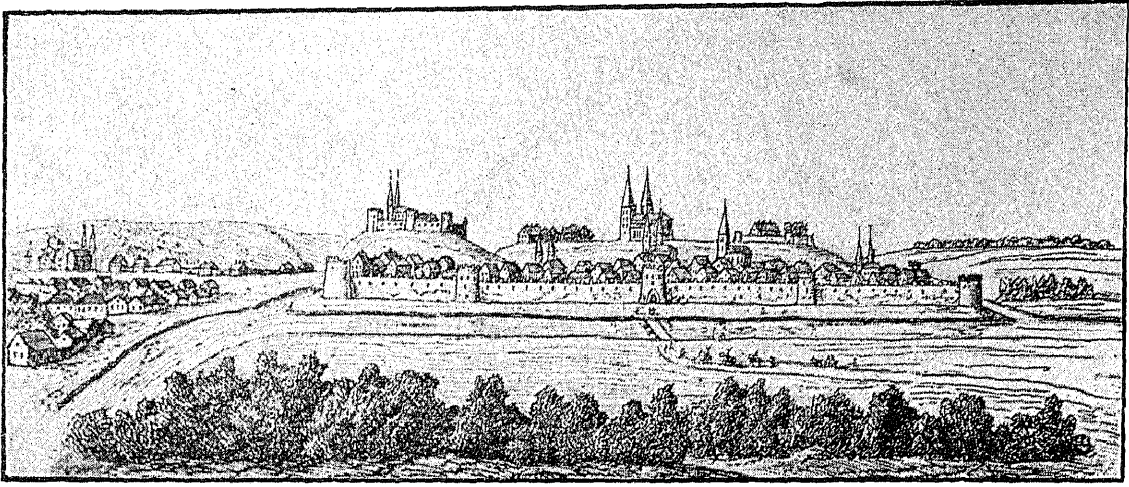
БАШНЯ И ЧАСТЬ СТѢНЫ АСТРАХАНСКАГО КРЕМЛЯ. СЪ ФОТОГРАФИИ.

Иоаннъ-же, искренно или нѣтъ, но считалъ, кромѣ того, Астрахань древнимъ достояніемъ Россіи, утверждая, по примѣру многихъ тогдашнихъ русскихъ патріотовъ, что Астрахань захватила въ сущности области древней Тмутаракани, гдѣ княжилъ нѣкогда одинъ изъ сыновей св. Владиміра, извѣстный Мстиславъ Удалой. Едва ли, кромѣ сходаства имени, Иоаннъ и его единомышленники могли представить болѣе серьезныя доказательства своихъ правъ, но какъ лишній предлогъ для объявленія войны пригодились и эти соображенія, и снисходя къ просьбамъ ногайскихъ мурзъ, хлопотавшихъ о водвореніи въ Астрахани изгнанника Дербыша, одного изъ ногайскихъ князей, сидѣвшаго въ Астрахани раньше Ямгурчей, Иоаннъ, призвавъ его въ 1554 году изъ ногайскихъ улусовъ, послалъ съ нимъ въ Астрахань на судахъ войско, не многочисленное, но отборное, подъ предводительствомъ князя Юрія Ивановича Пронскаго-Шемкина и извѣстнаго своей безавѣтной храбростью постельничаго Игнатія Вешнякова. Добравшись до Переволоки, русскіе выслали впередъ князя Александра Вяземскаго, который близъ Чернаго острова разбилъ передовые отряды астраханцевъ, высланныхъ развѣдать о нашихъ силахъ. Узнали отъ плѣнныхъ, что Ямгурчей стоитъ въ пяти верстахъ ниже города и двинулись туда, мимо бывшей татарской столицы Сарая, давно уже лежавшей въ развалинахъ. Все бѣжало передъ русскими войсками, и Шемякинъ 2-го іюля вступилъ въ безлюд-

ную Астрахань, тогда какъ русскіе отряды всюду гнались за бѣгущими и преслѣдовали ихъ до Тюмени и Бѣлаго моря. Ямгурчей усакала въ Азовъ, но русскіе захватили его женъ и дочерей, а также многихъ знатныхъ чиновниковъ, которые изъявили желаніе служить Дербышу и зависѣть отъ Россіи, требуя взаменъ только личной свободы. Вокругъ Дербыша собралось до пятисотъ князей и мурзъ и до десяти тысячъ народа. Все присягнуло на вѣрность Иоанну и обязались высылать ему въ видѣ ежегодной дани по 40 тысячъ алтынъ и по три тысячи рыбъ и, въ случаѣ смерти Дербыша, принять въ цари кого пожелаетъ Иоаннъ, или его наследники. Но Дербышъ недолго оставался вѣрнъ Иоанну, завелъ тайныя сношенія съ крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреємъ и окружилъ себя крымцами, а когда стрѣлцкій голова Иванъ Черемисинъ послалъ былъ обличить его, Дербышъ вышелъ навстрѣчу русскому отряду со значительной военной силой, ногайцами и крымцами, ободренный многочисленностью русскаго войска. Но на сторону русскихъ перешелъ значительный ногайскій князь, Исламъ, и Дербышъ, разбитый на голову, бѣжалъ по слѣдамъ Ямгурчей въ Азовъ. Такимъ образомъ, въ 1556 году Астрахань окончательно подчинена была Москвѣ. Черемисинъ наложилъ на астраханцевъ легкую дань, умно и справедливо обходился съ ними, возвратилъ пострадавшимъ во время войны прежнее ихъ имущество. Теперь вся Волга была уже въ рукахъ русскихъ.

Изъ списка володимиъ андреевичи. По
 Жалованіи. мношю по пѣсношскому
 монастырю дитумена Васуно Астра
 ею. и ихъ то по на пѣсношскому
 акцію до боца и княи тумки в бо
 бина тко то бы на сто то жокода
 в в до сий чинца на шире релъти
 кбпиктис то да нати то патити
 сая б д а воли. и (сто б в сохита
 тки и т а и д шик сой по ш а ни
 конкатки на релъти Нѣ княд

ГРАМОТА КН. ВЛАДИМІРА АНДРЕЕВИЧА НИКОЛЬСКОМУ ПѢСНОШСКОМУ МОНАСТЫРЮ 1555 г. (АРХИВЪ МИН. ЮСТ.).

ДЕРПТЪ ВЪ 1553 ГОДУ. СОВРЕМЕННАЯ ГРАВЮРА.

ПЕЧАТЬ Г. ПЕРНОВА,
съ надписью: «Secretum civium de Perona».

Сильвестръ и другіе совѣтники Иоанна побуждали его всѣми силами, по завоеваніи Казани и Астрахани, кончить и съ Крымомъ, который доставлялъ русскимъ не мало хлопотъ своими разбойничьими наѣздами, отъ которыхъ постоянно жестоко страдали окраины государства, такъ какъ татары выжигали цѣлыя селенія, а жителей толпами

ПЕЧАТЬ Г. ДЕРПТА,
съ надписью: «Sigillum civitatis Tarbatensis». Ориг. велачина.

уводили въ неволю. Тѣмъ не менѣ дальновидный Иоаннъ не могъ не видѣть полнѣйшей несбыточности этого, съ виду такого простого, плана: между Крымомъ и московскими владѣніями разстилались огромныя, не населенныя степи, гдѣ кочевали разбойничьи татарскія шайки; слишкомъ много напряженія потребовалось-бы отъ Москвы, чтобы удержать Крымъ за собою; притомъ завоеваніе Крыма неизбежно вовлекло бы русскихъ и въ войну съ турками, такъ

рымъ договорамъ съ русскими великими князьями, Ливонія обязана была платить Москвѣ дань за Юрьевскую (Дерптскую) область. Пользуясь тѣмъ, что вниманіе московскихъ государей было отвлечено другими важными дѣлами, ливонцы въ теченіе полувѣка не платили этой дани; Иоаннъ потребовалъ съ нихъ сразу громадныя суммы за всѣ пятьдесятъ лѣтъ, и когдаришари не исполнили этого требованія, началъ съ ними войну. Ливонія находилась въ

ПЕЧАТЬ Г. ВЕНДЕНА,
съ надписью: «Sigillum civitatis de Wenda».

набрано въ Германіи для московской службы около ста различныхъ мастеровъ, но ливонцы уговорили германскаго императора не пускать ихъ въ Москву. Тогда, покончивъ съ Казанью и Астраханью, Иоаннъ объявилъ войну ливонцамъ, подъ слѣдующимъ предлогомъ: по ста-

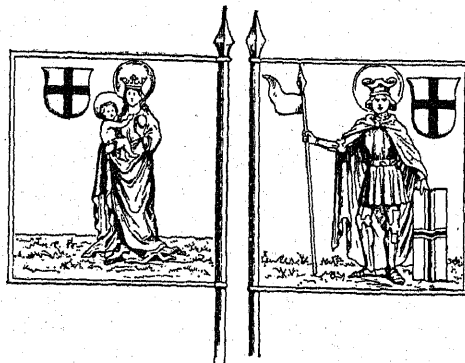
ГОТТАРДЪ КЕТЛЕРЪ.

ЖЕНА ГОТТАРДА КЕТЛЕРА.

какъ крымскій ханъ былъ данникомъ султана.

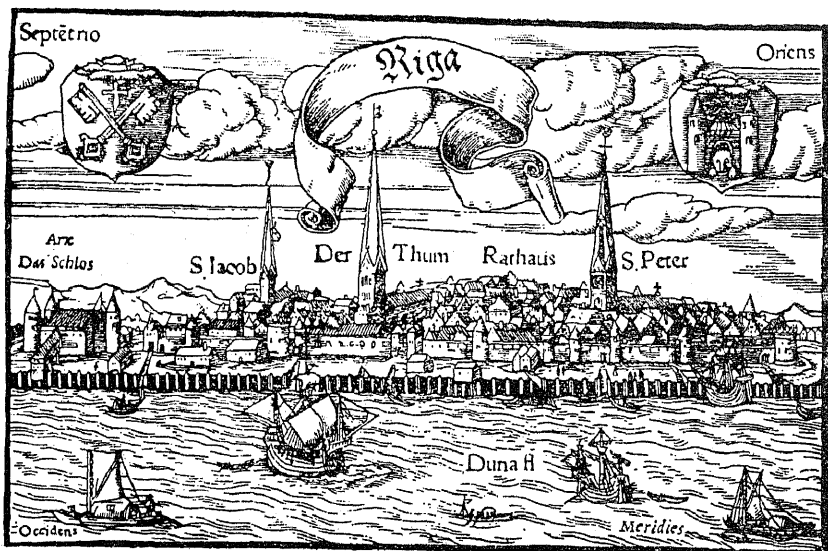
Иоанна давно занимали мысли о другомъ, болѣе важномъ для него, предпріятіи: возвращеніи береговъ Балтійскаго моря, завоеваніяхъ ливонскими рыцарями, чтобы обезпечить себѣ ближайшій путь для необходимыхъ сношеній съ западомъ, польза которыхъ давно была очевидна Иоанну. Между тѣмъ враждебные Россіи поляки и ливонцы не только препятствовали всячески этимъ сношеніямъ, но и не пропускали вызываемыхъ въ Москву ученыхъ и художниковъ, которые приносили съ собою просвѣщеніе, мастеровъ военнаго дѣла и другихъ. Такъ въ 1547 году, по порученію Иоанна, было

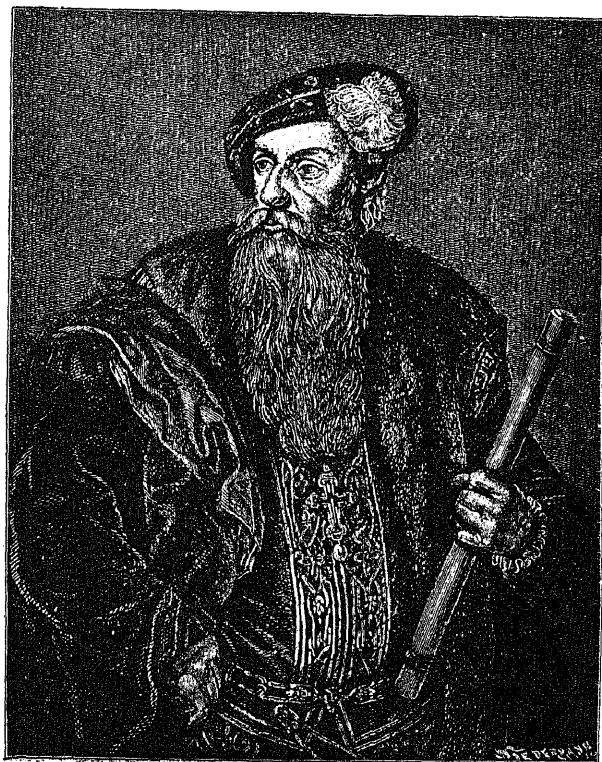
ЗНАМЯ ТЕМЕЦКАГО ОРДЕНА.

это время въ самомъ жалкомъ состояніи. Цвѣтущая пора ордена меченосцевъ миновала. Преніе грозные рыцари превратились въ богатыхъ помѣщиковъ-бароновъ, жившихъ въ свое удовольствіе въ роскоши и нѣгѣ на счетъ порабощеннаго народа—латышей и финновъ, ненавидѣвшихъ своихъ притѣснителей. Бароны враждовали другъ съ другомъ и съ духовенствомъ, торговые города стремились къ полной независимости—все распалось и потому Ливонія казалась легкой добычей.

Война дѣйствительно началась необыкновенно удачно для Москвы: русскія войска, подъ начальствомъ Шигъ-Адея, князей Шуйскаго, Серебрянаго и другихъ,

видъ риги въ 1550 году.
Гравюра на деревѣ въ «Космографіи» Себастіана Мюнстера. Изданіе 1550 г.

ГУСТАВЪ ВАЗА. СОВР. ПОРТРЕТЪ.

взяли въ короткое время Нарву, Нейгаузъ, Дерптъ и до двадцати другихъ городовъ и страшно разорили страну. Въ Дерптѣ захвачено было русскими 552 пушки и масса добычи, оставленной жителями, бѣжавшими въ Ригу, Ревель и Феллинь. Наконецъ подъ Венденомъ разбито было русскими сильное нѣмецкое ополченіе; часть русскаго войска простояла также три дня подъ Ригю, сожгла множество кораблей въ устьѣ Двины, опустошила ея берега и съ богатой добычей возвратилась въ Москву.

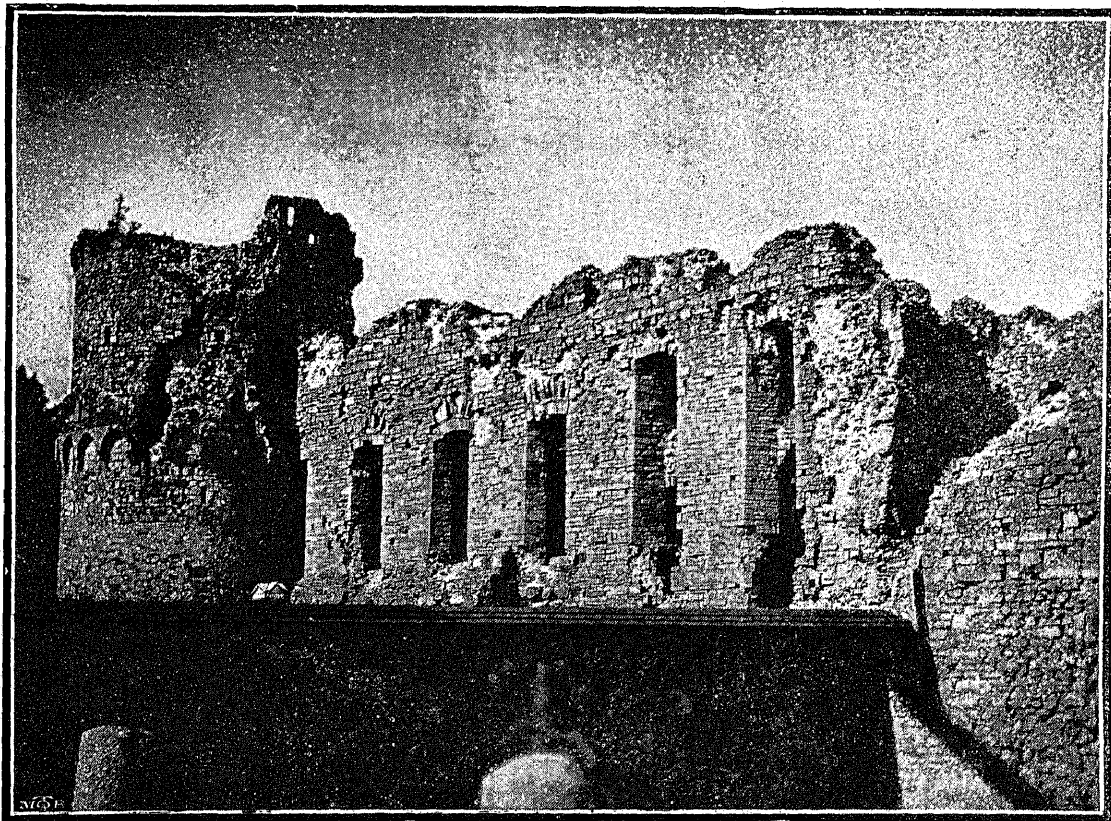
Тогда ливонцы рѣшили перейти въ подданство къ Польшѣ, рассчитывая, что имъ будетъ легче подъ властью магнатскаго государства, чѣмъ въ рукахъ самодержавной Руси; магистръ Кетлеръ завелъ въ этомъ смыслѣ переговоры съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ II Августомъ, и при этомъ совершилось распаденіе земель ордена: Ливонія отошла къ Польшѣ, островъ Эзель къ Дани, Ревель къ Швеціи. Магистръ Кетлеръ удержалъ за собою только Курляндію и Семигалию съ титуломъ герцога въ вассальной зависимости отъ Польши. Польскій же король обязался по договору 1561 года защищать Ливонію отъ Москвы. Такимъ образомъ становилось очевиднымъ, что русскимъ не избѣжать войны съ Польшею.

Четыре сѣверныя державы очутились такимъ образомъ въ самомъ опасномъ сосѣдствѣ между собою, на территоріи, гдѣ каждая стремилась распространить свои владѣнія.

Самымъ опаснымъ соперникомъ Іоанна являлся въ данномъ случаѣ польскій король, Сигизмундъ-Августъ. Грозному очень хотѣлось уладить это дѣло мирнымъ путемъ, и онъ вздумалъ даже ради поддержанія мира жениться на одной изъ сестеръ Сигизмунда-Августа. У царя были при этомъ и другія соображенія: женившись на сестрѣ бездѣтнаго короля, послѣдняго изъ Ягелло-

новъ, Іоаннъ со смертію его могъ бы заявить нѣкоторыя притязанія и на Литву. Но какъ ни старались русскіе послы, дѣло это не сладилося: переговоры прервались и загорѣлась война, такъ какъ Іоаннъ, разумѣется, и не думалъ выпустить изъ рукъ такъ удачно уже завоеванной имъ части Ливоніи.

Война началась, какъ всегда, опустошительными набѣгами. Но въ этомъ второмъ столкновеніи Москвы и Польши счастье скоро отвернулось отъ Іоанна. Московское государство пережило въ это время одну изъ самыхъ тяжелыхъ эпохъ Іоаннова царствованія. Анастасія умерла, по подозрѣнію Іоанна, отравленная боярами, Сильвестръ, который все время оспаривалъ замыслы Іоанна насчетъ Ливоніи и начиналъ сходиться съ боярами, нелюбимыми царемъ, попалъ въ опалу и ссылку, и въ Москвѣ подготавлилась уже понемногу жестокая эпоха опричины, а болѣзнь Іоанна и его подозрительность все болѣе и болѣе развивались. Это была эпоха самыхъ ужасныхъ и звѣрскихъ казней, эпоха полного разгула болѣзненныхъ и страшныхъ ватѣй Іоанна, эпоха гибели и разоренія тысячи боярскихъ родовъ, въ лицѣ лучшихъ ихъ представителей.

РАЗВАЛИНЫ ВЕНДЕНСКАГО ЗАМКА. СЪ ФОТОГРАФИИ.

Это была наконецъ эпоха кровавыхъ походовъ Иоанна на собственные мирные города, Новгородъ и Псковъ.

Однажды явился къ Иоанну какой то бродяга съ доносомъ, что новгородцы собираются передать польскому королю, о чемъ и составили уже даже грамоту, которая хранится въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ за образомъ Божіей Матери. Иоаннъ послалъ въ Новгородъ вмѣстѣ съ доносчикомъ доверенное лицо, и грамота действительно нашлась въ указанномъ мѣстѣ, очевидно положенная туда доносчикомъ, имѣвшимъ свои счеты съ новгородцами и искусно поддѣлавшимъ руку архіепископа и другихъ вліятельныхъ въ Новгородѣ лицъ.

Иоаннъ, терзаемый подозрительностью, искусно разжигаемой доносами и клеветами опричниковъ, повѣрилъ измѣнѣ новгородцевъ, среди которыхъ, онъ это зналъ, еще жили преданія о старыхъ вольностяхъ и которые неодобрительно смотрѣли на безчинства опричины. Грозный еще до доноса выселилъ изъ Новгорода и Пскова нѣсколько сотъ семей; онъ повидимому обрадовался случаю наказать эти города почувствительнѣй и предпринять въ 1569 году цѣлый походъ на сѣверъ, взявъ съ собою не

ТВЕРЬ ВЪ XVII ВѢКѢ. СЪ ГРАВЮРЫ ОЛЕАРИЯ.

и обложилъ его со всѣхъ сторонъ, чтобы ни одинъ человекъ не могъ ускользнуть изъ города; игумены монастырей, священники и знатнѣйшіе новгородцы заключены были подъ стражу, а имущество ихъ и монастырская казна опечатаны. Прибывшій вслѣдъ затѣмъ со всѣмъ своимъ дворомъ и отрядомъ стрельцовъ царь приказалъ тотчасъ же захваченныхъ игуменовъ и монаховъ бить палками до смерти и трупы развозить по монастырямъ для погребенія. На третій день по пріѣздѣ, въ воскресенье, государь отправился въ Кремль, къ св. Софіи къ обѣднѣ. На Волховскомъ мосту встрѣтилъ его по обычаю новгородскій владыка и хотѣлъ освѣтить крестомъ, но Иоаннъ уклонился отъ благословенія и воскликнулъ:

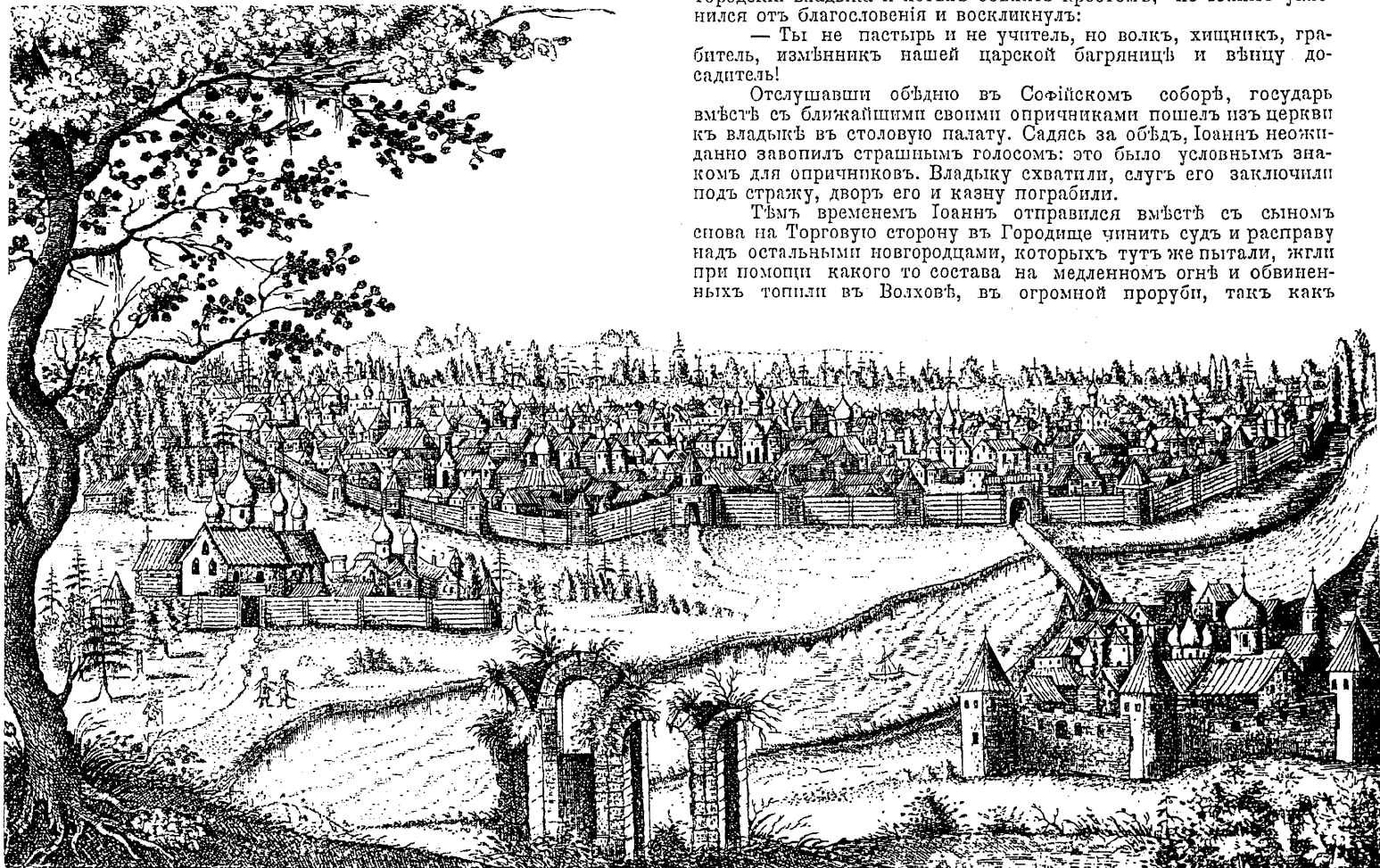
— Ты не пастырь и не учитель, но волкъ, хищникъ, грабитель, измѣнникъ нашей царской багряницѣ и вѣнцу до-садитель!

Отслушавши обѣдно въ Софійскомъ соборѣ, государь вмѣстѣ съ ближайшими своими опричниками пошелъ изъ церкви къ владыкѣ въ столовую палату. Сядя за обѣдъ, Иоаннъ неожиданно завопилъ страшнымъ голосомъ: это было условнымъ знакомъ для опричниковъ. Владыку схватили, слугъ его заключили подъ стражу, дворъ его и казну пограбили.

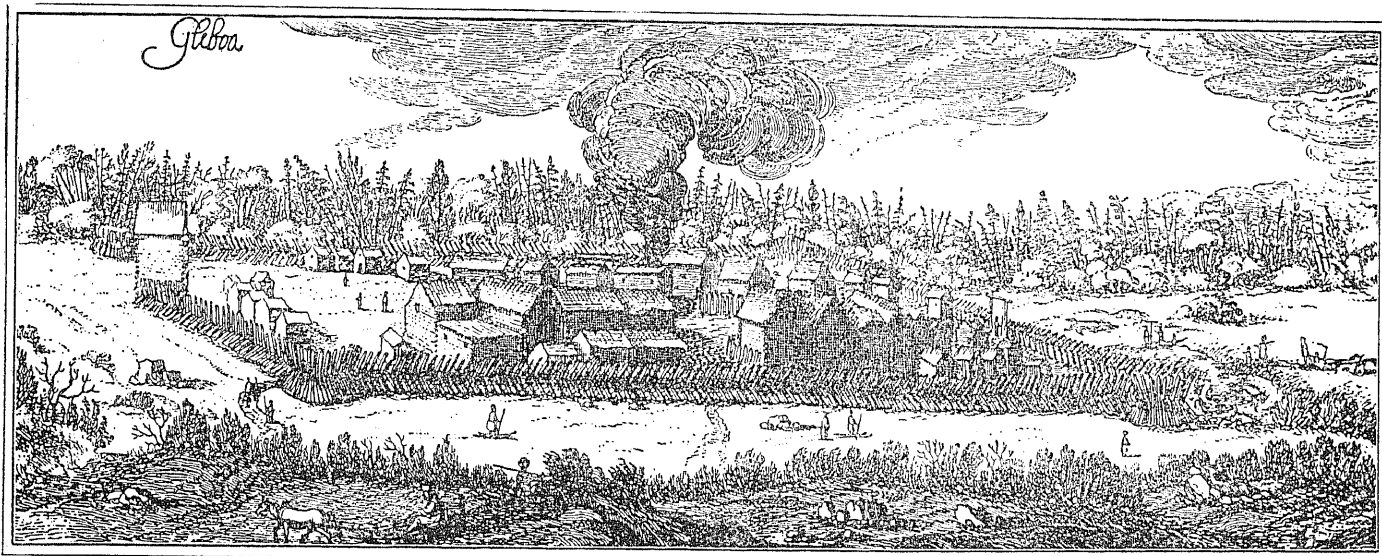
Тѣмъ временемъ Иоаннъ отправился вмѣстѣ съ сыномъ снова на Торговую сторону въ Городище чинить судъ и расправу надъ остальными новгородцами, которыхъ тутъ же пытали, жгли при помощи какого то состава на медленномъ огнѣ и обвиненныхъ топили въ Волховѣ, въ огромной проруби, такъ какъ

только опричниковъ, но и отрядъ войска, словно на настоящую войну. Разгромъ начался со вступленіемъ Иоанна въ границы Тверского княжества, отъ города Клина до Новгорода. Опричники врываются въ города, грабятъ, бьютъ кого попало, невѣдомо за что. Особенно пострадала Тверь и ея населеніе: дома, улицы наполнились трупами, не щадили ни женщинъ, ни дѣтей; тогда же былъ задушенъ Малотой Скуратовымъ митрополитъ Филиппъ, томившійся въ келии тверского Отроча-монастыря.

Наконецъ передовой отрядъ царской дружины занялъ Новгородъ

СТАРЫЙ НОВГОРОДЪ ВЕЛИКІЙ. СЪ ГРАВЮРЫ ОЛЕАРИЯ.

ПОСЕЛОКЪ ПОМЫТЧИКОВЪ НОВГОРОДСКОЙ ПЯТИНЫ. СЪ НЕМЕЦКОЙ ГРАВЮРЫ XVII СТ.

время стояло зимнее. Несчастныхъ бросали въ воду съ высоты Волховскаго моста, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей безъ разбора; младенцевъ привязывали къ ихъ матерямъ. По рѣкѣ ѣздили въ челнокахъ опричники и баграми, рогатинами и топорами добивали тѣхъ, которые всплывали. Эта ужасная расправа продолжалась, «грѣхъ нашихъ ради», какъ говоритъ лѣтописецъ, около полутора мѣсяца. Казнили и замучили около двухъ тысячъ человѣкъ. Не только самый Новгородъ былъ весь опустошенъ и разграбленъ, но и всѣ его окрестности верстъ на двѣсти въ обѣ стороны выглядѣли такъ, какъ будто въ нихъ съ мѣсяць неистовствовали татары.

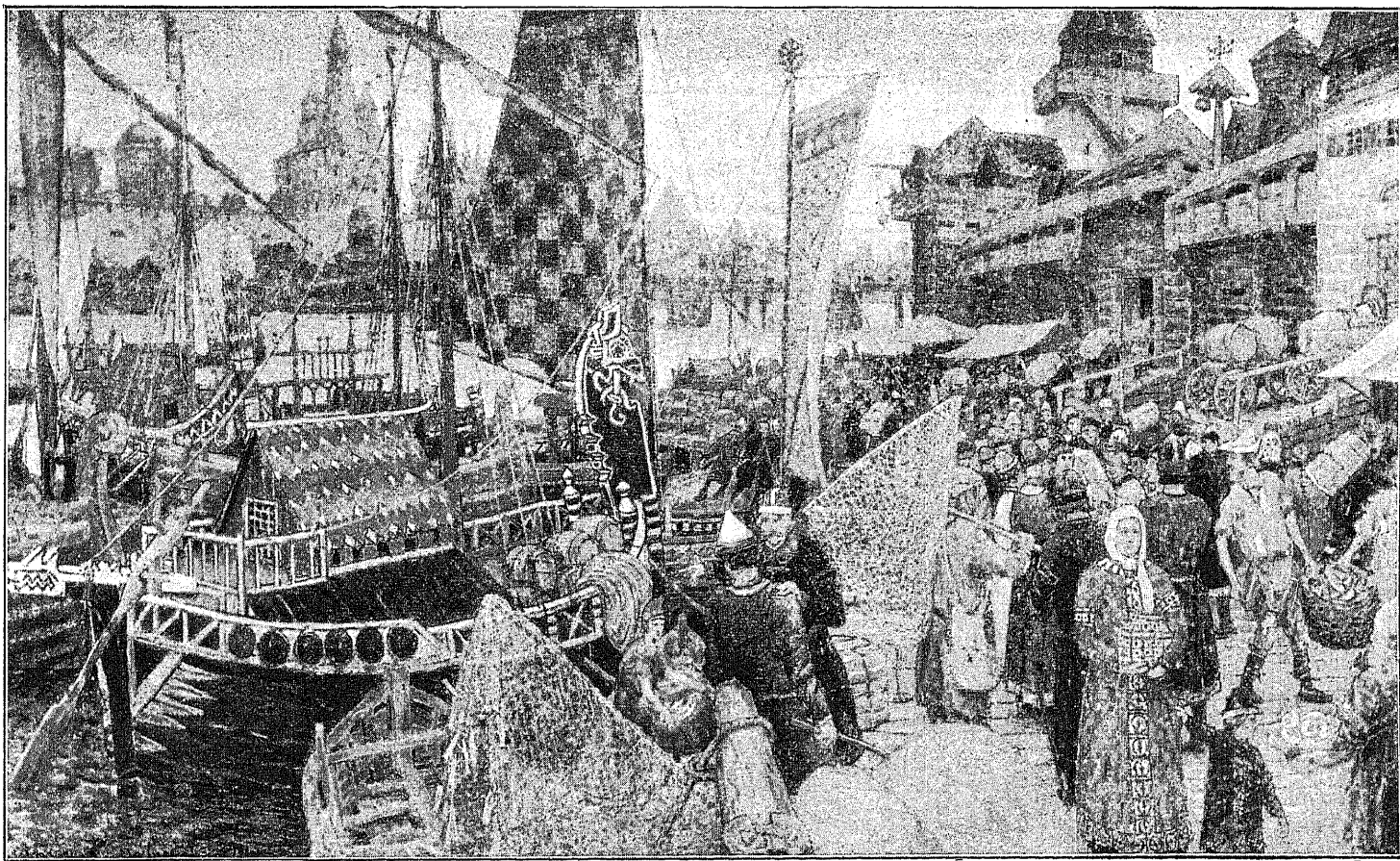
Наконецъ царь приказалъ собрать депутацію изъ уцѣлѣвшихъ новгородцевъ, съ каждой улицы по одному. Блѣдные и испуганные, они явились, ожидая смерти, но царь милостиво сказалъ имъ:

— Молите человѣколюбиваго Бога о нашемъ благочестивомъ державствѣ, о дѣтяхъ нашихъ молитесь, чтобы Господь даровалъ намъ побѣду на всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ. Пусть взпыщетъ вся эта кровь на измѣнникахъ, владыкъ Пимегъ (который былъ лишенъ сана, преданъ поруганію и заточенію) и

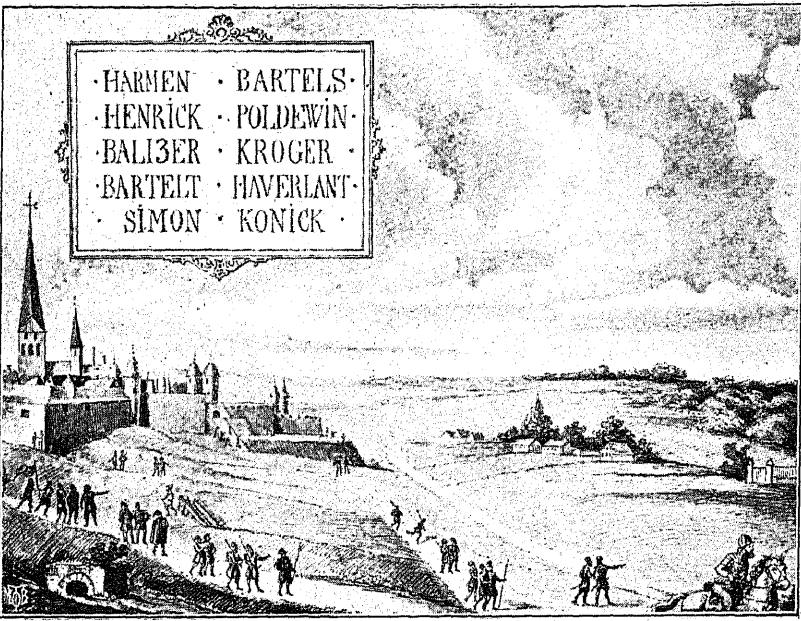
его совѣтникахъ, вы же объ этомъ теперь не скорбите и живите въ Новгородѣ благодарно.

Изъ Новгорода Іоаннъ отправился во Псковъ. Псковичи ужаснулись, ожидая участи новгородцевъ, исповѣдывались и причащались, готовясь къ смерти. Псковскій воевода, князь Юрій Токмаковъ, не зная, какъ смягчить царя, приготовилъ ему особенную, небывалую встрѣчу. Іоаннъ, остановившійся на ночлегъ въ одномъ изъ подгородныхъ монастырей, услышалъ на зарѣ звонъ во всѣхъ псковскихъ церквяхъ: псковичи въ этотъ ранній часъ уже наполнили всѣ церкви, готовясь въ послѣдній разъ передъ смертью помолиться Богу, и это уже тронуло Грознаго. Когда-же онъ вступилъ въ городъ, ему представилась еще болѣе умиленная картина: жители стояли по улицамъ на колѣняхъ, каждый передъ своимъ домомъ, окруженные женами и дѣтьми, съ хлѣбомъ-солью въ рукахъ; завидѣвъ царя, всѣ земно кланялись ему. Это подѣйствовало: Іоаннъ не позволилъ опричникамъ убивать и мучить псковичей, разрѣшилъ только пограбить ихъ.

Царь недолго пробылъ во Псковѣ: юродивый Никола Салосъ былъ тому очевидно причиной: онъ напугалъ суетливаго Іоанна

СТАРЫЙ НОВГОРОДЪ.—КАРИНА А. ВАСНЕЦОВА.

РЕВЕЛЬ ВЪ 1561 ГОДУ. СОВРЕМЕННАЯ ГРАВЮРА.

различными дурными предвѣщаніями и между прочимъ преподнесъ ему кусокъ сырого мяса, прося отвѣдать. Иоаннъ возразилъ, что онъ христіанинъ и не ѣсть мяса въ постъ. — Ты хуже дѣлаешь, — возразилъ юродивый, — ты ѣшь чело-вѣческое мясо!

Но убравшись изъ Пскова, Иоаннъ еще не уныя и приказалъ въ самой Москвѣ отыскивать участниковъ новгородской замѣны, при чемъ погибло не мало знатныхъ бояръ и даже близкихъ царю людей, которыхъ оговорили, показавъ, что они сносились съ Пименомъ, и страшныя пытки, утонченность которыхъ еще не знала себѣ примѣра въ русской жизни, казни и ссылки воспыкнули съ новой силой.

Такимъ образомъ Иоаннъ приступилъ къ продолженію ливонской войны съ омраченнѣвшимъ уже умомъ и духомъ. Такъ какъ переговоры съ Польшей ни къ чему не привели, то ему пришлось столкнуться сразу съ двумя врагами: Сигизмундомъ и шведскимъ королемъ Эрикомъ (наслѣдовавшимъ Густаву Ваэу) изъ-за Ревеля, на который Иоаннъ тоже имѣлъ виды. Хотя Эрикъ предлагалъ Иоанну миръ, уже тогда, когда шведское войско вступало въ Ревель, но переговоры ни къ чему не привели: Эрикъ требовалъ, чтобы изъ прежняго договора Иоанна съ Густавомъ Вазой исключена была важная статья, которой шведы обязывались не помогать ни Литвѣ, ни ордену. Чиновники шведскіе въ переговорахъ съ московскими боярами сказали имъ въ угрозу:

Императоръ, король Сигизмундъ и Фридерикъ датскій убѣждаютъ государя нашего, Эрика, вмѣстѣ съ ними воевать Россію; послы ихъ въ Стокгольмѣ. Эрикъ не далъ имъ рѣшительнаго отвѣта, ибо ждетъ вашего. Бояре не испугались угрозы и не согласились на требованія шведовъ, и послѣ долгихъ пререканій заключено было между обѣими сторонами недолгое и непрочное перемиріе на прежнихъ условіяхъ, хотя и Иоанну пришлось многимъ поступиться при этомъ: такъ новгородскіе чиновники, посланные въ Стокгольмъ съ мирной грамотой, жаловались на грубый приемъ Эрика и всяческія притѣсненія, но Иоанну такъ хотѣлось поскорѣе покончить съ Ливоніей, что онъ заставилъ молчать на время свое столь чуткое обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ самолюбіе. Все оказалось напраснымъ, какъ это выяснилось впоследствии.

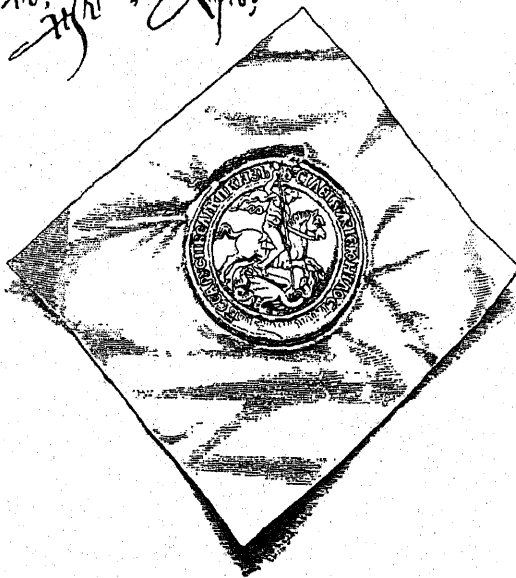
Иоаннъ тѣмъ временемъ готовился къ войнѣ съ Польшей и въ 1563 году двинулся самъ съ огромной ратью и «нарядомъ», т. е. артиллеріей, къ Полоцку и осадилъ его: городъ, стѣны котораго скоро были почти совершенно разбиты, сдался ему черезъ двѣ недѣли. Имѣніе воеводъ, пановъ и купцовъ отобрано было въ царскую казну, массу евреевъ, которыхъ не любилъ царь, потопили въ Двинѣ, но наемные воины короля получили щедрые подарки и имъ объявлено было, что они могутъ по желанію поступить на службу къ царю или вернуться къ себѣ на родину, такъ какъ Иоаннъ очень заботился о томъ, чтобы въ чужихъ краяхъ распространялась о немъ добрая слава.

ТАЙНАЯ ПЕЧАТЬ Г. РЕВЕЛЯ 1559 Г.

Сигизмундъ — Августъ, огорченный этой крупной неудачей, завелъ было переговоры о мирѣ, но такъ какъ Иоаннъ не соглашался на уступку Полоцка и Ливоніи, то переговоры эти не привели ни къ чему. Война продолжалась, и хотя московское войско разбито было на этотъ разъ литовскимъ гетманомъ на рѣкѣ Улѣ, несмотря на проигранную Курбскимъ подъ Невелемъ битву и его измѣну Грозному, поляки не извлекли для себя никакихъ выгодъ изъ этихъ побѣдъ, не могли взять обратно Полоцка, и Сигизмундъ сталъ соглашаться на перемиріе на совершенно уже другихъ условіяхъ, а именно: онъ предоставлялъ Иоанну все города и земли, занятыя московскими войсками.

Иоаннъ колебался, потому что хотя, послѣ значительныхъ поражений, это перемиріе и представлялось съ одной стороны выгоднымъ, съ другой, — ему все-таки приходилось отказываться отъ морскихъ

ПИСЬМО ЦАРЯ ЮАННА ГРОЗНАГО ГОРОДУ РЕВЕЛЮ (ВЪ РЕВЕЛЬСКОМЪ ГОРОДСКОМЪ АРХИВѢ).

Erikus XIV

ЭРИКЪ XIV, КОРОЛЬ ШВЕЦИИ.
Совр. портретъ въ національномъ музеѣ въ Стокгольмѣ.

береговъ, еще не занятыхъ русскими войсками: Рига и другія гавани должны были остаться въ рукахъ Польши, а между тѣмъ изъ-за нихъ-то и велась главнымъ образомъ эта такъ дорого стоившая намъ война. Поставленный въ такое затруднительное положеніе, Иоаннъ надумалъ созвать для совѣщанія по этому дѣлу большой земскій соборъ изъ духовенства, бояръ, дворянъ, помѣ-

ПОРТРЕТЪ КОРОЛЯ СИГИЗМУНДА-АВГУСТА ВЪ ДОМѢ ДВОРЯНСКАГО СОБРАНІЯ ВЪ РИГѢ.

СИГИЗМУНДЪ-АВГУСТЪ, КОРОЛЬ ПОЛЬШИ.
Уменьшенное факсимиле съ гравюры на мѣди 1534 г. Виргилия Солиса (1514—1563).

щиковъ западныхъ, смежныхъ съ Литвою, областей, дьяковъ, знатнѣйшихъ московскихъ купцовъ и т. п. Соборъ вполне подкрѣпилъ рѣшеніе царя продолжать войну и добывать всю Ливонію. И Иоаннъ, заключивъ съ Польшей перемиріе на три года, продолжалъ готовиться къ продолженію войны.

Въ это время въ Польшѣ произошло важное событіе—умеръ король Сигизмундъ-Августъ, послѣдній изъ рода Ягеллоновъ. Такъ какъ польскій престолъ незадолго передъ тѣмъ сдѣланъ былъ на Люблинскомъ сеймѣ избирательнымъ (1569 г.), то поляки и литовцы выразили Иоанну свое желаніе избрать на польскій престолъ его второго сына, царевича Теодора. Пока Иоаннъ колебался и медлилъ, желая самъ быть польско-литовскимъ королемъ, умный и ловкій посолъ другого претендента, брата французскаго короля, не дремалъ и, не жалѣя ни денегъ, ни обѣщаній, добился на сеймѣ избранія Генриха Анжуйскаго. Когда-же Генрихъ, при первомъ извѣстіи о смерти своего брата, Карла II, поспѣшно уѣхалъ изъ Польши, чтобы захватить болѣе блестящій тронъ Франціи, поляки, уже не заводя переговоровъ съ Иоанномъ, избрали въ король искуснаго, извѣстнаго своей храбростью, трансильванскаго воеводу Стефана Баторія.

Между тѣмъ перемиріе кончилось, и Иоаннъ немедленно началъ войну въ Прибалтійскомъ краѣ; одновременно завязалась и война со Швеціей. Еще въ 1570 году Иоаннъ, при видѣ многочи-

ЗОЛОТОЙ ДУКАТЪ КОРОЛЯ СИГИЗМУНДА-АВГУСТА, ОТЧЕКА-
НЕННЫЙ ДЛЯ ЛИТВЫ ВЪ 1562 г.
(Въ берлинскомъ музеѣ).

ГЕЙНРИХЪ III, КОРОЛЬ ПОЛЬШИ.
Совр. портретъ въ Луврѣ.

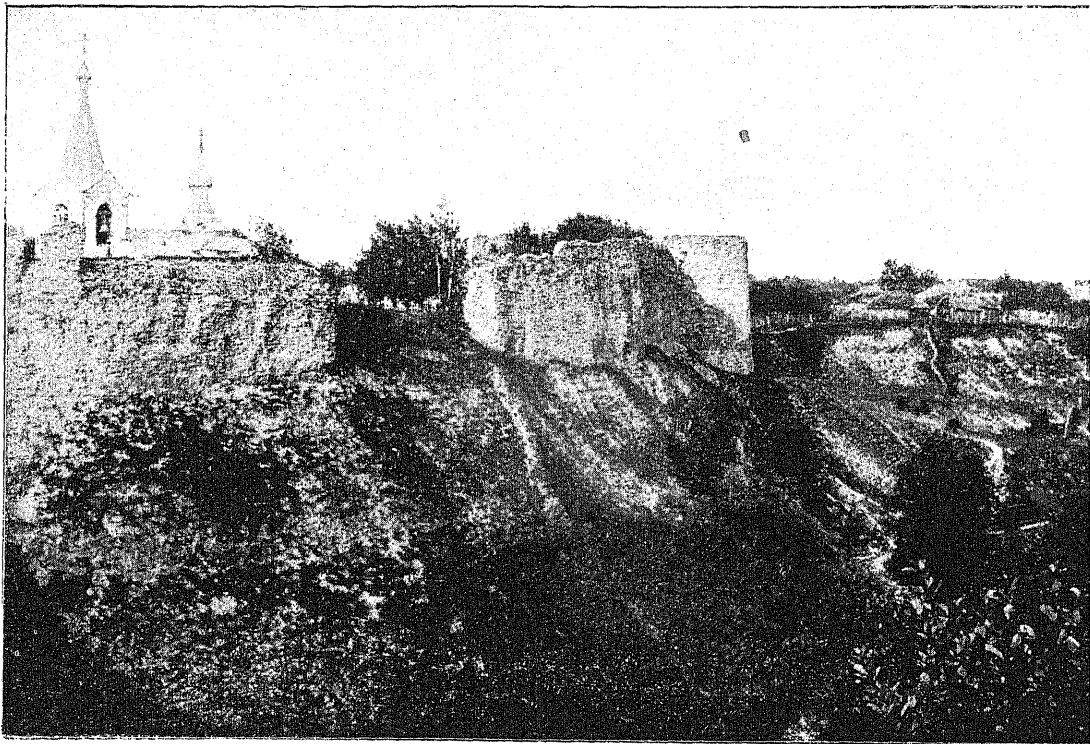

ФРИДРИХЪ II, КОРОЛЬ ДАНИИ.
Совр. гравюра И. М. Прейслера.

сленныхъ препятствій, которыя мѣшали ему пробиться къ берегамъ Балтійскаго моря, предложилъ, по совѣту приближенныхъ иностранцевъ, датскому принцу Магнусу, владѣтелю острова Эзеля, Ливонію съ титуломъ короля, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ въ зависимости отъ Москвы, и чтобы московской торговлѣ и сношеніямъ никакой помѣхи въ ливонскихъ гаваняхъ не дѣлалось. Магнусъ согласился, прибылъ въ Москву и былъ объявленъ женихомъ царской племянницы, дочери казеннаго Владимира Андреевича. Теперь Магнусъ вмѣстѣ съ русскими выступилъ противъ шведовъ, но несмотря на всѣ усилія имъ не удалось овладѣть Ревелемъ. За то походы самого царя, предпринятые лѣтомъ 1577 года, были очень удачны: Иоаннъ и его воеводы брали городъ за городомъ. Вступивъ въ г. Вальмаръ, изъ котораго Курбскій напи-

салъ когда-то письмо Иоанну, царь отправилъ въ отместку язвительное письмо своему бывшему воеводѣ.

Но едва Иоаннъ уѣхалъ изъ Ливоніи, какъ войска его снова стали терпѣть пораженія, опять были жестоко разбиты подъ Венденомъ, а король Магнусъ, уже женатый на царской племянницѣ, передался полякамъ. Баторій не прочь былъ помириться, но Иоаннъ относился къ нему свысока, даже не хотѣлъ по обычаю называть его въ грамотахъ «братомъ», а звалъ «сосѣдомъ», потому что Стефанъ сталъ королемъ не по происхожденію своему и не по волѣ Божіей, а по «многомятежному человѣческому хотѣнію», Ливонію называлъ попрежнему своей вотчиной и не шелъ ни на какія уступки. Тогда Баторій съ новой энергіей принялся за войну.

КРѢПОСТЬ КОПОРЬЕ. СЪ ФОТОГРАФИИ.

У него была испытанная, закаленная в боях гвхота, венгерская и нѣмецкая, хорошо вооруженная, много хороших пушекъ, и самъ онъ былъ храбрымъ и искуснымъ предводителемъ; онъ надѣлся на полный успѣхъ и, вступая на престолъ, обѣщаль вернуть Литвѣ отнятыя у нея Москвою земли.

Такъ какъ московскія войска сосредоточены были въ Ливоніи, Баторій круто измѣнилъ ходъ войны и неожиданно осадилъ Полоцкъ лѣтомъ въ 1579 году; несмотря на упорство, съ которымъ Полоцкъ защищался болѣе трехъ недѣль, при чемъ въ защитѣ его принимали участіе всѣ жители, тушившіе пожары, которые вспыхивали повсюду отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, спускавшіеся на веревкахъ и подъ ядрами достававшіе воду изъ Двины, — городъ былъ въ концѣ концовъ взятъ Баторіемъ. Послѣ жестокой рѣзни польскій король занялъ также крѣпость Соколь, а въ 1580 году, особенно несчастномъ для русскихъ, отнялъ у насъ и еще цѣлый рядъ городовъ: Велижъ, Усвятъ, Великія Луки и др.

Въ то же время шведскій полководецъ Делагарди побѣдилъ русскихъ въ Эстоніи, отнимая у нихъ городъ за городомъ — такъ пали Нарва, Ямъ, Копорье.

Іоаннъ начиналъ падать духомъ и сдѣлался много миролюбивѣе: посламы, которыхъ отправили къ шведскому королю, приказано было вести себя какъ можно смиреннѣе, короля швейскаго не задирать и невѣжливыхъ словъ ему не говорить, а если король не встанетъ, не отвѣтитъ на поклонъ царя и не спроситъ о его здоровьѣ, оставить все это безъ вниманія... Стефану предложена была отъ имени царя Ливонія, за исключеніемъ четырехъ городовъ, но польскій король не удовлетворялся этимъ. Онъ не только требовалъ всей Ливоніи, но и солидной контрибуціи въ 400 тысячъ венгерскихъ золотыхъ, а также уступки Себежа.

Іоаннъ, раздосадованный все возрастающими притязаніями короля, написалъ ему укорительное письмо: «Мы ищемъ того, какъ-бы кровь христіанскую унять, а ты ищешь того, какъ-бы только

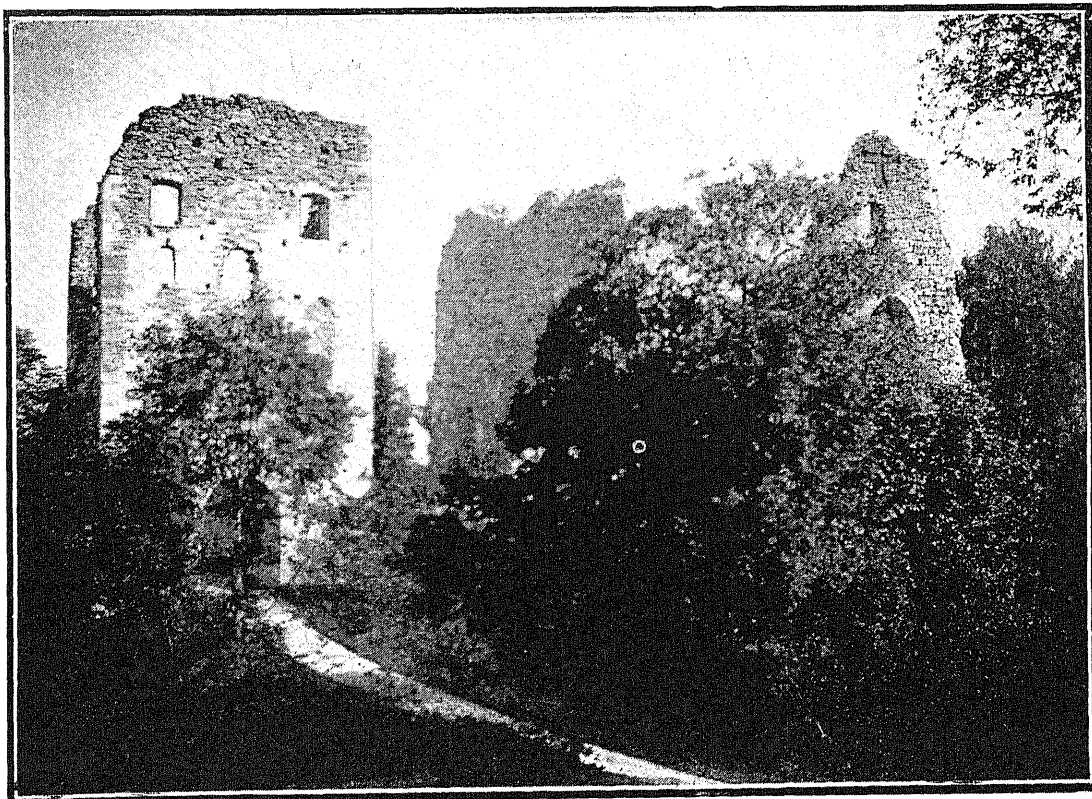

видъ г. Полоцка.

воевать». Принимая литовскаго гонца, Іоаннъ на этотъ разъ не всталъ съ мѣста, не спросилъ о здоровьѣ короля и вообще не могъ и не пожелалъ скрыть своего гнѣва. Въ отвѣтъ на эту грамоту Баторій въ третій разъ возобновилъ войну и отвѣтилъ Іоанну дерзкимъ посланіемъ, въ которомъ называлъ его московскимъ фараономъ, волкомъ и т. п. именами. «Хвалишься ты своимъ наслѣдственнымъ государствомъ, — писалъ ему Стефанъ, — не завидую тебѣ, ибо думаю, что лучше достоинствомъ приобрести корону, нежели родиться отъ Глинской, дочери Сигизмундова предателя. Упрекаешь меня терзаніемъ мертвыхъ — я не терзалъ ихъ; а ты мучишь живыхъ — что хуже? Осуждаешь мое вѣроломство мнимое, ты, сочинитель подложныхъ договоровъ, измѣняемыхъ въ смыслѣ обманомъ и тайнымъ прибавленіемъ словъ, угодныхъ единственно твоему боярскому властолюбію! Называешь

измѣнниками воеводъ своихъ, честныхъ плѣнниковъ, коихъ мы должны были отпустить къ тебѣ, ибо они вѣрны отечеству. Беремъ земли доблестно воинскою и не имѣемъ нужды въ услугѣ твоихъ мнимыхъ предателей. Гдѣ же ты, богъ земли русской, какъ велишь именовать себя рабамъ несчастнымъ? Еще не видали мы лица твоего, ни крестоносной хоругви, которой ты хвалишься, ужасая своими крестами не враговъ, а только бѣдныхъ россіянъ. Жалѣешь ты кровь христіанскую? Назначь время и мѣсто, явись на конѣ и единъ сразись со мною единымъ, да праваго увѣнчаешь Богъ побѣдою!» (Карамзинъ, т. IX).

Не соглашаясь оставить за Россіей ни клочка земли въ Ливоніи, Стефанъ Баторій не счелъ нужнымъ разговаривать еще о чемъ-либо съ русскими послами, выгнавъ ихъ изъ своего ратнаго стана и въ видѣ насмѣшки прислалъ къ Іоанну изданныя въ Германіи на латинскомъ языкѣ книги о россійскихъ князьяхъ и собственномъ его царствованіи, въ доказательство, какъ онъ выражался, той простой истины, что древніе государи московскіе происходили вовсе не изъ рода Августа, а представляли данни-

развалины замка Зегевольдъ. съ фотогр. демчинскаго.

царь Іоаннъ Грозный.

Stephanus Bathory
 СТЕФАНЪ БАТОРИЙ, КОРОЛЬ ПОЛЬСКИЙ.
 Совр. портретъ въ германскомъ музеѣ въ Нюрнбергѣ.

СТЕФАНЪ БАТОРИЙ.
 Факсимиле съ гравюры Юста Амманъ 1576 г.

ковъ перекопскихъ хановъ; Баторій совѣтовалъ кромѣ того Юанну прочесть повнимательнѣй пятидесятый псаломъ Давидовъ и христіански узнать самого себя. Когда гонецъ литовскій подалъ Юанну эту вызывающую грамоту, царь выслушалъ ее, подавилъ всѣ волновавшія его чувства и тихо отвѣтилъ: «Мы приготовимъ посланіе брату нашему, королю Стефану» и, вставъ съ мѣста, вѣжливо добавилъ: «Кланійся отъ насъ своему государю». Такъ перемѣни-

лись роли! Юаннъ, испуганный новымъ наступленіемъ Баторія, очевидно, несмотря ни на что, рассчитывалъ какъ-нибудь примириться съ поляками; онъ уже посылалъ тонца съ предложеніемъ союза въ Вѣну и Римъ. Императоръ Рудольфъ, слабый и безпечный, отвѣтилъ, что онъ не можетъ ничего предпринять безъ вѣдома имперскихъ князей, но папа, какъ извѣстно, взглянулъ на дѣло иначе.

Von dem Künigreich Poland
 das in Sarmacia auch begriffen wird sampt
 andern ländern diesem Künigreich zugehörig.

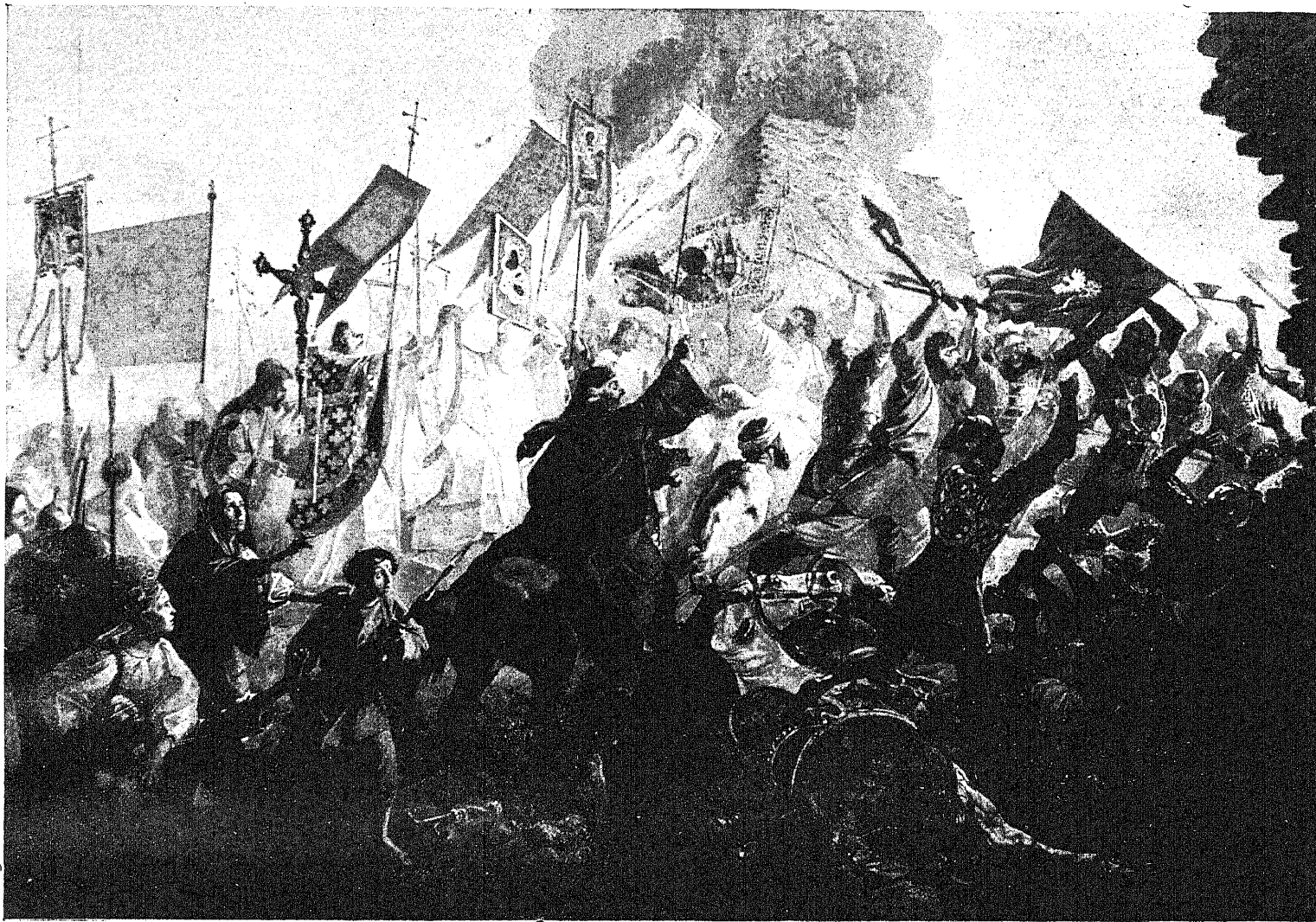

ФАКСИМИЛЕ КАРТЫ ПОЛЬШИ ИЗЪ «КОСМОГРАФИИ» СЕВАСТІАНА МЮНСТЕРА 1550 Г.

Тѣмъ временемъ Баторій съ сильнымъ войскомъ взялъ крѣпость Островъ и подвинулся ко Пскову, слывшему самой сильной русской крѣпостью: стѣны его недавно были возобновлены, на нихъ поставлено было не мало пушекъ, и такъ какъ нападеніе Баторія уже не представлялось русскимъ неожиданностью, Юаннъ ввелъ заранѣе въ городъ сильное войско и ввѣрилъ его защиту надежнымъ и искуснымъ воеводамъ: двумъ боярамъ князьямъ Шуйскимъ, изъ которыхъ особенной опытностью и доблестью отличался Иванъ Петровичъ, Огину-Плещесу, князю Андрею Хворостинину и другимъ. Юаннъ далъ имъ письменный наказъ и въ храмѣ Успенія передъ Владимірской иконой Богоматери взялъ съ нихъ торжественную присягу, что они не сдадутъ города Баторію до самой смерти. Воеводы такой-же клятвой обязали и дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, жителей Пскова, старыхъ и молодыхъ. 40,000 воиновъ находилось въ Новгородѣ подъ начальствомъ Юрія Голицына; на всякій случай русскія рати стояли въ Волокѣ и на Окѣ, чтобы предотвратить въ случаѣ надобности нашествіе хана.

СЕРЕБРЯНЫЙ ТАЛЕРЬ КОРОЛЯ СТЕФАНА БАТОРИЯ 1585 Г.
 Въ Берлинскомъ музеѣ.

ОСАДА ПСКОВА ПОЛЬСКИМЪ КРОЛЕМЪ СТЕФАНОМЪ БАТОРИЕМЪ ВЪ 1581 Г.—КАРИНА К. П. БРЮЛЛОВА ВЪ РУССКОМЪ МУЗЕЕ ИМП. АЛЕКСАНДРА III.

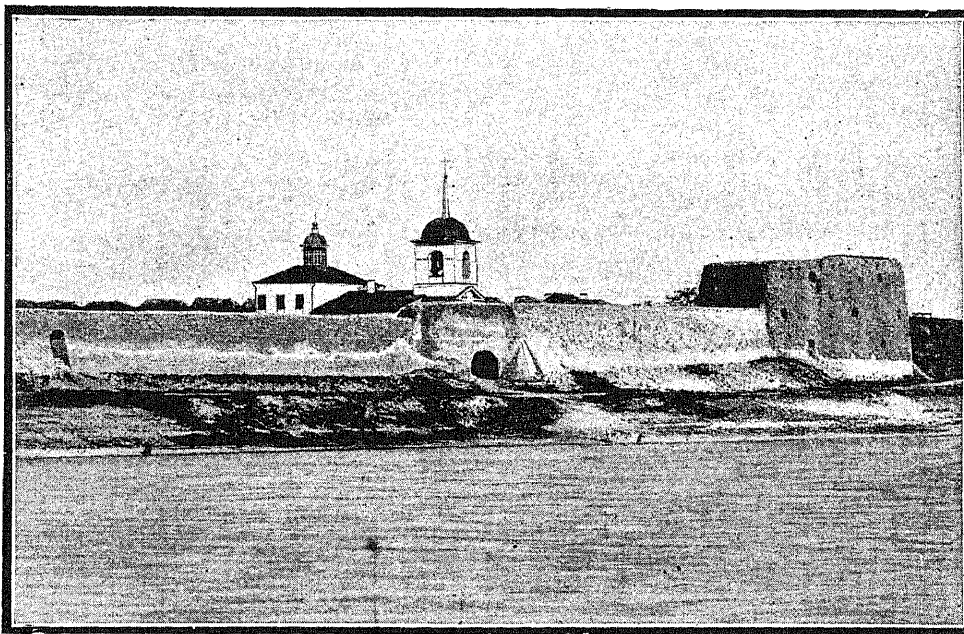
Сохранилась интересная повесть о псковской осаде, в живых чертах изображающая то страшное напряжение, с каким боролись за этот город осаждающие и осажденные.

Баторий тотчас же по прибытии велел укрепляться под стенами города, рыть борозды (траншеи), ставить туры для прикрытия людей и пушек; мѣткій огонь русскихъ пушекъ выхватилъ къ удивленію Баторія немало людей изъ его разношерстныхъ, состоявшихъ изъ поляковъ, литвы, венгровъ, нѣмцевъ, австрійцевъ, пруссаковъ, датчанъ и шотландцевъ, полковъ, числомъ до ста тысячъ, конныхъ и пѣшихъ, прекрасно вооруженныхъ, стройныхъ и красивыхъ; но и это многочисленное и опытное войско сразу увидѣло всѣ трудности, которыя ему предстояло выдержать при взятіи Пскова. Еще въ Вильнѣ одинъ изъ русскихъ, передававшихся полякамъ, Богданъ Бѣльскій, совѣтовалъ Бато-

рию не ходить ни къ Новгороду, ни къ Пскову, городамъ, окруженнымъ болотами и рѣками, обнесеннымъ каменными стѣнами и вѣрнымъ охранѣ мужественнаго населенія и опытныхъ воеводъ, а осадить гораздо менѣе неприступный Смоленскъ. Баторий не послушался этого благоразумнаго совѣта, не пошелъ и на Новгородъ, который казался его воеводамъ болѣе слабо охраняемымъ. Онъ словно нарочно стремился навстрѣчу опасности и трудностямъ.

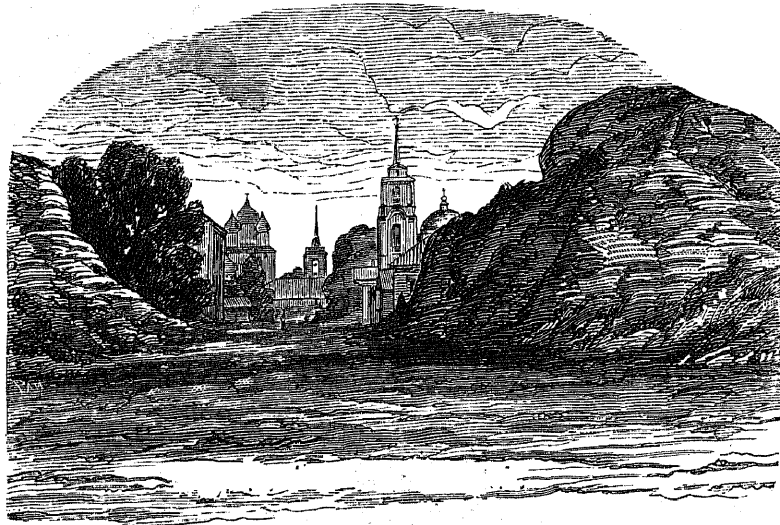
Пока Баторий укреплялся на рѣкѣ Великой, псковичи, не теряя времени, принялись въ свою очередь за постройку внутреннихъ укреплений, утвердили деревянную стѣну съ раскатами, защита которой поручена была князю Андрею Хворостинину.

Седьмого сентября на разсвѣтѣ неприятель открылъ сильную пальбу, грома городскую стѣну изъ двадцати пяти большихъ орудій и стараясь сдѣ-

ЧАСТЬ ПСКОВСКИХЪ УКРЕПЛЕНІЙ СЪ БАТОРИЕВОЮ ВАШНЕЙ.

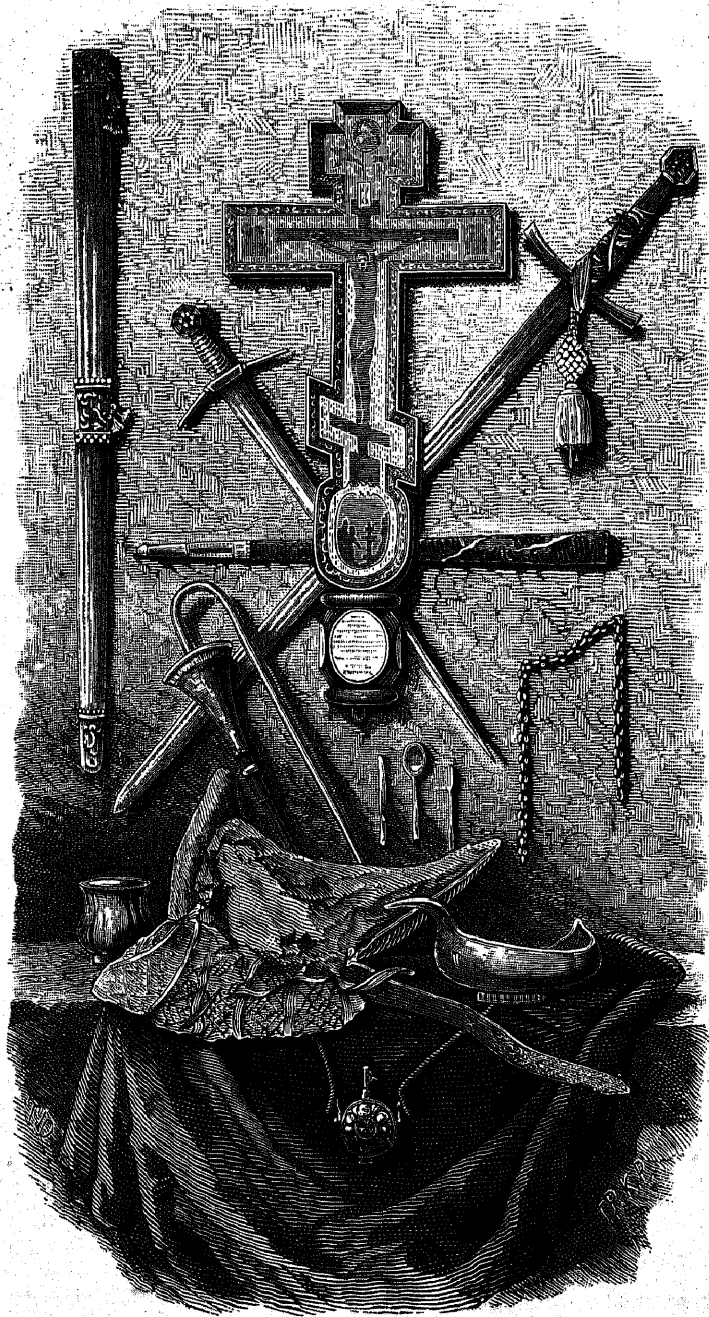
лать въ ней проломы для приступа. На слѣдующій день ему дѣйствительно удалось сбить стѣну въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Путь въ городъ былъ повидимому открытъ, и воеводы Баторія, сидѣвшіе въ это время за обѣдомъ, хвалились, что ужинать будутъ уже во Псковѣ. Распустивъ знамена, подъ звуки трубъ поляки, венгры и нѣмцы храбро пошли на приступъ. Въ городѣ загремѣлъ въ свою очередь осадный колоколъ и на защиту его высыпали не только всѣ воины, но и всѣ жители, могущіе держать оружіе въ рукахъ: всѣ устремились въ самое опасное мѣсто, пробой между развалинами каменной стѣны и новой деревянной, еще недостроенной. Но несмотря на ужасный огонь, открытый по неприятелю, онъ упорно шелъ впередъ, по трупамъ своихъ достигъ крѣпости, сломилъ отчаянное сопротивление и ворвался. Уже на двухъ башняхъ, Покровской и Свиной, развѣвались королевскія знамена. Русскіе изнемогали и все болѣе и болѣе подавались подъ напоромъ враговъ. Шуйскій, обливаясь кровью, сощель со своего раненаго коня и удерживалъ отступающихъ. Въ то же время духовенство вынесло изъ храма образъ

СТѢННОЙ ПРОЛОМЪ СТЕФАНА БАТОРІА ВО ПСКОВѢ.

воду, убирала раненыхъ, веревками тащили легкія пушки, брошенные неприятелемъ у стѣны. Уже поздней ночью вернулись побѣдители въ городъ, захвативъ огромное число плѣнныхъ. Тотчасъ-же послали гонца въ Москву съ радостною вѣстью; ему удалось счастливо проскользнуть мимо литовскаго стана. Юаннъ былъ очень обрадованъ мужественной обороной Пскова, приказалъ отпустить изъ казны большую сумму денегъ въ пользу раненыхъ защитниковъ и семей убитыхъ. Раненыхъ было 1,623 человекъ, убитыхъ 863. Неприятелей легло около пяти тысячъ, болѣе восьмидесяти знатныхъ сановниковъ и въ числѣ ихъ венгерскій полководецъ Бекези, очень цѣнимый и любимый Баторіемъ, который тотчасъ-же послѣ отбитаго штурма принялся готовиться къ новому и написалъ русскимъ воеводамъ письмо такого содержанія:

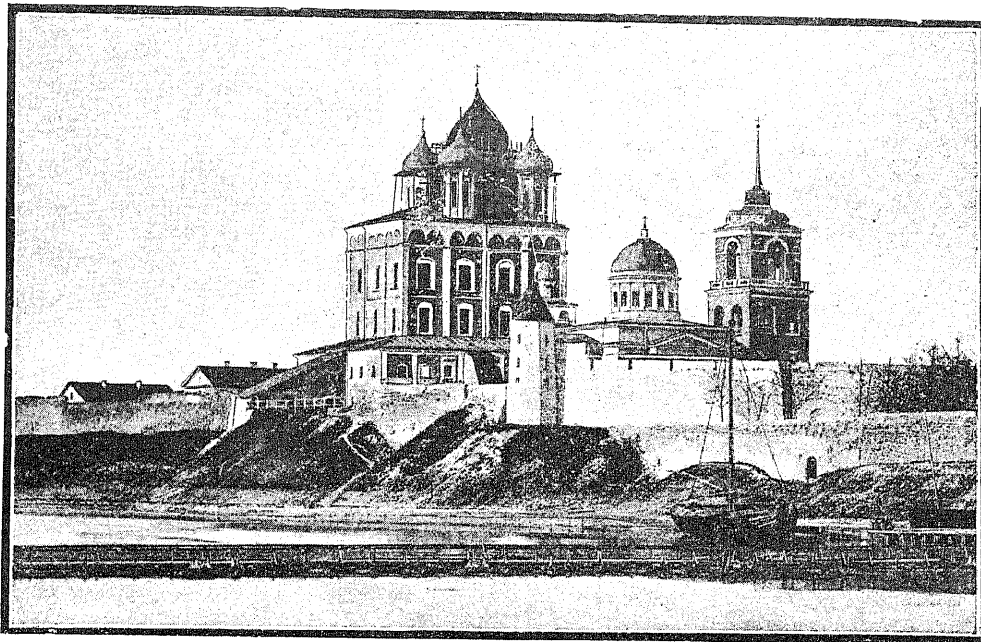
«Дальнѣйшее кровопролитіе для васъ бесполезно... Вы

ПСКОВСКІЯ ДРЕВНОСТИ ВРЕМЕНЪ ЮАННА ГРОЗНАГО.

ПОЛЬСКОЕ ОРУЖІЕ НАЧАЛА XVI В.
(Въ Имп. Эрмитажѣ).

ТРОИЦКІЙ СОБОРЪ ВО ПСКОВѢ.

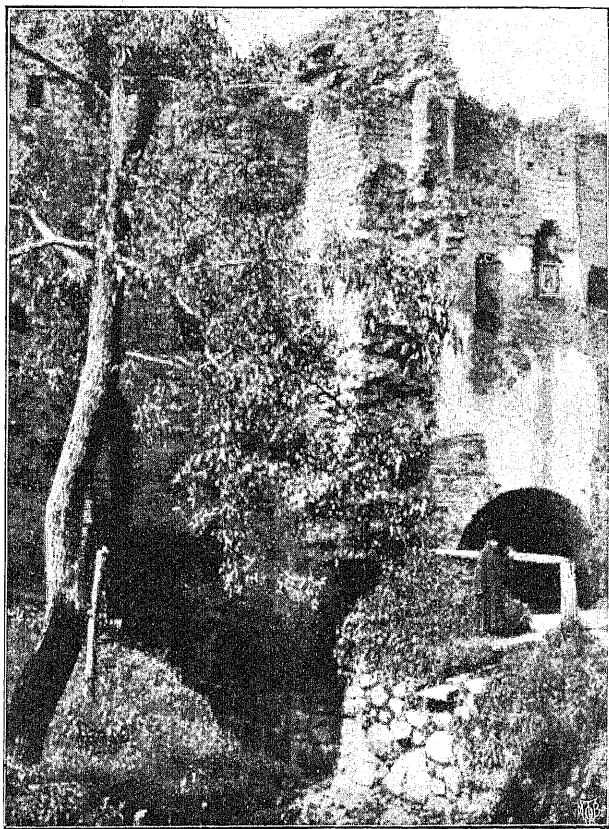
знаете, сколько городовъ завоевано мною въ два года! Сдайтесь мирно: вамъ будетъ оказана всякая честь и милость, какой вы никогда не заслужите отъ московскаго тирана: я дамъ народу различныя льготы, неизвѣстныя еще въ Россіи, со всѣми выгодами свободной торговли, благодаря которой процвѣтала нѣкогда ваша страна. Я сохранию за вами всѣ ваши права и обычаи, неприкосновенность вашей вѣры. Соглашайтесь—иначе васъ ждетъ гибель, которую раздѣлитъ съ вами народъ». Такъ какъ осажденные не хотѣли имѣть никакихъ сношеній съ неприятелемъ, то письмо короля съ этимъ увѣщаніемъ было пущено во Псковъ со стрѣлою.

Такимъ-же способомъ псковскіе воеводы прислали королю свой отвѣтъ: «Не измѣнимъ своему крестному цѣлованію за богатства цѣлаго міра. Если Господь Богъ за насъ—никто не осн-

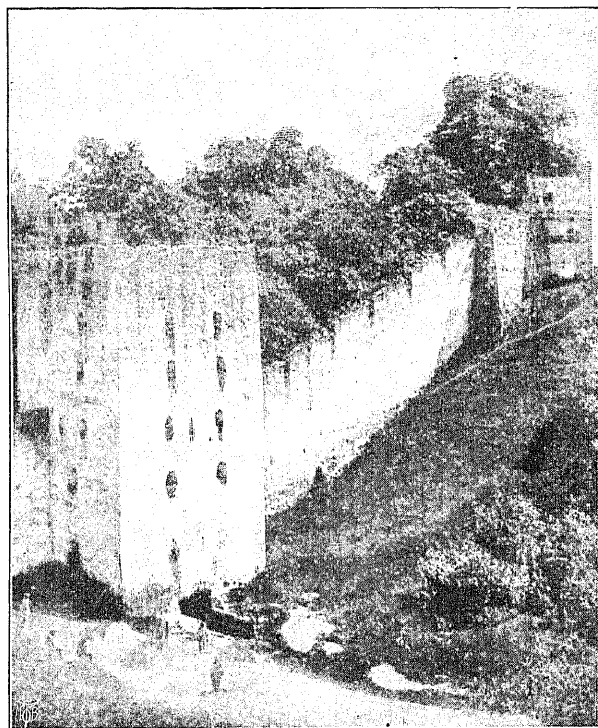
литъ насъ! Мы готовы умереть, но не предадимъ Пскова. Готовься на брань, а чья будетъ побѣда—зависитъ отъ Бога».

Баторій всячески пытался взять Псковъ: велѣлъ дѣлать подкопы, день и ночь стрѣлять въ крѣпость, пускать каленныя ядра, чтобы произвести пожаръ. Псковичи упорно защищались, спѣшили застроить деревянную стѣну, защитили ею проломъ, рядомъ съ которымъ вырыли глубокой ровъ и въ теченіе пяти или шести недѣль храбро отражали всѣ нападенія. Бодрость осажденных все возрастала, осаждающіе слабѣли духомъ, теряли силы, терпя холодъ и голодъ, такъ какъ осень стояла очень суровая. Баторій велѣлъ тогда рыть землянки—подкопы, но Шуйскому удалось перенять ихъ; осажденные стали вести противъ нихъ свои мины и рѣзались съ неприятелемъ подъ землею.

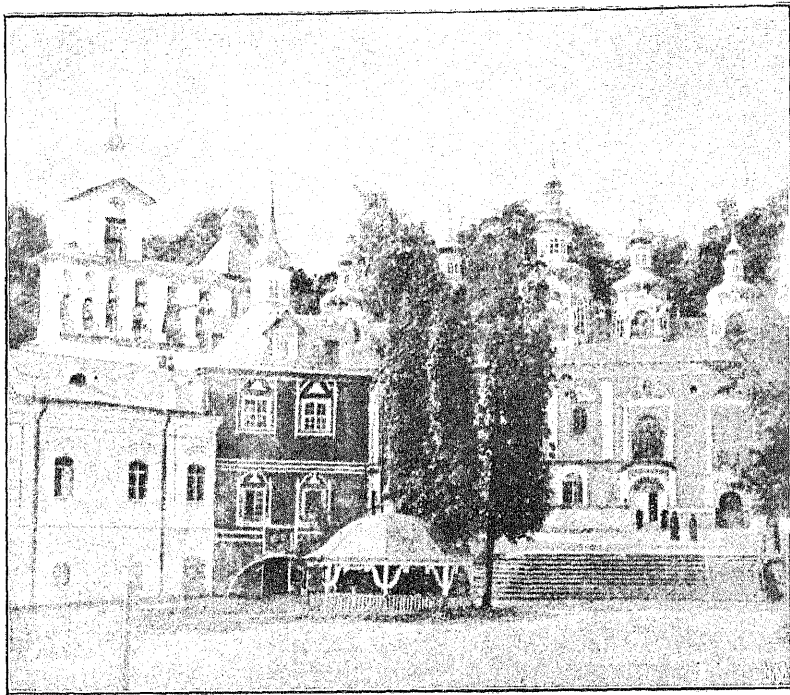
Не приводили къ желанной цѣли и новые самые отчаян-

НИЖНЯЯ ВОРОТА ПСКОВО-ПЕЧЕРСКАГО МОНАСТЫРЯ.

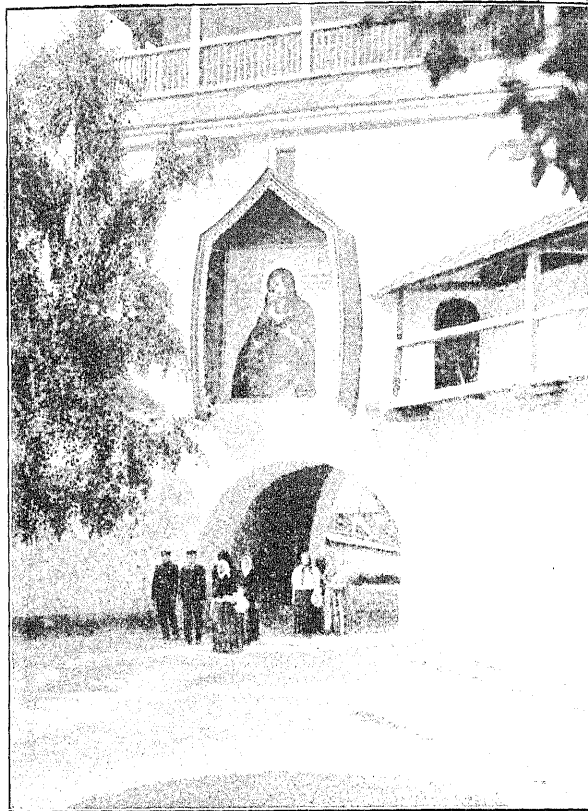
ПСКОВО-ПЕЧЕРСКІЙ, МОНАСТЫРЬ. ИЗВОРСКІЯ ВОРОТА.

УСПЕНСКИЙ СОВОРЪ ВЪ ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

ные приступы. Когда поляки подходили къ стѣнѣ, прикрываясь отъ пуль большими щитами, и старались ломами пробить каменную стѣну—русскіе лили на нихъ горящую смолу, длинными щестами съ крючьями на концахъ отгаскивали ихъ отъ стѣны. Тогда Баторій приказалъ оставить укрѣпленія, вывезти пушки, снять туры и, смѣнивъ продолжительной осадой штурмы и приступы, взять Псковъ изморомъ.

Но войско Баторія совершенно упало духомъ и отчаялось

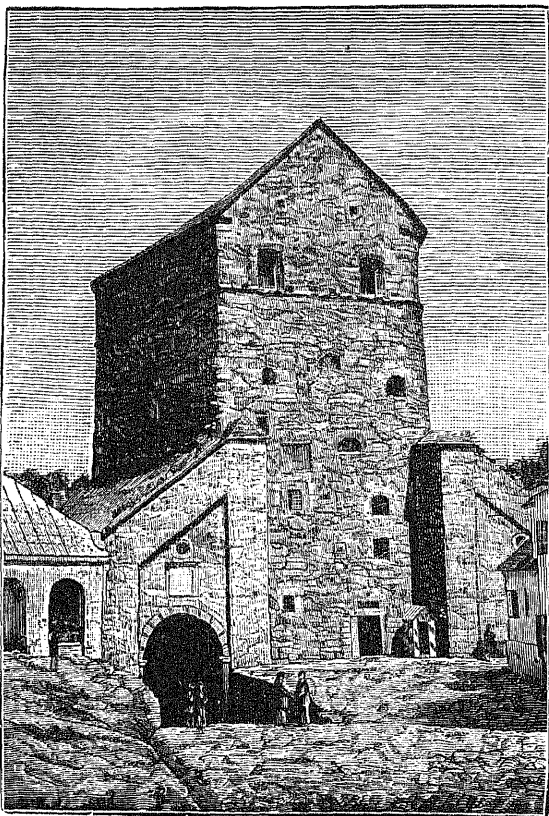

СВЯТЫЯ ПЕТРОВСКІЯ ВОРОТА ВЪ ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

взять городъ, ему не удалось взять даже подгороднаго Печерскаго монастыря.

Съ другой стороны, хотя доблестная оборона Пскова и ободрила нѣсколько Іоанна—онъ продолжалъ стремиться къ миру, такъ какъ шведы отнимали у него городъ за городомъ и воевать сразу съ двумя врагами русскимъ было не подъ силу.

Папа, принявъ въ Римѣ русское посольство, съ радостью огласился быть посредникомъ между шведами и Іоанномъ: онъ не терялъ надежды прибрать къ рукамъ русскую церковь. Мирные переговоры начались при посредствѣ папскаго легата (посла) Антонія Поссевина у Запольскаго Яма. Русскіе послы такъ упорно

ВОРОТА БАТОРІЯ ВЪ КАМЕНЕЦЪ-ПОДОЛЬСКѢ.

ГОРОДЪ СТАРИЦА (ТВЕРСКОЙ ГУВ.).

отстаивали выгоды своего государя, что Поссевинъ нѣсколько разъ приходилъ въ отчаяніе и начиналъ уже жестоко браниться. Наконецъ съ большимъ трудомъ заключено было въ 1582 году перемиріе на 10 лѣтъ. Іоаннъ уступилъ Баторію все свои завоеванія въ Ливоніи и Полоцкѣ. Такъ печально кончились замыслы Грознаго пробиться къ морю.

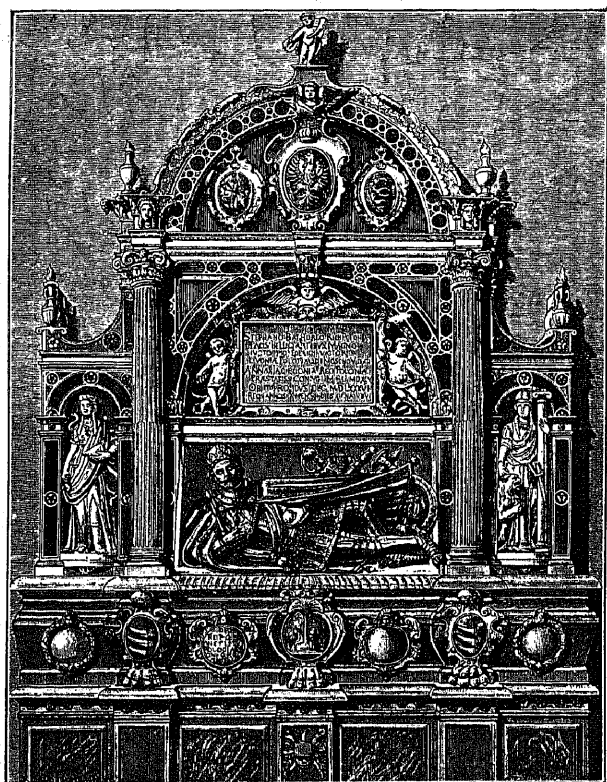
ИЗОБРАЖЕНІЯ СТЕФАНА БАТОРИА НА ТРЕХЪ ПОЛЬСКИХЪ МЕДАЛЯХЪ.

ИЗОБРАЖЕНІЯ СТЕФАНА БАТОРИА НА СОВРЕМЕННЫХЪ ПОЛЬСКИХЪ МЕДАЛЯХЪ.

ПОРТРЕТЪ СТЕФАНА БАТОРИА.
Съ современной гравюры.

МАВЗОЛЕЙ СТЕФАНА БАТОРИА ВЪ ДВОРЦОВОЙ ЦЕРКВИ
ВЪ КРАКОВЪ.

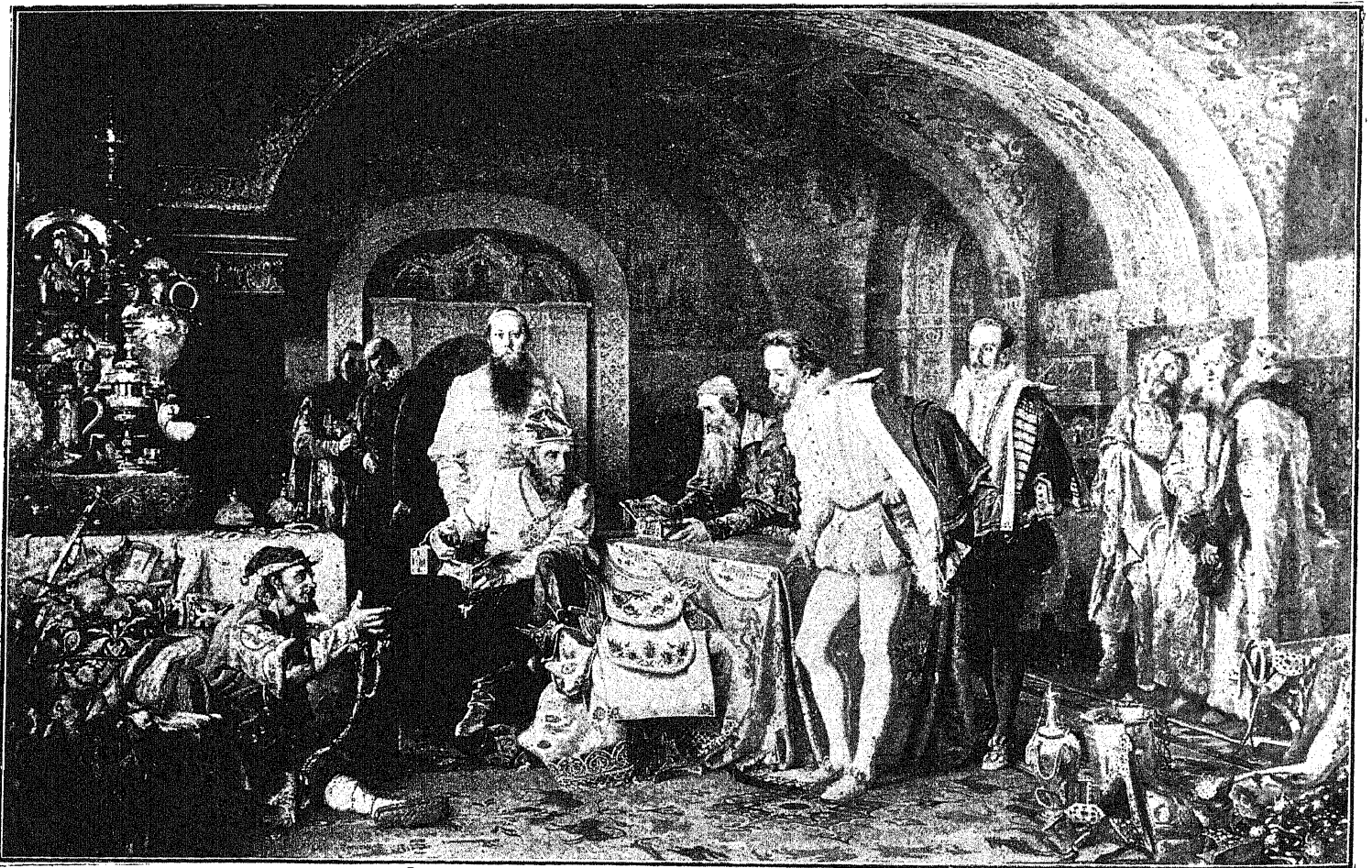

ИМПЕРАТОРЪ МАКСИМИЛИАНЪ I ПРИНИМАЕТЪ ПОСОЛСТВО МОСКОВСКАГО
ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ.
Уменьш. факсимиле современной гравюры на деревѣ Ганса Бургмаера изъ Вейсхунга.

АНГЛІЙСКАЯ КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА.
Соврем. печать.

Несмотря на все помѣхи и происки сосѣдей-враговъ, которые тревожились за быстрое усиленіе могущества Россіи, если-бы ей удалось завязать прочныя сношенія съ западомъ и позаимствовать у него и просвѣщеніе, и необходимыя свѣдѣнія въ ратномъ дѣлѣ и другихъ ремеслахъ—сношенія эти все-таки постепенно завязывались: русскіе нуждались въ европейскихъ мастерахъ и многихъ иноземныхъ товарахъ, но и западно-европейскіе промышленники нуждались въ новыхъ рынкахъ для сбыта своихъ произведеній, отыскивали новые пути для торговли. Въ эпоху царствованія на Руси Грознаго, въ Англии составила компанія купцовъ, снарядившихъ три корабля съ тѣмъ, чтобы отыскать болѣе удобные и короткіе пути въ богатую Индію и Китай, черезъ сѣверныя страны Европы—попытаться по Сѣверному океану проплыть въ Тихій. Два корабля были

ЮАННЪ ГРОЗНЫЙ ПОКАЗЫВАЕТЪ СВОИ СОКРОВИЩА АНГЛІЙСКОМУ ПОСЛУ ГОРСЕЮ. — КАРТИНА А. Д. ЛИТОВЧЕНКО ВЪ РУССКОМЪ МУЗЕѢ ИМП. АЛЕКСАНДРА III.

затерты льдами у Мурманскаго берега: вся ихъ команда, съ начальникомъ предпріятія во главѣ—Вологби, замерзла, но третій корабль зашелъ въ Бѣлое море, присталъ 24-го августа 1553 г. въ устьяхъ Сѣверной Двины близъ Холмогоръ. Капитанъ корабля Ченслеръ завелъ сношенія съ холмогорскимъ воеводой, а тотъ списался съ Москвою. Иоаннъ немедленно распорядился, чтобы англичанъ привезли въ Москву, гдѣ они были очень милостиво приняты царемъ, обѣдали у него въ Золотой палатѣ и немало дивились роскоши его двора. Иоаннъ далъ Ченслеру грамоту къ английскому королю, съ приглашеніемъ начать переговоры о торговлѣ. Приемъ Иоанномъ Ченслера положилъ начало развившимся впоследствии правильнымъ дружественнымъ сношеніямъ Руси съ англичанами.

посолъ князь захарій ивановичъ сугорскій и сопровождающе его вояре.

Сношенія Англии съ Москвою особенно оживились въ царствованіе Елизаветы Английской, которая три раза отправляла въ Москву своего посла съ богатыми дарами и такъ сумѣла поладить съ Иоанномъ, что онъ предоставлялъ английскимъ купцамъ все большія и большія льготы въ торговлѣ въ ущербъ давно роптавшимъ на это купцамъ ганзейскимъ. Въ концѣ-концовъ Иоаннъ, уже больной и мучимый ненормальной подозрительностью, даже обратился въ секретномъ посланіи къ Елизаветѣ съ просьбой дать ему убѣжище въ Англии, если онъ будетъ изгнанъ своими врагами изъ Московскаго государства.

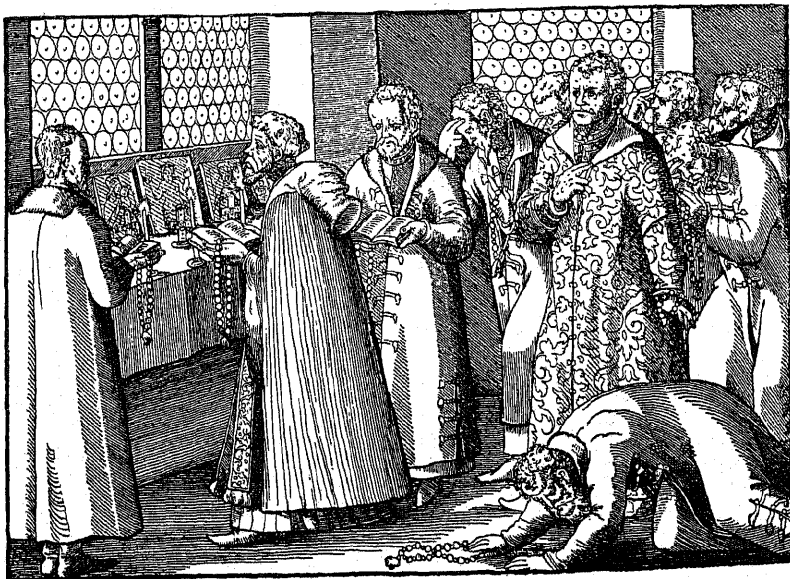

изображеніе части торжественнаго шествія русскаго посольства (кн. захарія ивановича сугорскаго) въ г. регенсбургъ къ римскому императору максимиліану II въ 1576 г. съ подарками пушного товара отъ царя іоанна IV. Совр. гравюра на деревѣ. (Оригиналъ въ Висбаденскомъ музеѣ).

Почти одновременно завязались сношенія Москвы и съ Германією. Императоръ Максимилианъ, желая посадить на польскій престолъ своего сына, просилъ Грознаго помочь ему въ этомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовалъ у царя за Ливонію. Иоаннъ, принимая германскихъ пословъ во всемъ своемъ величій, поразилъ ихъ роскошью, блескомъ и богатствомъ.

Въ отвѣтъ на посольство императора, Иоаннъ въ свою очередь отправилъ въ Германію пышное посольство, во главѣ котораго поставленъ былъ князь Сугорскій; русскіе послы, вручившіе императору грамоту и богатые подарки отъ Иоанна, тоже поразили нѣмцевъ своеобразной пестротой своихъ богатыхъ одеждъ, пышностью и важностью своихъ манеръ и пріемовъ, а также своей безграничной преданностью и рабскою покорностью царя іоаннъ грозный.

Contrafactur der Ceremonien: So die Moscovitter bey irem Gottesdienst gebrauchten, Wie auff dem jetzigen Reichstag zu Regensburg gesehen worden, Im Jar 1576.

БОГОСЛУЖЕНІЕ ПОСЛОВЪ.

стью своему государю, необычной для феодальной Европы.

Изъ обмена посольствъ и должихъ переговоровъ ни Москва, ни императоръ не извлекли, однако, никакой пользы: польскій престолъ, какъ извѣстно, не достался ни германскому принцу, ни русскому царевичу — избранъ былъ въ польскіе короли воевода Стефанъ Баторій. Сохранилось любопытное описаніе этого посольства русскихъ въ Германію, составленное современниками, съ приложеніемъ нѣсколькихъ картинъ, точно передающихъ внѣшній видъ посольства, что весьма важно для истории русскаго быта.

Это посольство въ Германію тоже не было послѣднимъ. Иоаннъ дѣятельно поддерживалъ сношенія и съ новымъ германскимъ императоромъ, Рудольфомъ, смѣнившимъ Максимилиана: онъ послалъ въ Вѣну дворянина Ждана Квашнина, надѣясь склонить нѣмцевъ къ войнѣ съ общимъ недругомъ, чтобы изгнать Стефана, раздѣлить Польшу и Литву, наконецъ вмѣстѣ со всей Европою ополчиться на султана—мысль, которую папы давно уже внушали императорамъ. При вѣнскомъ дворѣ жилъ тогда знаменитый бѣглець, сирадскій воевода, Альбрехтъ Ласко, который имѣлъ тайныя сношенія съ Иоанномъ; это былъ заклятый врагъ Баторія. Квашнинъ имѣлъ порученіе вывѣдать у него различныя важныя для русскихъ свѣдѣнія о полити-

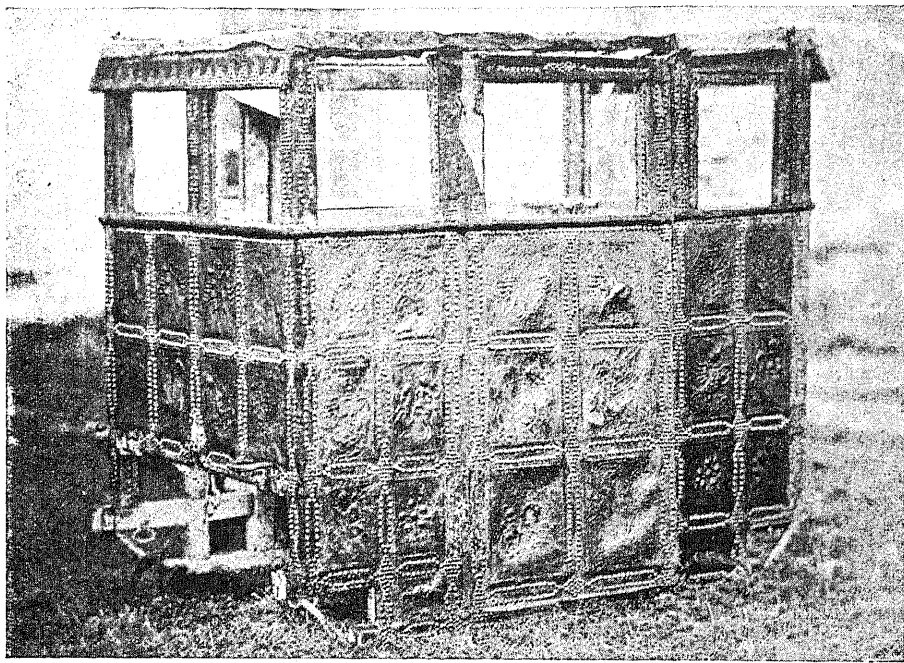
ческихъ государственныхъ дѣлахъ запада и побудить его повліять на императора въ желательномъ для Руси смыслѣ. Но слабохарактерный Рудольфъ, хотя и ненавидѣлъ Баторія и опасался султана, побоялся въ то же время и воспользоваться союзомъ Грознаго, чтобы взять Польшу и спасти Венгрію. Когда въ Вѣну посланъ былъ новый гонецъ Швергинъ въ тяжелую для Иоанна пору Ливонской войны—съ просьбой къ императору принять на себя посредничество въ переговорахъ Руси съ Баторіемъ—Рудольфъ уклонился, какъ извѣстно, и отъ этого подъ весьма ничтожнымъ и неловкимъ предлогомъ, и только папа, жаждавшій принять подъ свое покровительство русскую церковь, откликнулся на призывъ Иоанна. Въ Германіи же вяло шли на встрѣчу желанію Иоанна завязать съ нею дипломатическія сношенія.

Завоеваніе огромной новой области на востокъ вознаградило хотя нѣсколько Иоанна за его неудачи въ Ливонской войнѣ.

Московское государство было еще очень слабо заселено на сѣверо-востокѣ, поэтому московскіе государи не только охотно раздавали пустыя земли во владѣніе тѣмъ людямъ, которые брались заселить ихъ и завести разные промыслы, но еще давали имъ разныя льготы. Такъ въ 1558 году царь подарилъ богатому промышленнику Григорію Строгонову большія незаселенныя земли по рѣкѣ Камѣ до Чусовой на протяженіи ста сорока четырехъ верстъ. Братья Строгоновы, Григорій и Яковъ, по примѣру отца, жившаго большія деньги солянымъ промысломъ въ Сольвычегодскѣ, задумали завести соляныя варницы и во вновь пожалованномъ имъ краю, а также завести тамъ хлѣбопашество и торговлю. Строгоновы получили право творить судъ надъ поселенцами, которые, являясь въ ихъ владѣнія, извѣщались на двадцать лѣтъ отъ всякихъ податей и повинностей, строить укрѣпленія и держать вооруженные отряды для обороны отъ нападеній сосѣднихъ народцевъ: остяковъ, черемисовъ, ногайскихъ татаръ и другихъ, а также, приглашая къ себѣ на службу охочихъ людей-казаковъ, ходить войной на враждебныя, окружавшія ихъ, царства.

Главнѣйшимъ изъ этихъ царствъ было царство Сибирское, находившееся за Уральскими горами на берегахъ рѣкѣ Тобола, Иртыша и Туры и получившее свое названіе отъ главнаго города Искера, или Сибири, стоявшаго на рѣкѣ Тоболѣ. Сибирскіе ханы находились нѣкоторое время подъ покровительствомъ московскаго царя и даже платили ему дань—ясакъ, но съ воцареніемъ хана Кучума стали тотчасъ-же во враждебныя отношенія къ Москвѣ: Кучумъ побилъ и пограбилъ остяковъ, платившихъ дань московскому государю, а сибирскій царевичъ Махметкулъ ходилъ съ войскомъ на рѣку Чусовую, пробираясь къ городкамъ Строгоновыхъ, при чемъ по пути побилъ много московскихъ подданныхъ, забралъ въ плѣнъ ихъ женъ и дѣтей.

Тогда Строгоновы, уже дѣти Григорія и Якова, обратились къ Иоанну съ просьбой позволить имъ укрѣпиться за Ураломъ, держать тамъ «огненный нарядъ»—артиллерию и на свой счетъ набрать добровольцевъ для борьбы съ врагами. Царь позволилъ, и на службу къ Строгоновымъ явилось нѣсколько казачьихъ вольныхъ шаекъ, самой значительной изъ которыхъ былъ отрядъ Ермака.

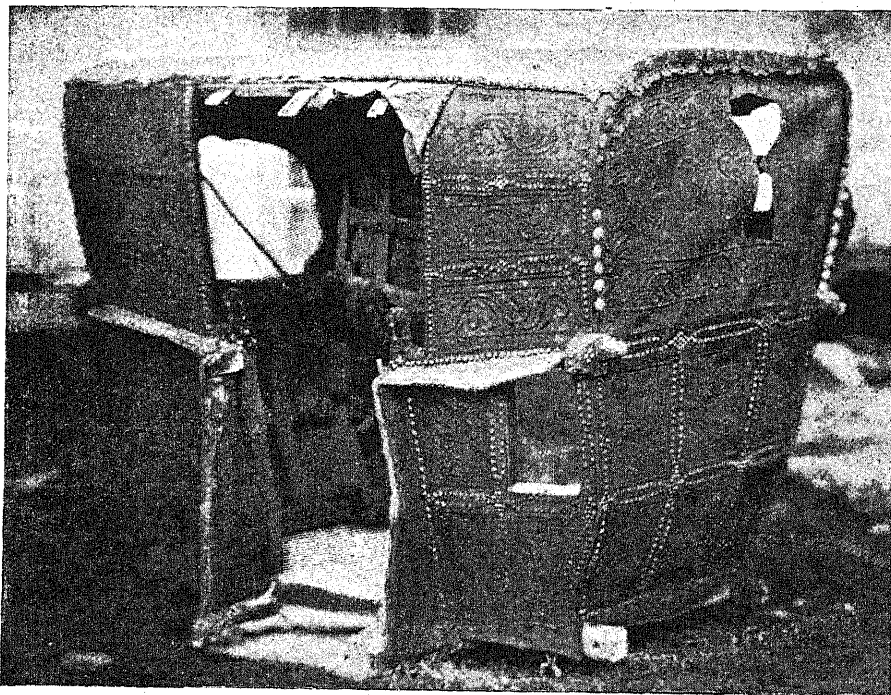

ВОЗОКЪ СТРОГОНОВЫХЪ, ХРАНЯЩІЙСЯ ВЪ Г. СОЛВЫЧЕГОДСКѢ, ВЪ СОВОРННОМЪ ПОДВАЛѢ.

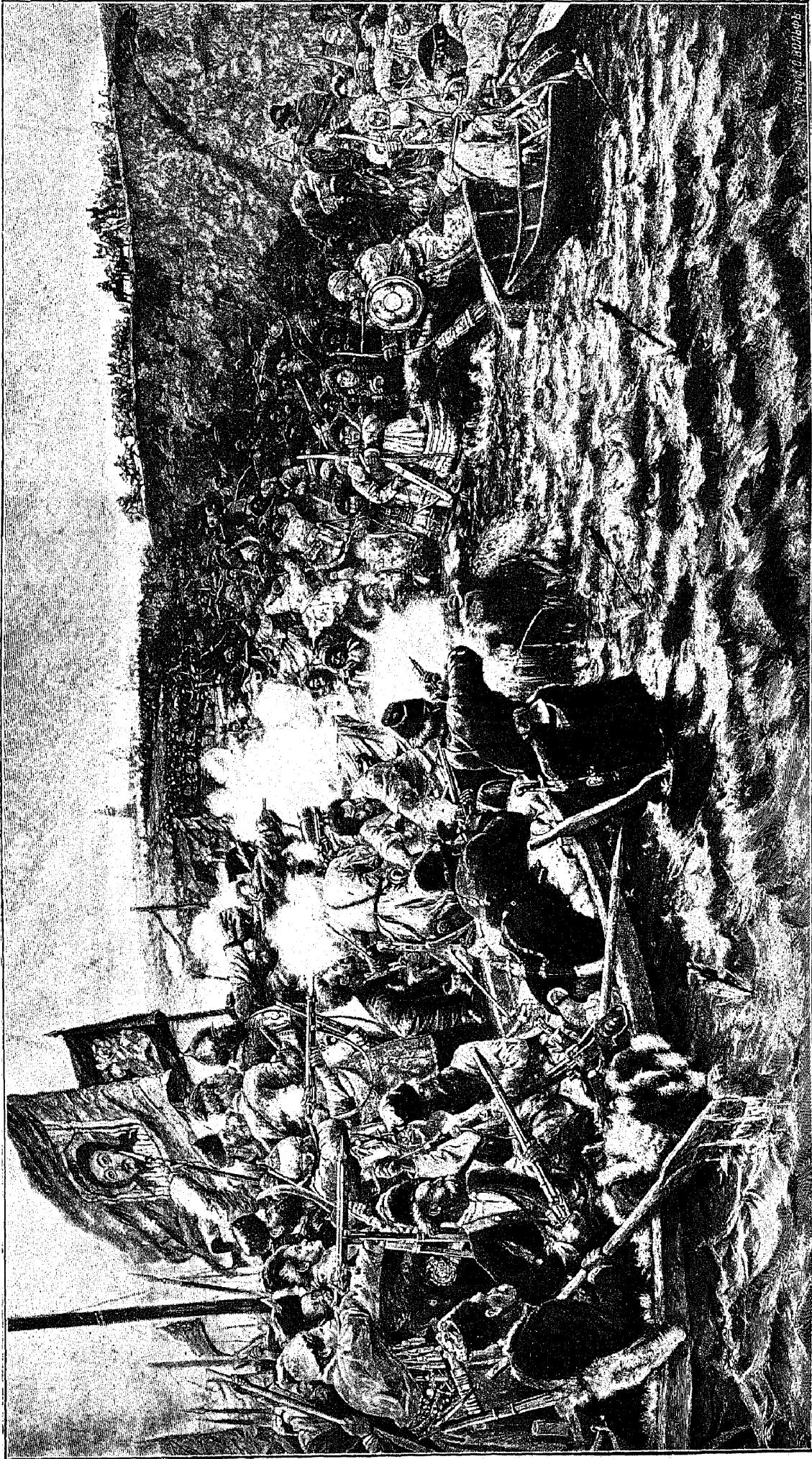
цо, за свои разбои осужденный на смерть, Никита Панъ и Василий Мещерякъ. Ермакъ, или, какъ было его настоящее имя, Василий Тимофеевъ, привелъ съ собою на службу Строгоновымъ около пятисотъ человекъ, да Строгоновы дали ему еще людей, снабдили его съѣзными припасами, ружьями и даже небольшими пушками.

Такимъ образомъ въ числѣ около восьмисотъ пятидесяти казаки отправились воевать Кучумово царство; на стругахъ и челнахъ, гдѣ по рѣкамъ, гдѣ волокомъ, казаки бодро подвигались впередъ; первый городокъ, который они встрѣтили, было владѣніе князька Епанчи на рѣкѣ Турѣ; казаки принялись обстрѣливать его; татары, впервые увидѣвшіе огнестрѣльное оружіе, въ ужасѣ разбѣжались. Захваченныхъ въ плѣнъ казаки настраждали выстрѣлами, показали имъ, какъ пули пробиваютъ ихъ доспѣхи, и добыли отъ нихъ свѣдѣнія о Кучумѣ и его силахъ. Нѣкоторыхъ Ермакъ нарочно отпустилъ на свободу, чтобы они всюду разносили страхъ своими разказами о чудесномъ оружіи русскихъ.

Однако Кучумъ, какъ ни былъ напуганъ разказами бѣглецовъ и всякими зловѣщими предсказаніями, рѣшилъ упорно сопротивляться казакамъ. Собралъ все свое войско, онъ расположился станомъ на берегу Иртыша, близъ устья Тобола, неподалеку отъ нынѣшняго города Тобольска, устроилъ здѣсь на горѣ на всякій случай новую засѣку, а царевича Махметкула отрядилъ съ дружиной на встрѣчу казакамъ; но Махметъ, встрѣтившись съ Ермакомъ, проигралъ сраженіе. При впадении Тобола въ Иртышъ татары снова достигли казачьихъ и осыпали ихъ стрѣлами. Казаки отбили и это нападеніе, но у нихъ было уже нѣсколько убитыхъ и почти всѣ были переранены стрѣлами. Татары разглядѣли, что ка-

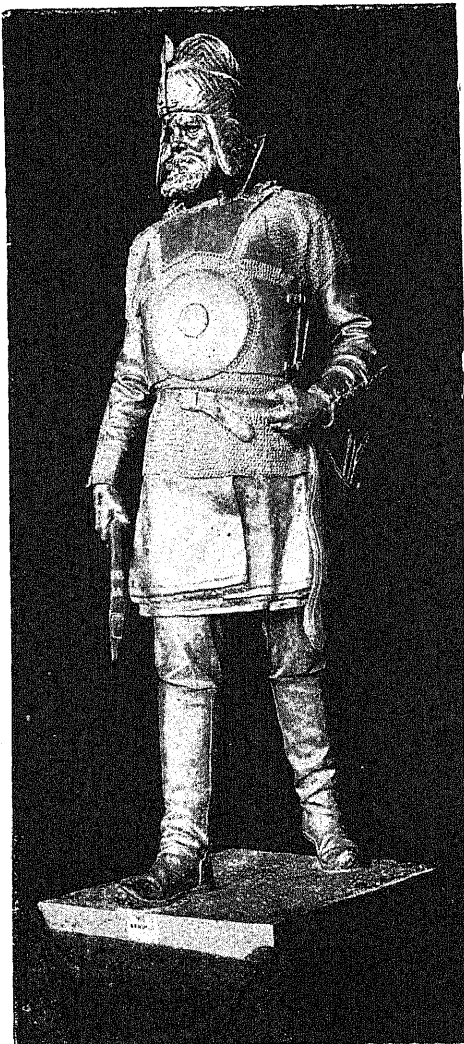
КАРЕТА СТРОГОНОВЫХЪ, ХРАНЯЩАЯСЯ ВЪ СОЛВЫЧЕГОДСКѢ, ВЪ СОВОРННОМЪ ПОДВАЛѢ.

Картина В. И. Сурикова въ Русскомъ музее Императора Александра III.

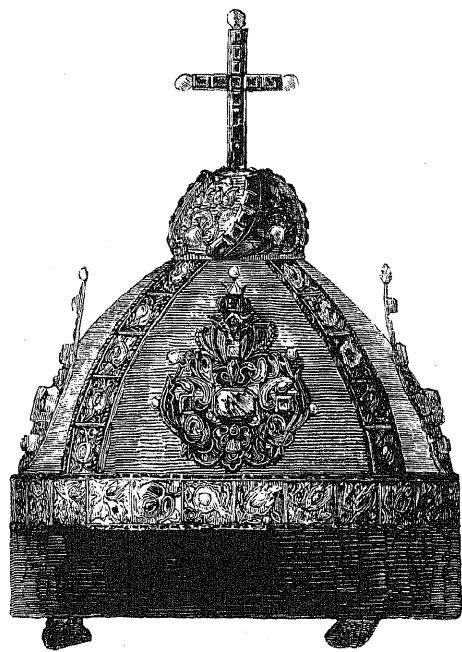

ЕРМАКЪ, ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ.—РИСУНОКЪ А. ШАРЛЕМАНИ. ГРАВЮРА НА СТАЛИ.

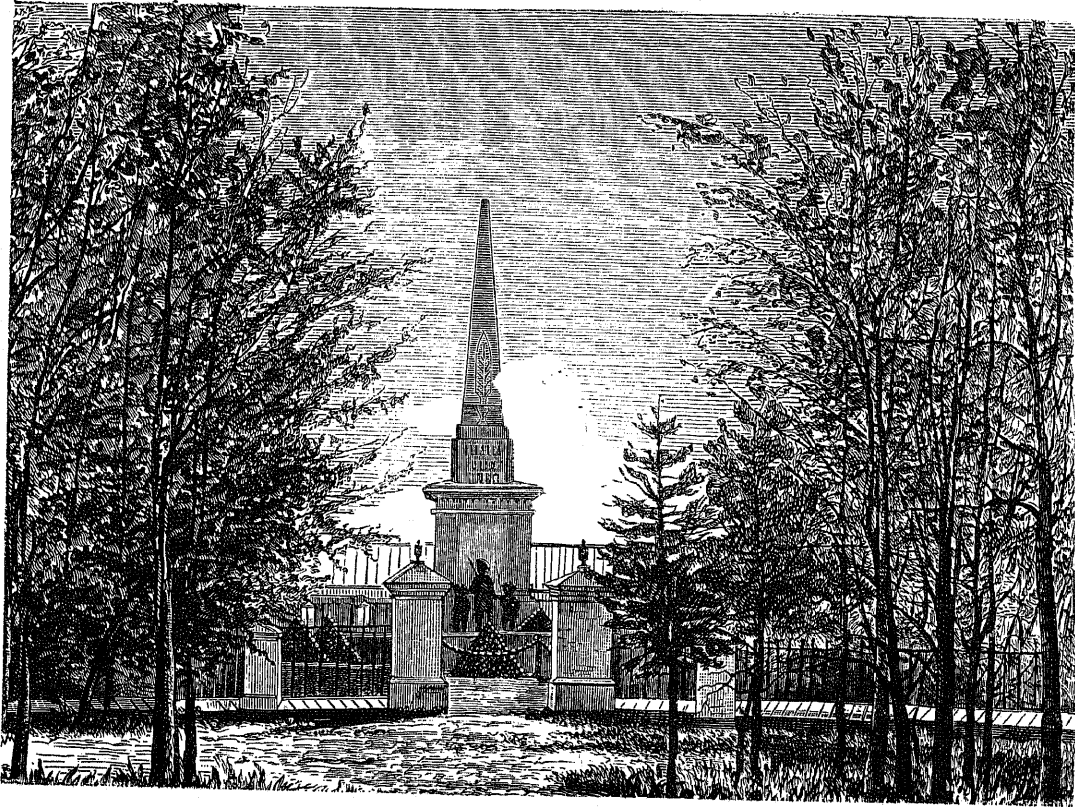

ЕРМАКЪ.—СТАТУЯ М. М. АНТОКОЛЬСКАГО.

заковъ совсѣмъ ужь не такъ много, и всѣми силами на-
легли на нихъ. Но казаки были уже недалеко отъ столицы: оста-
валось только выбить Кучума изъ его засѣки; дѣло не легкое —
у Кучума было много народа: на каждого русскаго приходилось
почти по двадцати татаръ, но на окончательномъ совѣщаніи ка-
заки рѣшили биться до смерти. Ружья, пушки да и молодецкая
казацкая сила сослужили имъ тутъ службу: татары были раз-
биты, Кучумъ бѣжалъ, и казаки заняли безпрепятственно опустѣ-
лую Сибирь. Остяки, вогуличи и много мелкихъ татарскихъ
князьковъ пришли къ Ермаку съ изъявленіемъ своей покорно-
сти, и въ 1582 году казаки покорили уже послѣдніе улусы по
Иртышу и Оби.

ШАПКА СИБИРСКАЯ (ВЪ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТѢ, ВЪ МОСКВѢ).

ПАМЯТНИКЪ ЕРМАКУ ВЪ ТОВОЛЬСКЪ.

Скоро явилось въ Москву и особое посольство отъ Ермака: Иванъ Кольцо съ нѣсколькими товарищами; они били государю челомъ Сибирскимъ царствомъ и поднесли ему въ даръ драгоценныя произведенія завоеваннаго края — мѣха соболя, бобрывые и лисьи.

Давно уже, по словамъ современниковъ, не было такой радости въ Москвѣ. Вѣсть о томъ, что, волей Божіею, казаки завоевали для русской державы новое царство, быстро разнеслась въ народъ и радовала всѣхъ послѣ столькихъ неудачъ и неурядицъ Ливонской войны.

Іоаннъ чрезвычайно милостиво принялъ Кольцо, не только простилъ его и его товарищей за прежнія ихъ преступленія, но

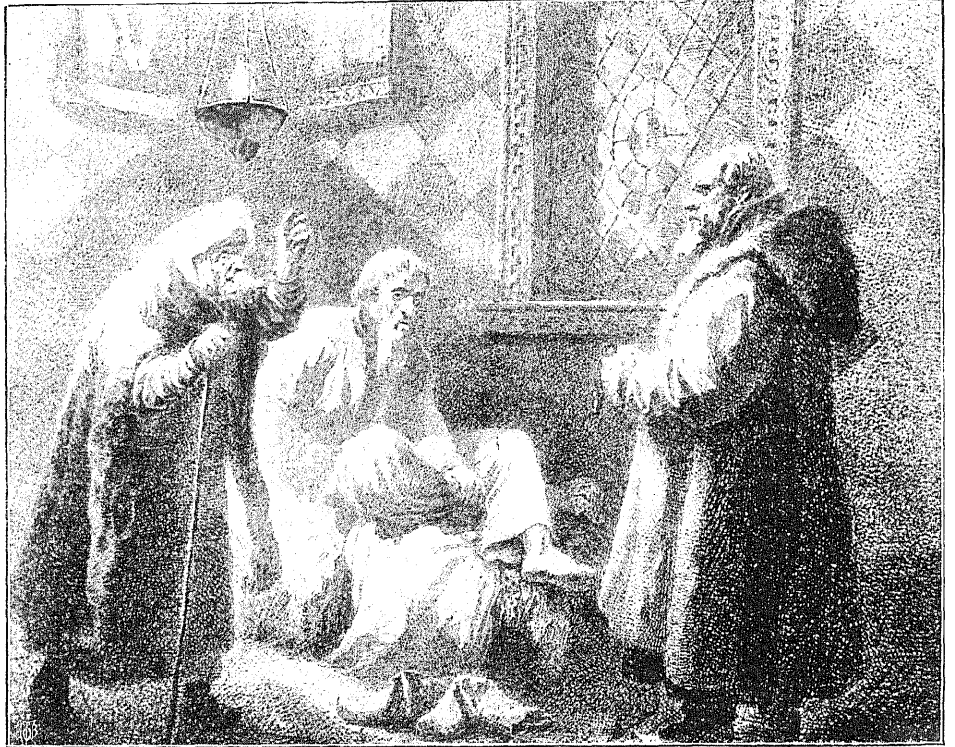
отблагодарилъ щедрыми дарами, Ермаку послалъ въ подарокъ шубу со своего плеча, серебряный ковшъ и два панцыря, а затѣмъ отправилъ въ Сибирь воеводу, князя Болховского, со значительнымъ отрядомъ войска. Немного удалцовъ осталось уже у Ермака и безъ помощи едва-ли удалось бы ему удержать въ своихъ рукахъ завоеванныя земли. Татарскіе князьки поминутно возставали противъ него, а кромѣ этого и самъ Ермакъ скоро погибъ: утонулъ въ Иртышѣ, обороняясь отъ напавшей на него въ дорогѣ татарской шайки. Но Ермакъ недаромъ показалъ намъ путь въ Сибирь: русскіе отряды не перестали постепенно завоевывать ее, пока весь сѣверъ Азіи съ его неисчерпаемыми богатствами не перешелъ къ Россіи.

ІОАННЪ ГРОВНЫЙ РАЗМАТРИВАЕТЪ ДАРЫ, ПРИСЛАННЫЕ ЕРМАКОМЪ. — КАРТИНА С. Р. РОСТВОРОВСКАГО.

ЮАННЪ ГРОЗНЫИ И МАЛЮТА СКУРАТОВЪ.—КАРТИНА
Г. С. СЪДОВА.

ОПОЧИВАЛЬНЯ ЮАННА ГРОЗНАГО.
Рисунокъ В. Шварца въ Третьяковской галлерей

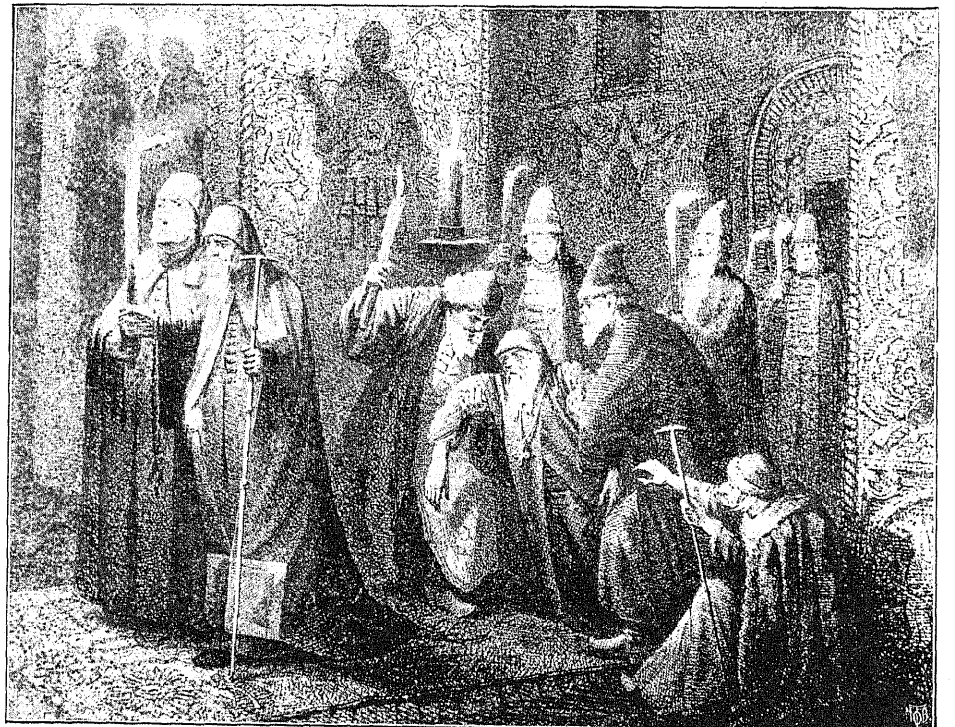
Большія внутреннія перемѣны происходили въ Московскомъ государствѣ и въ характерѣ самого Юанна уже вскорѣ послѣ завоеванія Казани. Прежде всего начались разногласія между царемъ и его совѣтниками, Сильвестромъ и Адашевымъ. Сильвестръ совѣтовалъ Юанну заняться послѣ завоеванія Казани покореніемъ Крыма, но Грозный, гораздо болѣе дальновидный, не послушался его и началъ, какъ извѣстно, Ливонскую войну. Тогда недовольный Сильвестръ сталъ внушать Юанну, что веѣ несчастья, которыя его въ это время постигли—болѣзны его самого, жены его и дѣтей—посланы были ему Богомъ въ наказаніе за то, что онъ пошелъ наперекоръ ему—Сильвестру. Въ то-же время Сильвестръ сталъ сближаться съ нелюбимыми Юанномъ боя-

рами, враждебно относившимися къ братьямъ царицы, Романовымъ.

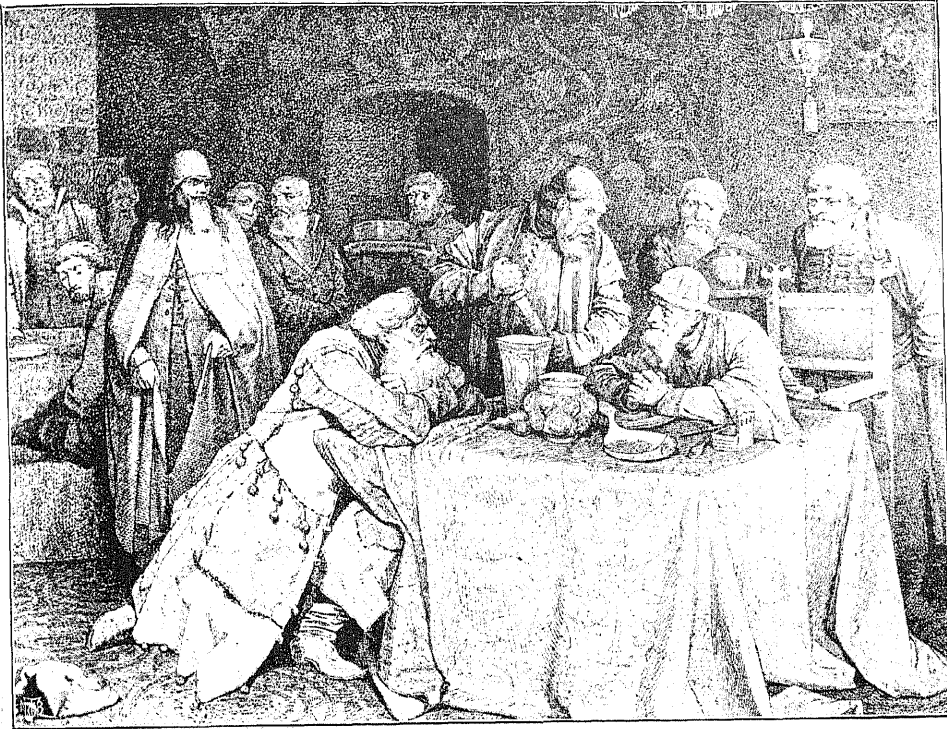
Вскорѣ Юаннъ тяжело заболѣлъ и, не надѣясь выздоровѣть, потребовалъ, чтобы еще при его жизни двородный братъ его, Владиміръ Андреевичъ, и бояре присягнули его малолѣтнему сыну, Димитрію. Но Владиміръ Андреевичъ, Сильвестръ и отецъ Адашева не захотѣли присягать и вмѣстѣ со своими приверженцами громко отказывались, выражая свое нежеланіе служить Романовымъ, которые должны были управлять государствомъ за малолѣтствомъ Димитрія. Адашевъ хотя и присягнулъ, но въ споры не вмѣшивался и не уговаривалъ бояръ повиноваться Юанну.

ЦАРЬ ЮАННЪ ГРОЗНЫИ И ЕГО МАМКА.—КАРТИНА
К. В. ВЕНИГА.

ШЕСТВІЕ ЮАННА ГРОЗНАГО КЪ ЗАУТРЕНЬ.
Рисунокъ В. Шварца въ Третьяковской галлерей.

МОРОЗОВЪ ВЪ ШУТОВСКОМЪ НАРЯДѢ.
Рисунокъ В. Шварца въ Третьяковской галлерей.

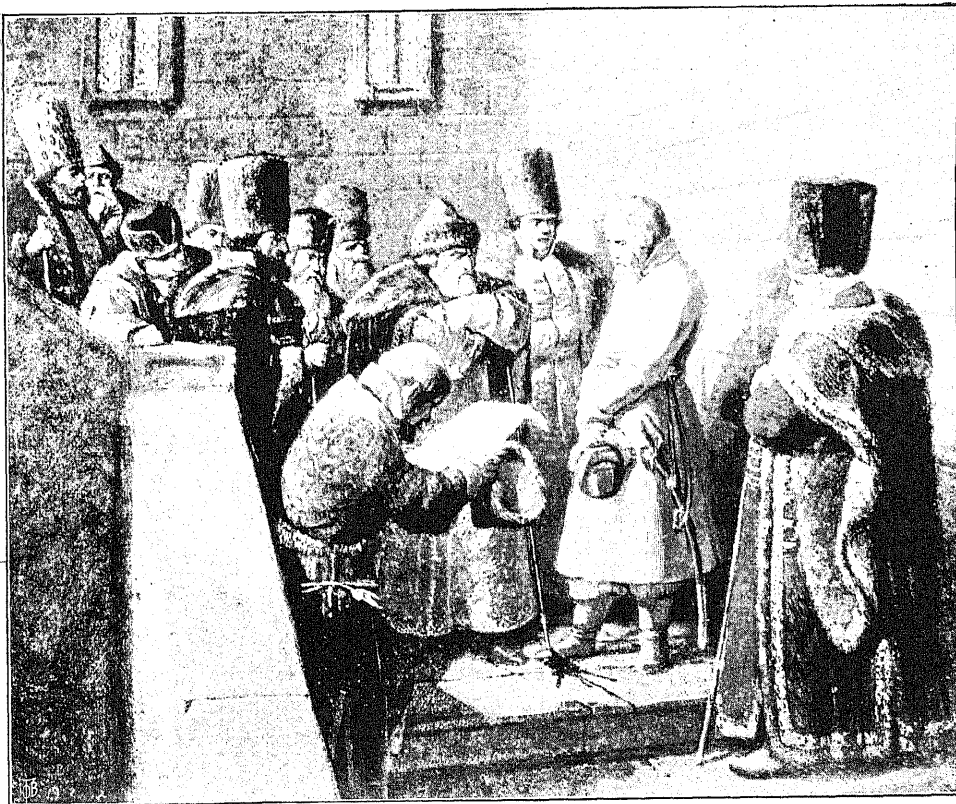
Уступая настояніямъ преданныхъ Иоанну бояръ, въ концѣ концовъ все присягнули Дмитрію, но больной царь слышалъ все эти разговоры и убѣдился въ нерасположеніи своихъ любимцевъ и ихъ партіи къ его семейству и сталъ недоувѣрчиво относиться къ нимъ. Отправляясь на богомолье въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, Иоаннъ захватилъ по дорогѣ къ бывшему коломенскому епископу Вассіану, любимцу Василя Ш. Вассіанъ между прочимъ сказалъ Иоанну въ отвѣтъ на его вопросъ, какъ надо царствовать, чтобы держать въ послушаніи своихъ вельможъ: «Если хочешь быть самодержцемъ, не держи при себѣ совѣтниковъ умнѣе себя». Иоаннъ принялъ совѣтъ его весьма близко къ сердцу

ИОАННЪ ГРОЗНЫЙ И ЮРОДИВЫЙ НИКОЛА СМОЛСЪ.
Картина П. И. Геллеръ.

и въ годъ смерти первой жены своей, Анастасіи, которая была, по его мнѣнію, отравлена боярами, заточилъ Сильвестра въ Соловецкій монастырь, а Адашева послалъ въ ссылку. Многочисленные ихъ приверженцы, выразившіе было несочувствіе къ переменѣ въ характерѣ царя, подверглись также казнямъ и ссылкамъ. Иоаннъ, отдаливъ тѣхъ лицъ, которыя еще имѣли надъ нимъ вліяніе, и потерявъ любимую жену, вполне отдался своимъ страстямъ, и дремавшая въ немъ болѣзнь духа начинала уже просыпаться.

Подозрительность Иоанна еще усилилась вслѣдствіе измѣны князя Курбскаго, знаменитаго ливонскаго воеводы и прежняго любимца Иоанна. Проигравъ одно сраженіе и опасаясь царскаго гнѣва, онъ отъѣхалъ на службу къ Сигизмунду-Августу. Изъ Литвы онъ прислалъ Иоанну письмо съ вѣрнымъ слугою своимъ, Шибановымъ, замученнымъ Грознымъ, въ которомъ рѣзко обвиняетъ Иоанна за его жестокіе поступки съ боярами и проводитъ мысль, что правленіе только тогда и шло хорошо, когда царь совѣтовался съ боярами. Иоаннъ, отвѣчалъ Курбскому, напротивъ, всѣми силами записалъ въ своихъ письмахъ принципъ самодержавія.

ПОСОЛЪ ОТЪ КНЯЗЯ КУРБСКАГО.
Рисунокъ В. Шварца въ Третьяковской галлерей.

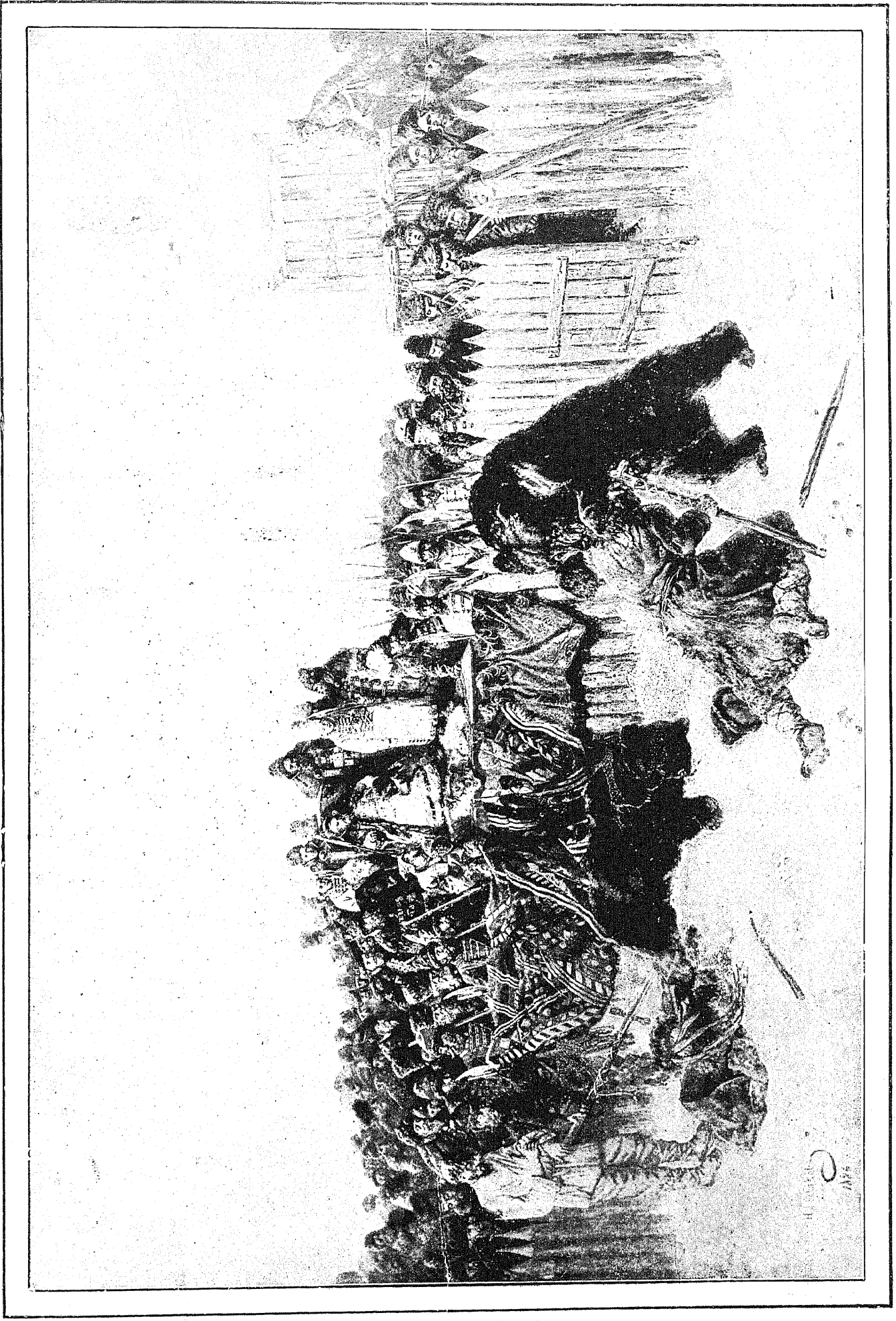
ГЕРБЪ КНЯЗЯ А. М. КУРБСКАГО.

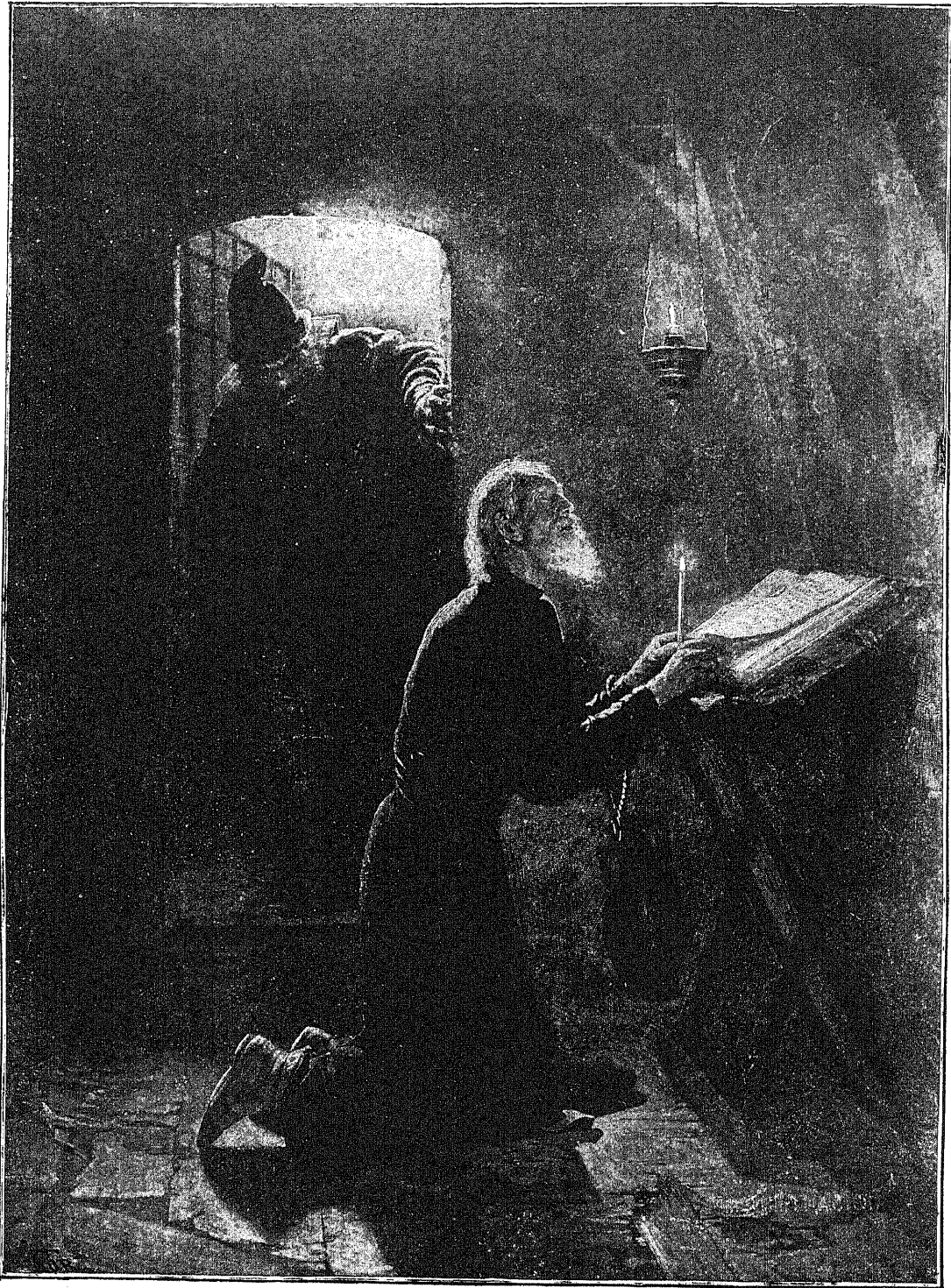
КУЛАЧНЫЙ БОЙ ПРИ ЮАННЪ IV ГРОЗНОМЪ.—КАРТИНА М. ПЕСКОВА.

ОПРИЧНИКИ ВЪ ДОМЪ У ЗЕМСКАГО.—КАРТИНА А. Н. НОВОКОЛЬЦЕВА ВЪ РУССКОМЪ МУЗЕЕ ИМП. АЛЕКСАНДРА III.

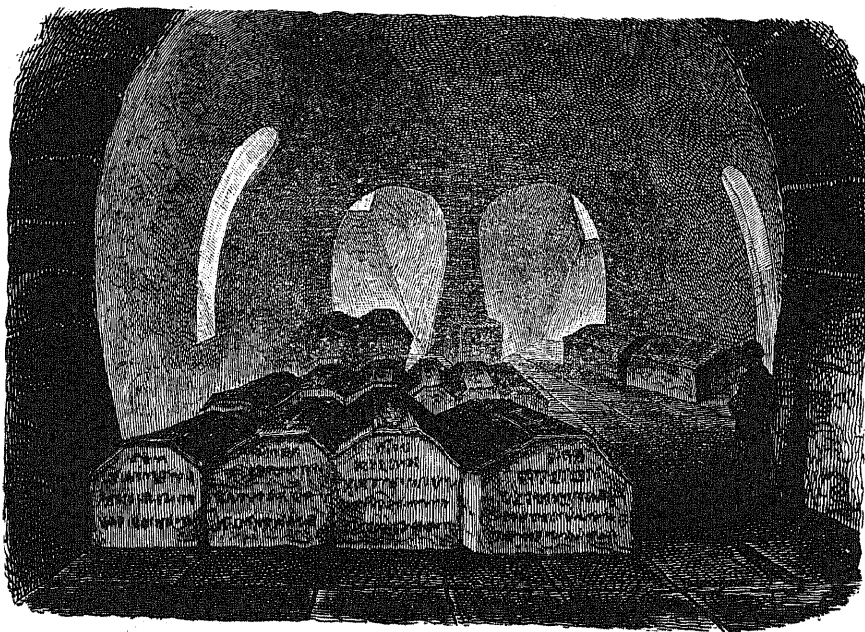
ЕДИНОБОРСТВО СЪ МЕДВѢДЕМЪ ПРИ ЮАННѢ ГРОЗНОМЪ.—КАРТИНА Н. СВЕРЦОВА.

ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ МИТРОПОЛИТА ФИЛИППА.—КАРТИНА А. Н. НОВОСКОЛЬЦЕВА ВЪ РУС. МУЗ. ИМП. АЛЕКСАНДРА III.

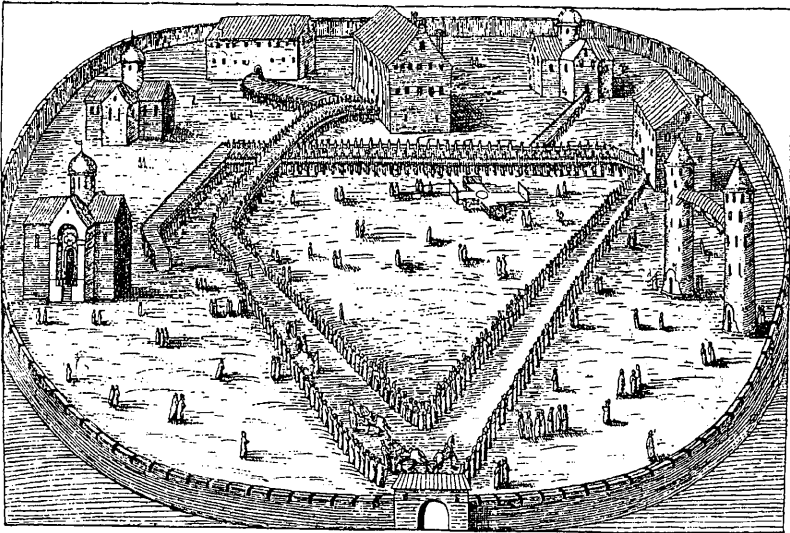
Письма Курбскаго, въ которыхъ онъ явился защитникомъ и представителемъ всей боярской партіи, произвели на царя такое сильное впечатлѣніе, что онъ сталъ подозрѣвать въ измѣнѣ всѣхъ рѣшительно бояръ. Онъ сталъ окружать себя людьми другихъ сословій. Симьвестра и Адашева смѣнили теперь при Иоаннѣ страшной памяти Малюта Скуратовъ, Бѣльскій и другіе. Казни, ссылки, пытки такъ и сыпались на притихшее теперь боярство. Все трепетало передъ волей грознаго владыки, одинъ только голосъ деранулъ возвыситься въ защиту несчастныхъ: это былъ голосъ митрополита Филиппа.

Наконецъ въ декабрѣ 1564 года царь со

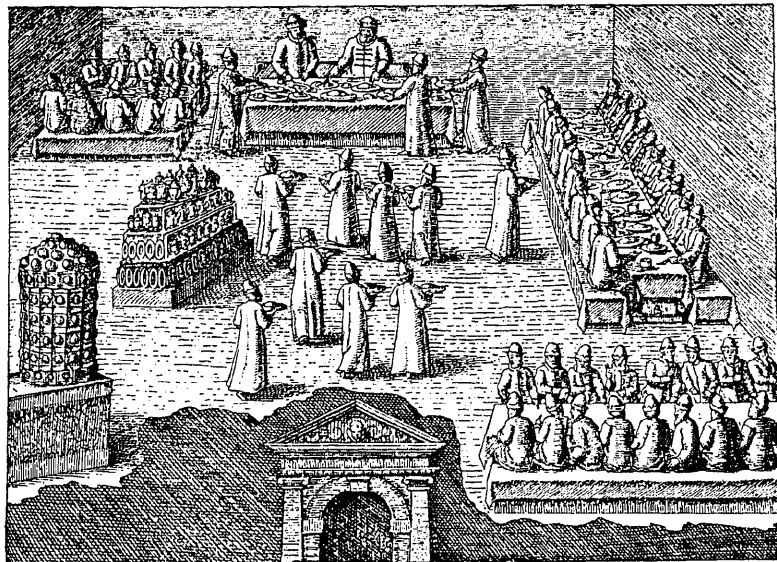

ГРОВНИЦЫ ЦЕРАРХОВЪ ВЪ МОСКВѢ.

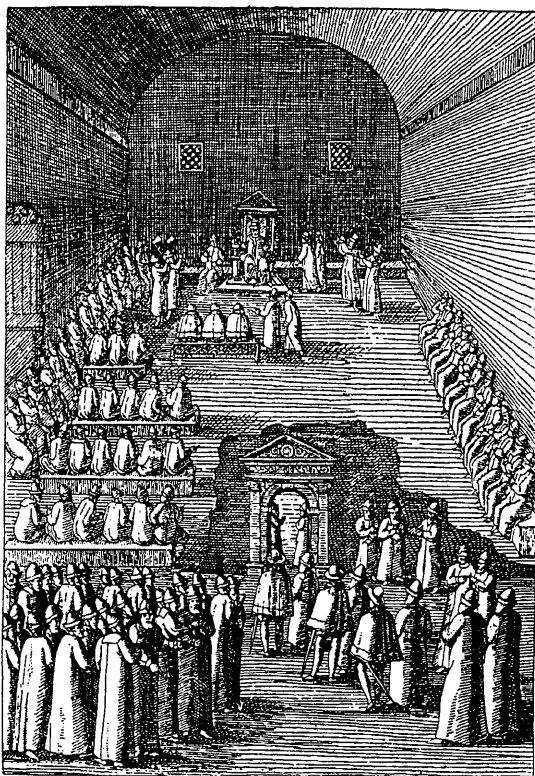
всѣмъ семействомъ неожиданно оставилъ Москву и уѣхалъ въ Александровскую слободу, откуда черезъ мѣсяцъ написалъ митрополиту и народу, что онъ хочетъ отказать отъ престола, такъ какъ бояре измѣняютъ ему и не заботятся о государствѣ, а духовенство мѣшаетъ наказывать ихъ, а на купцовъ и народъ онъ не гнѣвается и имъ нечего опасаться. Вся Москва ужаснулась. Духовенство и бояре поѣхали просить царя, отъ имени всѣхъ, вернуться на царство. Иоаннъ согласился только съ тѣмъ условіемъ, что ему не будутъ мѣшать расправляться съ измѣнниками такъ, какъ онъ хочетъ. Тутъ онъ окружилъ себя преданными ему, по большей части незнатными

ОБЩИЙ ВИДЪ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ СЛОБОДЫ.
Изъ книги Якова Улефельда: «Нодосергисон Рутеникум».

ПРАЗДНИЧНЫЙ ОБЪЕДЪ ВЪ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ СЛОБОДѢ. СЪ ПРАВОЙ СТОРОНЫ ЦАРЯ СИДИТЪ СТАРШІЙ ЕГО СЫНЪ ІОАННЪ.
Изъ книги Якова Улефельда: «Нодосергисон Рутеникум».

ПРИЕМЪ ПОСЛАНИКОВЪ ВЪ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ СЛОБОДѢ.

Съ правой стороны царя сидитъ его старшій сынъ Іоаннъ; передъ нимъ стоятъ одѣтые въ бѣлый шелкъ рынды съ приподнятыми топорами.

Изъ книги Якова Улефельда: «Нодосергисон Рутеникум».

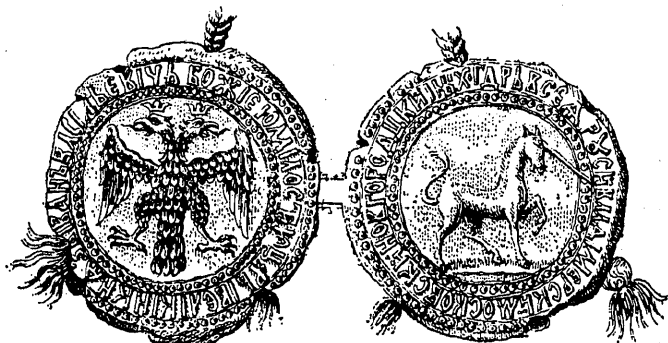

БОЛЬШАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПЕЧАТЬ ІОАННА ІV, приложенная къ двумъ трактатамъ 1583 и 1584 гг., заключеннымъ между Россіею и Швеціею. (Въ Королевскомъ архивѣ въ Стокгольмѣ).

людьми, которые получили названіе опричниковъ и содержались доходами съ нѣкоторыхъ городовъ и земель; остальная Русь составляла земщину.

Начались опалы и казни бояръ, которыхъ привозили для пытокъ въ укрѣпленную Александровскую слободу, гдѣ Іоаннъ съ тѣхъ поръ поселился.

Въ это-то страшное время и раздался смѣлый голосъ, не побоявшійся обличить царя во имя Божіей правды. Митрополитъ Филиппъ, происходившій изъ знатнаго рода Колычевыхъ, дѣятельный, всѣми уважаемый пастырь святой жизни, почти

ПЕЧАТЬ ГОСУДАРСТВЕННАЯ МАЛАЯ (ДВОЙНАЯ КОРМЧАЯ) ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ІОАННА ІV ВАСИЛЬЕВИЧА 1569 ГОДА.
Печать приложена къ жалованной грамотѣ 1569 года, данной игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Кириллу съ братіею, на принадлежность тому монастырю покушныхъ и вкладныхъ земель, варничныхъ мѣстъ, рыбныхъ ловель и дворовъ Каргопольскаго уѣзда въ Тургасовскомъ стану, съ освобожденіемъ монастырскихъ дворовъ отъ всякихъ пошлинъ, а равно отъ суда каргопольскихъ намѣстниковъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ душегубства.

противъ собственной воли поставленный Іоанномъ въ митрополиты, однажды въ соборной церкви всенародно обличилъ царя въ жестокости. Іоаннъ давно гнѣвался на пастыря и подозрѣвалъ его въ добротствѣ бояръ. Но такъ какъ святая жизнь пастыря была извѣстна всему народу, то Іоаннъ еще медлил. Наконецъ, послѣ всякихъ клеветническихъ доносовъ Филиппъ былъ низложенъ опричниками и отвезенъ въ заключеніе въ Тверской-Отрочь монастырь, гдѣ Малюта задушилъ старца въ эпоху кроваваго похода Іоанна на Новгородъ.

1 ДѢКІЕЙ СѢВЕРСКОГО СЪВѢРЪХЪ ПРИЛОЖИ.

2 МЕНА ДА ИСАА ДРАВОРОПЬНСКОГО РУЧИ И РЪДЪ ПРИЛО
ЖИ.

3 ПОПИСЪ ДРАВОРОПЬНСКОГО КНЯЗЯ ДІВЪСЪРЪЧАНКО СЪ (КЪЩЕКА) СЪ.

4 МЕНА ПАНА РЪТН ЛУИ РЪ СЪ ПРИЛОЖИ.

5 МЕНА ЛВА ИДЕ ПЕИ МОИ РЪЧА ЛУИ РЪ КЪ ПРИЛО
ЖИ И ВА Е ПЕИ СВОИ МЕСТ ПТО

6 **ВѢЖІЕЮ** МЪ ПІЮ, СМІРЕННЫЙ ДѢОНАСІИ,
МИТРОПОЛИТЪ ВСЕАРДЪСІИ,

7 **ВѢЖІЕЮ** МЪ ОЮ СМІРЕННЫИ ДАНРЪ ДРХІ Е ПЪ РЪ РОСТОВСКІИ
И ЯРОСЛАВСКІИ.

ПОДПИСИ ПОДЪ ГРАМОТОЮ ВЪ ВѢРНОСТИ ЦАРЮ ІОАННУ ГРОЗНОМУ И НАСЛѢДНИКАМЪ ЕГО.

1. БОЯРИНА АЛЕКСѢЯ ДАНИЛОВИЧА ВАСМАНОВА, СОВѢТНИКА ІОАННОВА ПРИ УЧРЕЖДЕНІИ ОПРИЧИНЫ.—2. КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ВОРОТЫНСКАГО.—3. ЦАРСКАГО ДЯКА АНДРЕЯ ЩЕКАЛОВА.—4. БОЯРИНА ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВОЛШОГО-ШЕРЕМЕТЕВА, ПОВѢДИТЕЛЯ КРЫМЦЕВЪ.—5. БОЯРИНА ЛЬВА АНДРЕЕВИЧА САЛТЫКОВА.—6. МИТРОПОЛИТА АНАСІИ, БЫВШАГО НА МИТРОПОЛИИ ВЪ 1565 И 1566 ГОДАХЪ.—7. РОСТОВСКАГО И ЯРОСЛАВСКАГО АРХІЕПИСКОПА НИКАНДРА.

На Руси водворилось полнѣйшее безправіе. Опричники, которые давали присягу служить только одному царю, доносить на измѣнниковъ, не знаться съ земскими людьми, отказаться даже при вступленіи на службу къ Іоанну отъ отца и матери, чтобы служить одному царю — безнаказанно обижали народъ. Не было жестокости, которой они не проявили бы надъ беззащитными земскими, пользуясь своимъ особымъ положеніемъ. Они развѣзжали по Москвѣ верхомъ, съ собачьими головами и метлами, привязанными къ сѣдламъ въ знакъ того, что грызутъ царскихъ лиходѣевъ и метутъ Россію. Все трепетало передъ ними. Но, несмотря на то, что представители знатнѣйшихъ боярскихъ

родовъ погибли уже отъ рукъ опричниковъ, несмотря на казнь двоюроднаго брата Іоанна, Владиміра Андреевича, котораго Грозный считалъ особенно опаснымъ для себя, несмотря на полнѣйшую, рабскую преданность, окружавшую страшнаго властелина, Іоаннъ не успокоивался и продолжалъ брать съ бояръ крестоцѣловальныя записи въ томъ, что они не измѣнятъ царю и не отъѣдутъ въ чужія земли и будутъ вѣрою и правдою служить его наслѣдникамъ. Сохранились нѣсколько образчиковъ такихъ грамотъ. Мало того, что сами бояре давали клятвенныя обѣщанія не измѣнять, царь заставлялъ и другихъ ручаться за нихъ, съ обязательствомъ уплатить въ казну большія деньги въ случаѣ ихъ измѣны.

1
 Анедча дѣки гдѣи по вѣ свое мѣрѣ великомѣ
 кнѣзю и вѣд итвоеи мѣри и вѣши а вѣтѣ правн
 ти по сеи записи и збѣтѣ сѣна домною посто
 мѣсѣи чюдѣки зѣ великий вѣдвписѣ вѣ своен
 ахо внои грамотѣ. а пописѣ дѣамѣ своенорѣ
 ко ю +

2
 Миреный макаріе, бжїею млтїю
 митрополитѣ всеа рїсїи

3
 Насей записи а кнѣи вѣ мстиславскои
 крѣтѣ целовѣнрѣкѣ приложїи.

4
 Насей записи а кнѣи вѣ мстиславскои
 крѣтѣ целовѣнрѣкѣ приложїи.

5
 Насей записи а кнѣи вѣ мстиславскои
 крѣтѣ целовѣнрѣкѣ приложїи.

6
 Насей записи а кнѣи вѣ мстиславскои
 крѣтѣ целовѣнрѣкѣ приложїи.

ПОДПИСИ ПОДЪ ГРАМОТОЮ ВЪ ВѢРНОСТИ ЦАРЮ ІОАННУ ГРОЗНОМУ, И НАСЛѢДНИКАМЪ ЕГО.

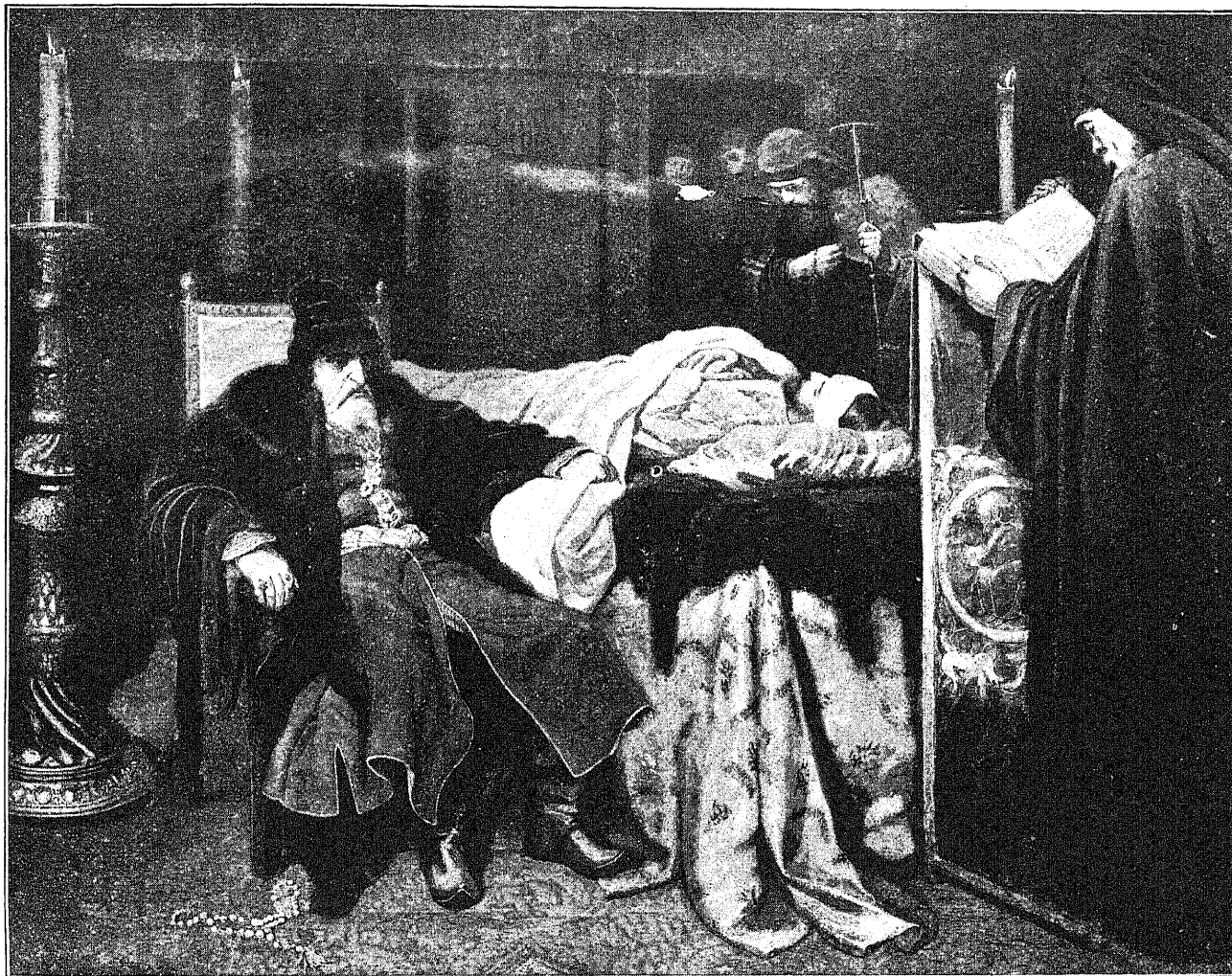
1. князя андрея ивановича старицкаго, дяди іоанна грознаго, погившаго въ темницѣ.—2. митрополита всея русїи макарія, пасшаго церковь съ 1543 по 1565 г., строителя четыи-миней, степенной книги и пр.—3. боярина князя ивана ѳедоровича мстиславскаго, одного изъ правителей государства по завѣщанію іоанна грознаго.—4. василія михайловича.—5. боярина ивана петровича.—6. игумена соловецкаго св. филиппа, который вступилъ на митрополию въ 1566 г., а въ 1569 лишенъ сана, посланъ въ заточеніе и потомъ умерщвленъ по повелѣнію царя іоанна васильевича грознаго.

ІОАННЪ ГРОЗНЫИ И СЫНЪ ЕГО ІОАННЪ 16 НОВАРЯ 1581 Г.—КАРТИНА П. Е. РЫПИНА ВЪ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ.

Послѣдніе годы царствованія Грознаго были самой тяжкой порою въ жизни русскаго государства. Неудачи въ Ливонской войнѣ сильно раздражали царя, попрежнему шли розыски дѣйствительныхъ и мнимыхъ измѣнниковъ, совершались пытки и лютыя казни. Хотя ненавистная всѣмъ опричина и была отмѣнена въ 1572 году, но только по имени. Пренніе любимцы царя Аѳанасій Вяземскій, Алексѣй Басмановъ, правда, погибли, заподозрѣнные въ свою очередь въ крамолѣ, а Малюта былъ убитъ при осадѣ Полоцка, но новые приближенные, не менѣе свирѣпые, смѣнили ихъ. Совѣсть по временамъ просыпалась въ Іоаннѣ со страшной силой, цѣлыми ночами молился онъ и каялся, отбивая до кровавыхъ слѣдовъ на лбу земные поклоны, но его больная воля

не слушалась разсудка. Въ ноябрѣ 1581 года въ Александровской слободѣ случилось страшное событіе. Царевичъ Іоаннъ Іоанновичъ сталъ укорять отца, по однимъ извѣстіямъ, за унизительные переговоры съ Баторіемъ, а по другимъ—за обиду своей жены. Іоаннъ, вспльчивость котораго не знала предѣловъ, не стерпѣлъ грубости сына и со всего размаху ударилъ его своимъ неизмѣннымъ спутникомъ—тяжелымъ и заостреннымъ костьюлемъ по головѣ. Царевичъ упалъ, обливаясь кровью, и черезъ нѣсколько дней скончался. Царь былъ виѣ себя отъ раскаянія и горя, хотѣлъ даже отказаться отъ царства, нѣкоторое время непрестанно молился, дѣлалъ щедрые вклады на упокой души царевича по монастырямъ и церквамъ.

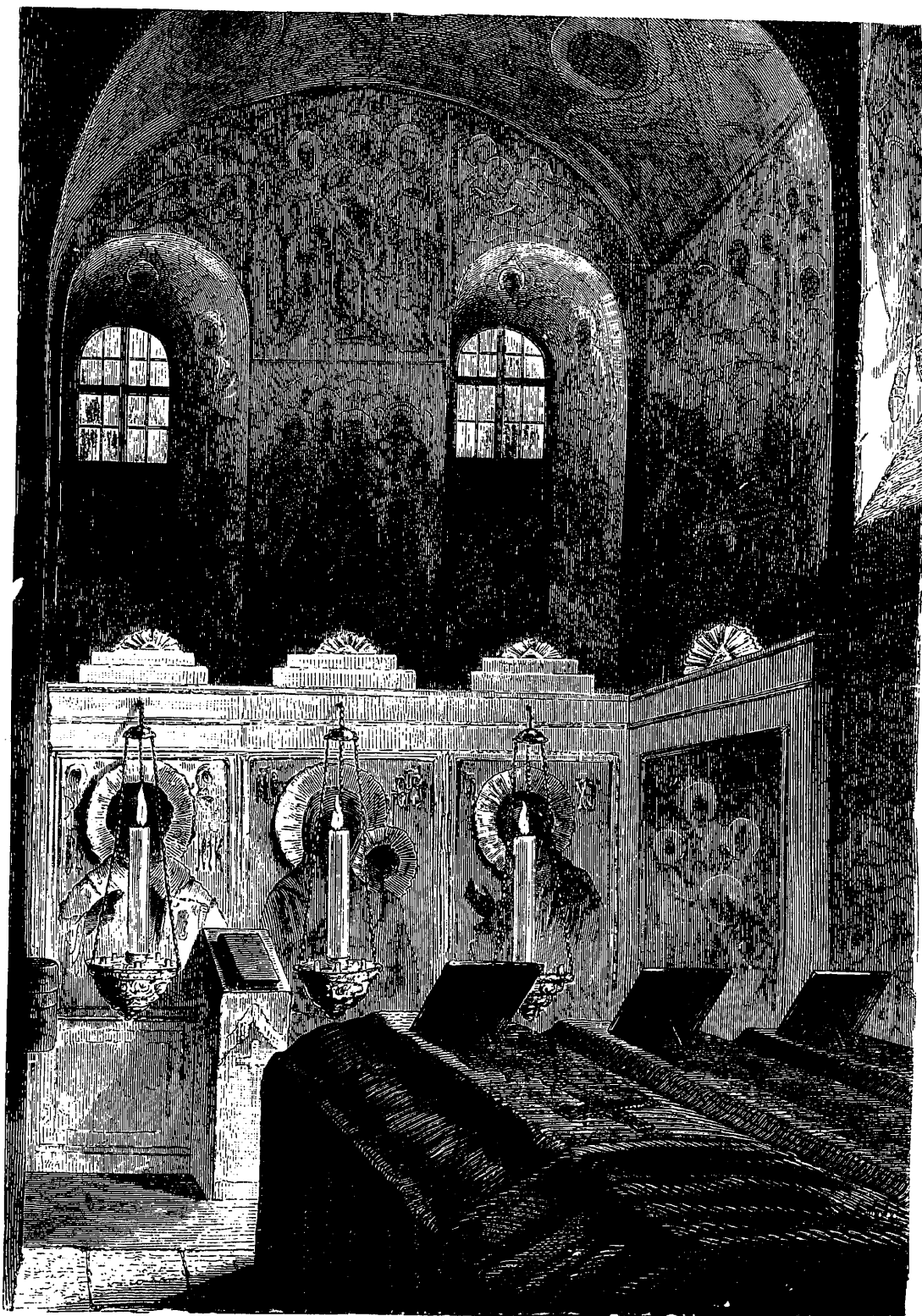
ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ У ТѢЛА УБИТАГО ИМЪ СЫНА.—КАРТИНА В. Г. ШВАРЦА ВЪ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕѢ.

ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ МАЛЮТА СКУРАТОВЪ У КОЛДУНЬИ.—КАРТИНА Д. П. МИТРОФАНОВА.

СМЕРТЬ ЮАННА ГРОЗНАГО.—КАРТИНА К. Е. МАКОВСКАГО ВЪ МУЗЕЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

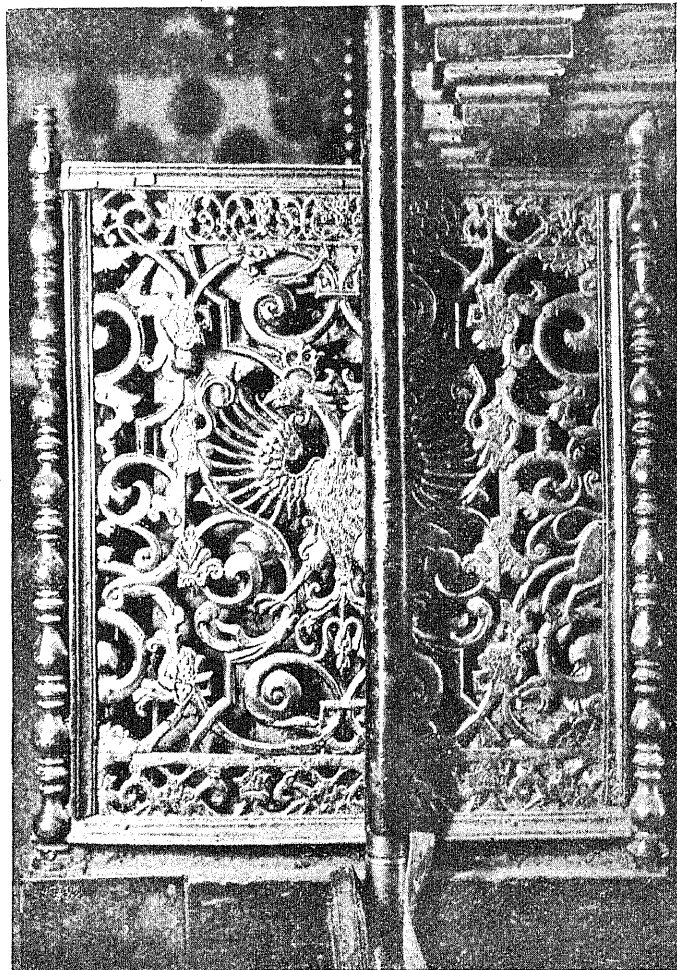
ГРОБНИЦЫ ІОАННА ГРОЗНАГО И ЕГО ОЫНОВЕЙ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ СОВОРѢ.

Невоздержная жизнь, которую Грозный вель в Александровской слободѣ, неудачное окончаніе Ливонской и шведской войнъ, постоянныя угрызения совѣсти, не дававшія ему покоя въ послѣдніе годы его жизни, въ конецъ расшатали его здоровье. Смерть сына оживила въ его памяти картины пытокъ и казни тысячъ людей, погибшихъ подобно царевичу отъ его неразумнаго гнѣва, и онъ въ часы мучительной безсонницы усиливался припомнить жертвъ своихъ по именамъ, составлялъ синодики—поминальныя записи; два такихъ синодика сохранились въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ; общій итогъ всѣхъ погибшихъ доходить въ нихъ до 3470 душъ.

Въ 1583 году Іоаннъ окончательно разболѣлся: у него стали гнить внутренности и пухнуть тѣло. Во время его болѣзни на

небѣ показались новыя кометы. «Это знаменіе моей смерти!»—воскликнулъ царь и измѣнился въ лицѣ. Иностранные доктора напрасно старались вылѣчить Іоанна. Въ Москву привезли со всѣхъ сторонъ русской земли волхвовъ гадать о томъ, выздоровѣть-ли царь. 18 марта 1584 г., послѣ теплой ванны, Іоаннъ почувствовалъ себя лучше и даже расположился-было, сидя на кровати, сыграть съ Бѣльскимъ въ шахматы, какъ вдругъ упалъ на постель безъ дыханія. Напрасно хлопотали врачи надъ бездыханнымъ тѣломъ. Явился митрополитъ и сталъ поспѣшно совершать надъ Іоанномъ обрядъ постриженія, нарекая царя Іоною.

Раздался ударъ соборнаго колокола, и Москва узнала, что грознаго царя нѣтъ на свѣтѣ.

РЕШЕТКА ЦАРСКОЙ ГРОВНИЦЫ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ СОВОРЬ
ВЪ МОСКВѢ.